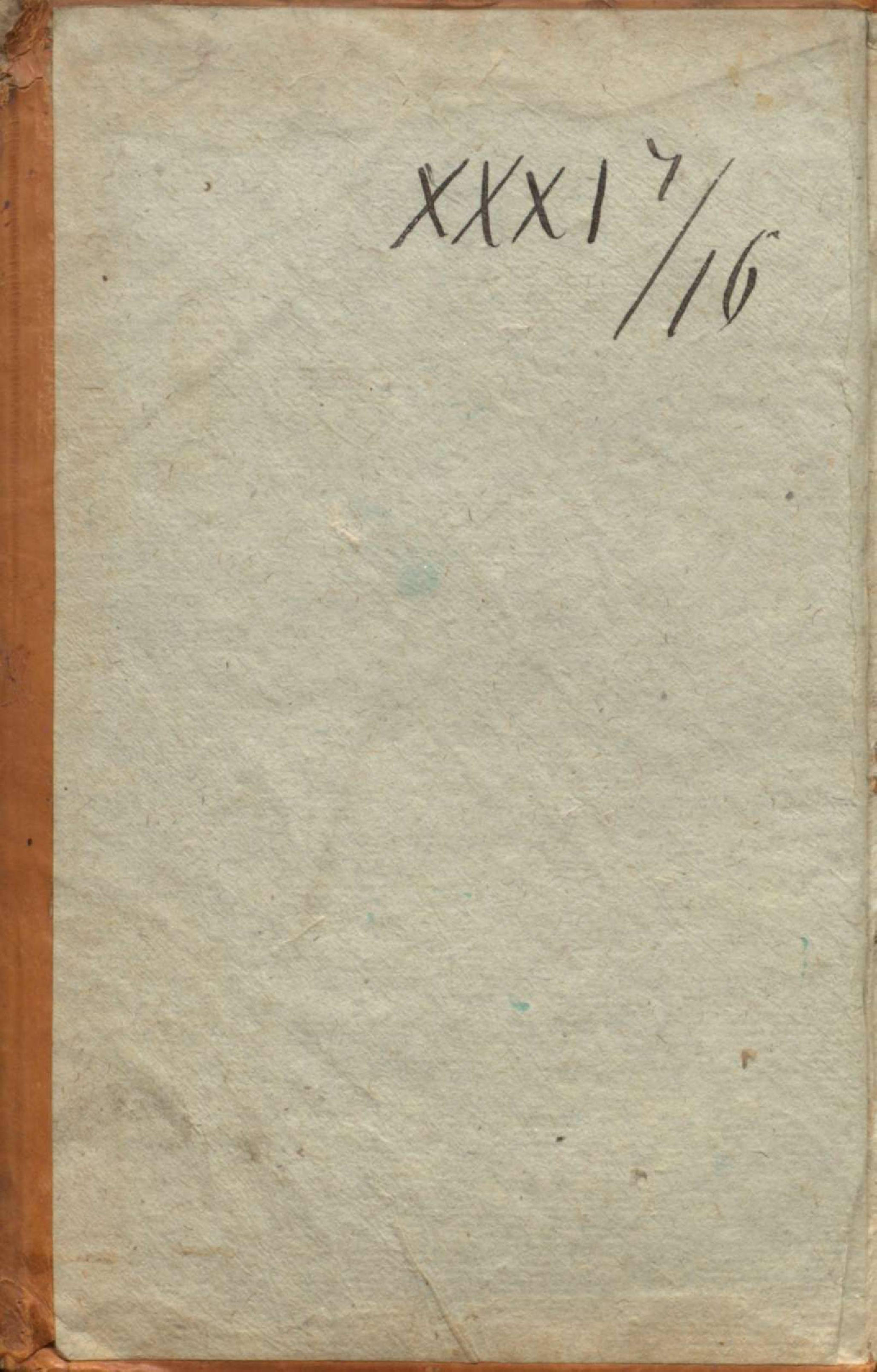
ОРК
282007
Геллерт Х. Ф.
Нравоучение
1775 г.
Р


XXXI 7/16

Х. Ф. ГЕЛЛЕРТА
НРАВОУЧЕНІЕ

съ

НѢМЕЦКАГО НА РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

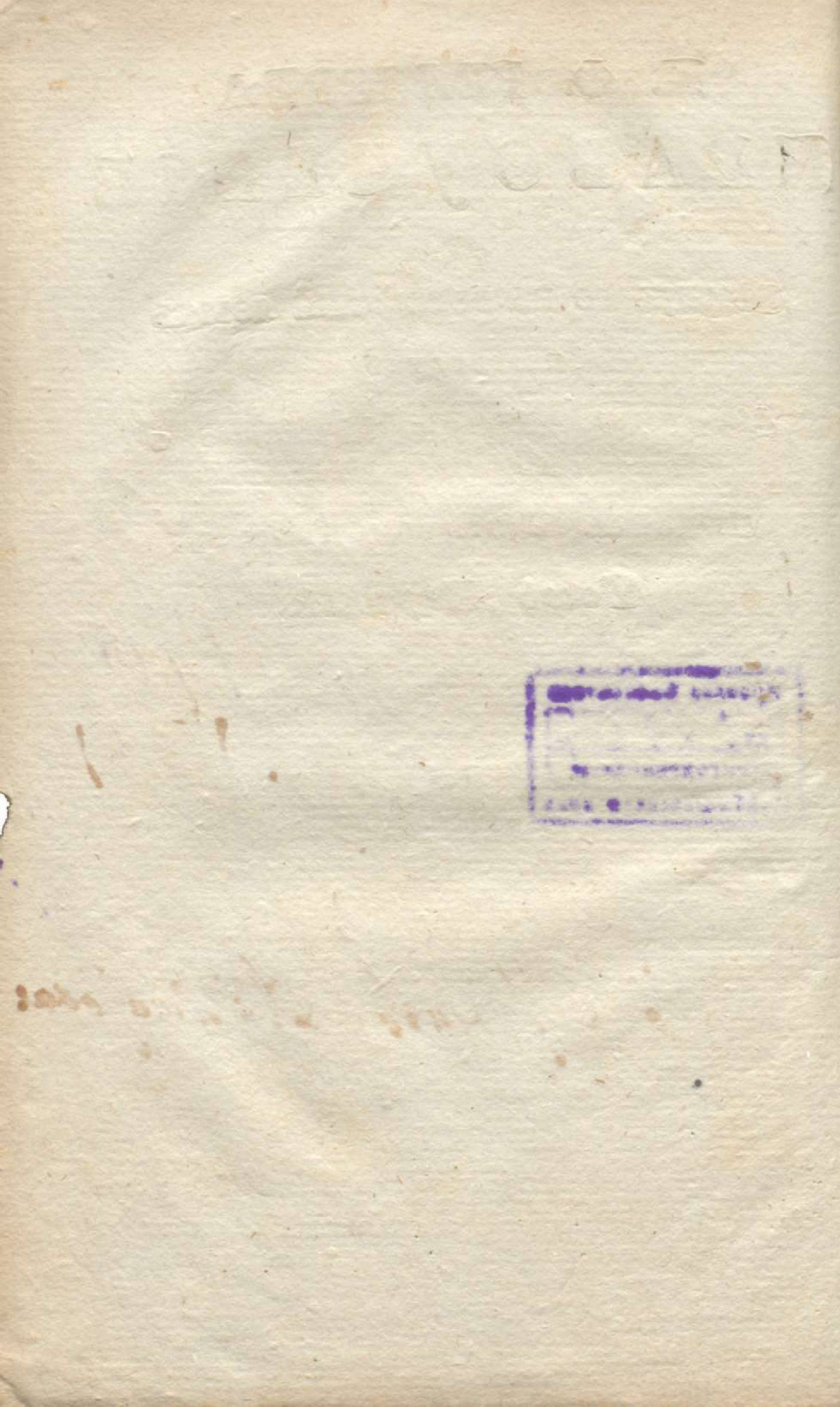
ПЕРЕВЕДЕНО

Московской Академіи Еврейскаго и Греческаго языковъ учителемъ

МИХАЙЛОМЪ ПРОТОПОПОВЫМЪ.

Томъ Первый.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1775 года.



ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ

АЛЕКСѢЕВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ

ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ,

ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРУ,

СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ,
СВЯТАГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО
И СВЯТЫЯ АННЫ

КАВАЛЕРУ.

МИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Человѣколюбивѣйшія Ваши предпріятія, дѣйствія и поступки свѣтлозарными своими лучами касаясь и оживотворяя каждаго, кто только изъ людей, а наипаче изъ питавшихся нѣсколько времени сосцами премудрыя Минервы, подъ Ваше покровительство прибѣгнуть не укоснитъ, суть пружина побуждающая всякаго принимать на себя сильное обязательство глубочайшей преданности, и *Вашего Сіятельства* имя отнынѣ пересылать въ безъущербной сохранности потомственному роду, гдѣ бы оно лаврами безсмертной славы будучи украшено, никогда не увядало. Сія книга прославившагося во всей Германіи, и безсмертной памяти до-

достойнаго сочинителя тѣмъ болѣе заслуживаетъ поднесена быть *Вашему Сіятельству*, чѣмъ яснѣе предлагаетъ она гражданину, ведущія къ созиданію его блаженства пути, и притомъ такія, по которымъ и *Ваше Сіятельство* ходить изволите. Нѣтъ моего намѣренія здѣсь въ посвятительномъ родѣ писанія исчислять подробно оныя; (ибо самое нравоученіе откроетъ,) но спѣшу просить *Ваше Сіятельство* о благоволительномъ принятіи сего перевода, на что несумнѣнную возлагаю надежду.

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА!

ПОКОРНѢЙШІЙ СЛУГА

Михайла Протопоповъ.

ПЕРВОЕ ОТДѢЛЕНІЕ,
Которое въ себѣ вообще содержитъ объясненіе основаній и свойствъ нравоученія.

ПЕРВОЕ УЧЕНІЕ.
Введеніе въ нравоученіе; или начертаніе по его качествамъ, пространству и пользѣ.

Нравоученіе, или познаніе должности человѣческой, наставляетъ нашъ *разумъ* къ *премудрости*, и наше *сердце* къ *добродѣтели*; а чрезъ обое сіе ведетъ насъ къ благополучію. Никто не сыщетъ благополучія, котораго онъ не знаетъ, ни *средства* къ тому употребить можетъ, когда онъ его столько же мало знаетъ, или не увѣренъ въ томъ, что они суть наилучшія и единственныя. И такъ нравоученіе должно насъ научать, въ чемъ состоитъ истинное наше *благополучіе* или наше *высочайшее добро*,

т. е. какая бы тварь состоящая изъ безсмертнаго духа и изъ тлѣннаго тѣла была наилюбезнѣйшею, къ спокойствію душевному и внѣшнему благосостоянію наиприличнѣйшею, и какимъ бы мы *путемъ* безопаснѣе могли достигнуть до сей мѣты.

Когда взираемъ на *самихъ себя*, видимъ, что мы снабдѣны различными силами, понятностьми, и естественными склонностями, мы одарены искусными и удивительными орудіями тѣла; мы открываемъ множество нуждъ, безъ которыхъ жить не можемъ, и которыя мы должны искать. Мы всѣ чувствуемъ непреоборимую склонность къ жизни и къ удовольствію; мы окружены множествомъ золъ, которыхъ также естественно отвращаемся; видимъ множество предметовъ, кои насъ къ себѣ привлекаютъ; кои сперва насъ довольствуютъ, а потомъ насъ наказываютъ. Мы находимъ, что удовольствія, за коими гоняемся, не всѣ одинакаго достоинства, что одни скоропреходящія, другія продолжительны, что одни болѣе нашему тѣлу, другія болѣе нашей душѣ приличны, что на одни, когда ими наслаждались, тайное подаемъ согласіе; на другія напротивъ того съ раскаяніемъ, стыдомъ и неудовольствіемъ взираемъ; что мы свои силы и склонности то симъ, то онымъ образомъ, то къ выгодѣ нашей, то ко вреду употребить можемъ.

Еще мы видимъ себя *людьми окруженныхъ*, безъ которыхъ помощи и общества не можемъ пробыть, и кои также не могутъ обойтись безъ помощи и общества нашего, кои нашему удовольствію, такъ какъ мы ихъ, то способствовать,

то его возмутить могутъ. Мы чувствуемъ къ нимъ склонности, кои внутреннее свѣденіе то добрымъ и благороднымъ, то непозволительнымъ и презрительнымъ объявляютъ, и кои опредѣленіе разума то доказательствами подтверждаютъ то запрещаютъ. Мы находимъ дѣйствія, кои по изреченію внутренняго судіи то хороши, то худы, и сколь долго чрезъ страсти возмущены не будемъ, наше сердце безъ великаго доказательства разума, безъ дальнаго слѣдствія объявляетъ ихъ такими, какъ они въ самомъ дѣлѣ похвальны или вредны.

Мы находимъ наконецъ, когда разсматриваемъ насъ, *другихъ*, *естество* съ его явленіями, свѣтъ съ его чудесами, съ его порядкомъ, различностію, красотою, премудростію, великолѣпіемъ и совершенствомъ, въ частяхъ и въ цѣломъ, въ великости и малости, въ концахъ и средствахъ съ стороны пользы и удовольствія находимъ столь многіе слѣды премудраго, преблагаго и всемогущаго Творца, что не состоитъ въ нашей волѣ, хотѣть его *познапать* и въ него вѣрить, или нѣтъ. Ежели Онъ насъ сотворилъ, намъ всѣ силы и склонности, кои мы имѣемъ, даровалъ: то и премудрое имѣлъ намѣреніе, для котораго мы ихъ употреблять должны. Возможно ли, чтобъ человѣкъ былъ величайшимъ дѣломъ творенія, а съ онымъ несогласнымъ?

До сего божескаго намѣренія касается нравоученіе разума, и изслѣдываетъ оное въ естествѣ человѣка или опредѣленія онаго въ его силахъ и склонностяхъ: сіе опредѣленіе или намѣреніе ча-

стію чрезъ естественное качество нашихъ свойствъ, кои намъ разумъ открываетъ, частію чрезъ тайное чувствованіе сердца или стремленіе совѣсти открывается, которое не только нашъ разумъ принуждаетъ божественный законъ вообще познавать, но и чувствительно даетъ знать, что по его природѣ справедливо или нѣтъ, что позволительно и что не позволительно, что честно и что безчестно. И такъ конецъ, для котораго мы отъ Бога сотворены, примѣчать и изслѣдовать, и *средства*, кои употреблять должны для онаго, постигать, и оное исполнять научаетъ философское нравоученіе: *сіе высочайшее* намѣреніе не менѣе быть можетъ, *развѣ всегда пребывающее и общее спокойствіе и благополучіе человѣческое чрезъ свободное послушаніе къ Господу и Создателю.* Сего имъ уставленнаго благополучія съ покореніемъ, вѣрностію и ревностію искать и ему поспѣшествовать есть должность, премудрость и добродѣтель; и какъ должности, коимъ насъ природа научаетъ, суть средства къ нашему истинному благополучію; то они суть *непремѣнны*, и основаны на вѣчной волѣ божіей и на Его святости. Ибо представить себѣ Бога такимъ, которой только благій и всемогущій, а не купно святый и правосудный, которой на то не смотритъ, Его воли, кою намъ въ совѣсти и въ разумѣ открываетъ, повинуемся или нѣтъ, значитъ Бога безчестить и Его существо уничтожать. И такъ нравоученіе насъ научаетъ святымъ должностямъ и для насъ блаженнымъ. Оно научаетъ насъ познавать различіе между добромъ и зломъ, благороднымъ и не благороднымъ, честнымъ и безчестнымъ, чтобы мы тѣмъ легче искали добра,

а зло отвергали. И потому сколь охотно должны были онаго приказаніямъ научаться и ихъ исправлять, понеже безпрестанно чувствуемъ желаніе щастливыми быть!

Но склонности и страсти, кои намъ Богъ, способомъ нашего благополучія, къ достиженію онаго, или къ отдаленію зла даровалъ, суть силы, кои *свободнаго* и по ихъ предметамъ *сходственнаго*, и *попечительнаго употребленія* требуютъ. Сильно или слабо желать и отвращаться, отдаляетъ насъ обое отъ нашего благополучія, добра желать, зла отвращаться, и средство, оное получить, и сего уклоняться, не хотѣть искать и употреблять, есть младенческое, противное и возмутительное желаніе благополучія.

Еще наши склонности и нужды суть *различны*. Склонности свойственной нашему естеству такъ удовлетворять, чтобъ другихъ оставить въ неудовольствіи или озлобить, есть противъ согласія нашей души, и противъ состава щастія. Вмѣстны намъ *многія удовольствія*, кои по ихъ *достоинству* распоряжены, и коими всѣми вмѣстѣ наслаждаться не можемъ; *многія печали*, кои также различны жестокостію, и кои мы отъ насъ не всѣ отдалить можемъ. Ежели въ семъ случаѣ погрѣшаемъ при нашемъ выборѣ; и ежели не избираемъ *большаго* добра, когда *малѣйшаго* купно достигнуть не можемъ, и не избираемъ *малѣйшаго* зла, чтобъ избѣжать *большаго*; ежели хотимъ будто какъ весну и лѣто, сѣмя и жатву вмѣстѣ въ нашей душѣ имѣть, горчайшаго лекарства болѣе бояться, нежели болѣзни: то поступа-

ступаемъ противъ природы, и противъ нашего счастія, коего существо чрезъ нашу волю не можетъ перемѣниться.

Все сіе требуетъ, чтобъ намъ былъ предводителемъ разумъ, и вниманіе на его голосъ, и на изреченія внутренняго чувствія, что добро и что худо. Но разумъ, надлежащимъ образомъ, спрашивать и его выслущать, его изреченія съ нашею совѣстію сравнивать, къ сему принадлежитъ *искренность*, *охота учиться*, и *тишина жестокихъ страстей*. и такъ не удивительно ли это, когда мы его, т. е. сей разумъ, или гласа сердца часто совсѣмъ не понимаемъ, часто темно и не прямо? Мы часто должны приказаніямъ разума чрезъ то повиноваться, чтобы намъ пріятную склонность либо совсѣмъ имъ приносить на жертву, либо непорядочное умѣрять самолюбіе, и то и другое есть трудъ и насиліе, которое мы самимъ себѣ причинить должны! и такъ не извѣстно ли будетъ, что добродѣтель, что наше счастіе безъ труда, безъ продолжаемаго труда, ни получить, ни сохранить не можно, и что нравоученіе есть, дѣло нашей всей жизни, младенческаго, мужескаго и состарѣвшагося возраста, что оно не праздная мудрость школъ, не безсильное воспитаніе памяти, не величавая наука, чтобъ тѣмъ блистать въ компаніяхъ или книгахъ, но наставленіе, которому мы въ нашемъ сердцѣ и во всей жизни въ тишинѣ и шуму, во время трудовъ и отдохновенія, въ счастіи и несчастіи, въ здоровьѣ и нѣмощи, при смерти и далеко отъ гроба во всѣхъ состояніяхъ жизни какъ сынъ, какъ отецъ, какъ братъ, какъ супругъ, какъ пріятель,

какъ

какъ учитель, какъ правитель, какъ подданной, какъ гражданинъ отечества и какъ гражданинъ свѣта и вѣчности послѣдовать должны? Ибо гдѣ можно выдумать состояніе духа, эпоху, случай, которой бы надлежащаго нравственнаго и свободнаго употребленія нашихъ силъ не требовалъ? и гдѣ есть случай, когда бы это лучше было, противъ святаго непремѣняемаго учрежденія всевѣдущаго, благаго, правосуднаго и всемогущаго существа поступать, въ которомъ все къ нашему благополучію или къ нашей пагубѣ соединяется.

Нравоученіе, подобно солнцу, есть свѣтъ, которой нашъ *духъ просвѣщаетъ*; оно распростираетъ свое сіяніе надъ нравственными предметами, и глазу человѣческому различныя должности и намѣренія своего бытія изъ понятіи и различныхъ опредѣленій ясными дѣлаетъ. Но оно не только есть свѣтъ, которой просвѣщаетъ, но и должно *оживлять сердце*. Оно должно сѣмя естественно хорошей склонности согрѣвать, чтобъ оно свои младые плоды добродѣтели и благополучія для насъ и другихъ приносило. Нашъ вкусъ къ доброму умножается, чѣмъ болѣе мы красоту и божественность добродѣтели и ея благотворительное вліяніе во всѣ отношенія жизни научаемся познавать. Мы начинаемъ похвальное, непорочное и законное мыслей, склонностей и дѣйствій, живо, скоро и въ его разныхъ степеняхъ чувствовать. И сіе чувствованіе, когда мы объ немъ стараемся, провождаетъ насъ чрезъ всѣ обстоятельства жизни, возбуждаетъ насъ къ нашей должности, и дѣлаетъ насъ острыми и рачительными оную наилучшимъ образомъ наблюдать. Сіе продолжаемое

мое наблюденіе вливается опять въ нашу склонность, и утверждаетъ ея благодарно новыми силами. Намъ легче становиться добрыми быть, потому что мы ужѐ часто были. Тайное удовольствіе въ томъ, что мы справедливо поступали, распространяется въ нашемъ сердцѣ, и дѣлаетъ насъ бодрыми, веселыми для насъ, веселыми для другихъ, радостными предъ Богомъ. Ибо добродѣтельной, какъ премудрой Царь его изобразилъ, есть (*) *смѣлъ*, какъ *молодой левъ*. Сіе тихое удовольствіе первое благословеніе добродѣтели, наводняетъ подобно тихому ручью сердце и напояетъ его благородныя склонности; они разпускаютъ корень и подрастаютъ. Такимъ образомъ отвращеніе порока возрастаетъ. Мы познаемъ его гнусность, и его вредное вліяніе, его бра[illegible] съ разумомъ и съ закономъ Божіимъ; мы чувствуемъ въ нашихъ собственныхъ глупостяхъ, и преступленіяхъ бремя зла, наказующее и научаемся сіе ненавидѣть. Сія ненависть провождаетъ насъ въ искушенія и помогаетъ намъ побѣждать. Мы находимъ въ примѣрахъ и въ обхожденіи съ непорочными, удовольствіе; наше сердце подражаетъ имъ, и бываетъ чрезъ нихъ благороднѣе. Мы примѣчаемъ примѣры порочныхъ съ неудовольствіемъ; наше сердце заключается для ихъ обхожденія и почитаетъ добро тѣмъ выше. Такъ дѣлаетъ удачльное художества изображеніе, которое подлѣ гнуснаго поставлено, нашъ вкусъ къ красивому живѣе; и неудовольствіе въ худомъ возвышаетъ любовь къ красивому. Такимъ образомъ нравоученіе *настапляетъ* и *исправляетъ сердце*.

Но

(*) Притч. Солом. гл. 28. стих. 1.

Но нравоученіе вопервыхъ показываетъ намъ наше *отношеніе съ вѣчнымъ* отцемъ духовъ, и всего совершенства. Его *познавать*, сіе должно блаженнѣйшее имѣть вліяніе въ наше сердце. Его познавать, значитъ купно его любить, почитать, покланяться, объ немъ радоваться, его приказаніямъ и судьбамъ безъ изъятія себя покорять, чувствовать благодарность и упованіе на него, и удивленіе и любовь къ его совершенствамъ и дѣламъ. Ежели нравоученіе возбуждаетъ и подтверждаетъ сіе познаніе и сіи склонности: то явно, что оно наше сердце къ высочайшей степени достоинства и благополучія, которыя намъ съ природы вмѣстны, возводитъ. Сіи склонности, и познанія въ разсужденіи предмета, суть важны; и для того возвышаютъ они сердце. Они соединяютъ насъ съ источникомъ совершенства, и для того они дѣлаютъ наше сердце спокойнымъ и довольнымъ. Они подаютъ нашимъ *особеннымъ склонностямъ* и *общественнымъ должностямъ* порядокъ и жизнь, и бываютъ святѣйшими и сильнѣйшими побужденіями къ непорочности, безъ свидѣтелей, безъ земныхъ наградъ славы и собственной пользы, только изъ одного чести достойнаго повиновенія къ Божеству, они укрѣпляютъ насъ, наши собственныя выгоды забывать, и добродѣтели приносить драгую жертву, какъ скоро наше собственное удовольствіе не можетъ стоять съ нашими должностями. Они утверждаютъ нашъ покой, выгодность, имѣнія, здоровье да и самую жизнь, когда того требуетъ Божество, великодушно отвергать, и такъ же изъ его руки бѣдность съ благодарностію, печали съ терпѣніемъ и съ высочайшимъ упованіемъ будущей блаженнѣй-

шей жизни принимать. Сіе есть главнѣйшая черта нравственнаго *начертанія*, то есть *упованія* вѣчнаго пребыванія, котораго наше сердце желаетъ, распоряженіе нашихъ душевныхъ силъ обѣщаетъ, и понятіе о добрѣ, могуществѣ, премудрости и святости Божіей подкрѣпляетъ. И такъ нравоученіе, которое нашъ духъ къ добродѣтели наставляетъ, есть наука не для одной только жизни; и наше *нравственное* счастіе есть одно, которое за ними съ нашимъ сердцемъ въ вѣчность слѣдуетъ. Въ сей жизни пускаетъ ростočикъ наша добродѣтель, а вѣчность оную приводитъ къ спѣлости, и есть жатва нашего духа. Но какіе суть законы нравоученія?

Законы премудрости и нравоученія суть не многіе; но обьясненія, доказательства и употребленія оныхъ многія. *Дѣлай*, гласитъ главный законъ нравоученія, *дѣлай изъ послушанія и съ искренностію сердца къ твоему всемогущему Творцу и Господу*, все, что съ совершенствами божіими, *что съ твоимъ собственнымъ истиннымъ благополучіемъ и благосостояніемъ твоихъ ближнихъ согласно, и оставляй противное сему.* Сіи законы и обязательство, имъ повиноваться, не трудно познать разуму чрезъ откровеніе просвѣщенному. Ибо безъ свѣта закона и мы бы въ ученіи о Богѣ и добродѣтели не яснѣе видѣли, нежели какъ Философы древности, которые были остроумнѣйшіе мужи. И однакожъ въ наши времена малѣйшая деревня болѣе знаетъ *о единомъ Богѣ* и должностяхъ человѣка; нежели города, въ коихъ художества и науки процвѣтали, нежели Аѳины и Римъ знали; и такъ сіи законы

нравоученія познать и доказать, не великая для насъ мудрость, но оныя во всѣхъ обстоятельствахъ, во всякое время, и во всѣхъ отношеніяхъ *изъ почтенія къ Богу* исполнять, стараться: сіе то есть труднѣйшая и высочайшая премудрость. Сердце собственно имѣетъ только *одну добродѣтель*, и сіе есть *живое, сильное отъ совѣсти и разума произшедшее намѣреніе, вездѣ праведно и согласно съ божественнымъ опредѣленіемъ безъ изъятія поступать, потому что мы ничего блаженнѣе дѣлать не можемъ*, изъ сей добродѣтели сердца, подобно какъ изобильнаго источника, многіе ручьи каждыхъ добродѣтелей и должностей проистекаютъ.

Главнѣйшая изъ сихъ добродѣтелей какъ крайнія и высочайшія благія человѣка, при стяжаніи которыхъ онъ покой и удовольство и истинную высокость духа обрѣтаетъ, суть *подобострастіе и любовь къ Богу, умѣренность, и владычествованіе надъ своими желаніями, правосудіе и любовь къ человѣкамъ, нашимъ братьямъ, прилѣжаніе и трудъ въ своемъ званіи, тишина и терпѣніе въ несчастіи, кротость, уповаціе на божественный промыслъ, препорученіе самого себя его судьбинѣ*. Сіи благія суть плоды совѣсти и хорошо употребленнаго разума. Яснѣе сказать, мы чувствуемъ склонности къ добру, которыя совѣсть въ насъ вливаетъ, и разумъ оправдаетъ, мы чувствуемъ склонности сердца ко злу, которыхъ гнусность совѣсть извѣщаетъ и разумъ чрезъ основанія показываетъ. Въ недостаткѣ сихъ непозволенныхъ склонностей и въ большемъ присутствіи добрыхъ, въ управленіи естественныхъ склонностей,

стей, и охотъ воли, по извѣстнымъ Божескимъ законамъ и намѣреніямъ, въ господствованіи надъ своими чувствами, и умерщвленіи страстей, въ свѣденіи, что мы то, что по начертанію и учрежденію Бога быть должны, или лучше сказать, что мы искренно и ревностно стремимся такъ быть добрыми, какъ мы быть должны, въ томъ наша высочайшая должность, и высочайшее благополучіе души, состоять должны.

А что господство надъ своими желаніями и страстьми, къ чему требуется неусыпное раченіе и прозорливость, что любовь и ревность къ добру, что правосудіе, благость и человѣколюбіе, которыя всегда сопряжены съ нашимъ и другихъ благополучіемъ и насъ подобными дѣлаютъ божеству, что неустрашимость, тишина и терпѣніе при различныхъ опасностяхъ, и неминуемыхъ несчастіяхъ жизни; что кротость, безъ которой человѣкъ всегда ложь есть; что любовь, подобострастіе, и упованіе на Бога, и спокойное и всегдашнее врученіе его мудрымъ судьбамъ, суть *благія душевныя драгоцѣннѣйшія*, и слѣдовательно наша *высочайшая должность*, то значитъ, что мы безъ нихъ ни истинной заслуги, ни всегдашняго благополучія не имѣемъ. Сіе можно чувствовать и доказывать.

Беззаконникъ, которой сихъ благихъ не имѣетъ, ясно доказываетъ ихъ своимъ беззаконнымъ и страха исполненнымъ чувствованіемъ, высочайшими. Для чего ему дрожать, ежели нѣтъ недостатка въ его благополучіи? Доброй ясно доказываетъ ихъ чрезъ свой покой и тайное свѣденіе

высочай-

высочайшими. Для чего бы быть ему при своемъ стяжаніи спокойнымъ, ежели бы еще болѣе благихъ для его сердца было? наша совѣсть неоспоримымъ увѣреніемъ намъ возвѣщаетъ сіи свойства, яко благородныя и достойныя любви, а противныя имъ, яко страшныя и наказаніе заслуживающія. Когда представимъ, что мы во всякой славѣ внѣшнихъ благъ, въ излишествѣ чести, богатства, и высочества, всѣми удовольствіями вообраҗенія окружены, всѣмъ познаніемъ художествъ и наукъ обогащены, и превосходнымъ разумомъ одарены; притомъ представимъ себя съ такимъ сердцемъ, у котораго вышепомянутыхъ благъ, *поздержанія самого себя, непорочности и любви къ Богу* не достаетъ; тогда наша совѣсть назоветъ ли насъ счастливыми? ежели представимъ, что *высочайшій духъ*, которой пересматривалъ все опредѣленіе и сіе сердце въ насъ открыто смотрѣлъ, долженъ дать изреченіе о нашемъ достоинствѣ, моглъ ли бы подать намъ согласіе? ежели бы онъ увидѣлъ въ нашей душѣ тамъ, гдѣ *милость и доброжелательство* владычествовать должны были, вкрадывающуюся собственную корысть, вмѣсто *почтенія* и *упованія на Бога*, ребяческое самолюбіе и обоженіе насъ самихъ; то при всемъ внѣшнемъ благополучіи, при всѣхъ дарахъ разума, при всемъ земномъ высочествѣ, не почелъ ли бы за бѣднѣйшихъ глупцовъ, у которыхъ порядка и согласія не достаетъ? Непорочной человѣкъ въ семъ нашемъ начертаніи, когда онъ его знаетъ, найдетъ ли оное достойнымъ своей любви и почтенія? и самое божество какимъ окомъ на такое возритъ сердце? Развѣ Богъ несправедливѣйшей Судія, нежели благочестивой человѣкъ,

и высо-

и высочайшій Ангелъ? Можно ли намъ безъ хулы представить, будто Онъ источникъ всѣхъ благъ, непорочность сéрдца менѣе почитать и требовать долженъ, нежели человѣкъ и Ангелъ? будто онъ худое качество нашего сéрдца, которое Ему ужѐ открыто и которое Его святому существу и Его намѣреніямъ съ нами противно ненавидѣть и наказывать не долженъ? И такъ *нравственное* добро сéрдца быть должно то, что нашему духу высочайшее достоинство, высочайшее удовольствіе и высочайшее согласіе подаетъ. И человѣкъ безъ здоровья въ сколь худомъ находится состояніи, столь мало безъ доброты сéрдца спокоенъ и блаженъ быть можетъ; добродѣтель есть здоровье душѝ. Сіе добро, какъ оно въ семъ начальномъ состояніи есть главное содержаніе нашего благополучія и нашего опредѣленія, купно должно быть отраслію блаженства, на вѣки простирающагося, гдѣ наши дýши онаго никогда не могутъ лишиться, развѣ потерявъ Его существо.

Сихъ свойствъ и благихъ сéрдца *всѣ* люди *могутъ искать* и чрезъ продолжаемыя старанія въ извѣстной мѣрѣ *получить* яснѣйшее доказательство, что они превосходнѣйшія. Прочее блаженство рѣдко все состоитъ въ нашей силѣ. Къ ихъ стяжанію потребны особенныя обстоятельства и времена. Высокія познанія и науки получить, здоровье, честь и могущество имѣть, и всегда имѣть, не состоитъ въ нашей волѣ, и въ нашемъ стараніи и прозорливости; они зависятъ часто отъ рожденія, и часто отъ обстоятельствъ, кои мы ни призвать, ни предусмотрѣть можемъ. Они совсѣмъ никогда отъ насъ не зависятъ: но

благія

благія се́рдца смертнымъ подносятся. Каждой можетъ истинную души доброту достать, которая состоитъ въ употребленіи законовъ разума и совѣсти. Онъ можетъ на единѣ быть Царемъ, и мудро управлять своими склонностями. Онъ можетъ своимъ вожделѣніямъ поставить опредѣленныя границы, свои умертвить страсти, чтобы они государство порядка и благосостояніе духа не раззоряли. Онъ можетъ злоупотребленіе естественныхъ склонностей, кои до сохраненія жизни, и продолженія рода человѣческаго касаются, отвратить, и ими, смотря на ихъ настоящей конецъ, для котораго ихъ промыслъ намъ вложилъ, управлять. Это значитъ, что онъ можетъ быть *умѣреннымъ*, *поздержнымъ* и *цѣломудреннымъ*. онъ можетъ малѣйшее зло для высочайшаго добра, смѣло на себя принять, свое неспокойство чрезъ недостатокъ извѣстныхъ благъ жизни укротить, и бремя величайшихъ несчастій и страданій, кои отъ человѣческаго естества отдѣлиться не могутъ, чрезъ мудрыя разсужденія облегчить: слѣдовательно онъ можетъ быть *великодушнымъ*, *спокойнымъ* и *терпѣливымъ*.

Человѣкъ можетъ свое удовольствіе въ счастіи другихъ возобновить, оному чрезъ дѣйствія споспѣшествовать, ихъ болѣзнь чрезъ состралательство уменьшить, чрезъ помощь и совсѣмъ истребить, и знать, и чувствовать, что онъ *благъ* и *правосуденъ*, что онъ любитъ и любимъ бываетъ, что онъ другъ, и споспѣшникъ благосостоянію человѣческому. Сколь великая утѣха се́рдца! онъ можетъ своему доброму сердцу дать благородство *кротости* и расположенія духа, себя

не

не выше почитать, нежели какъ онъ есть, и другихъ не менѣе, нежели какъ они; хорошія другихъ свойства, и радованія почитать, наконецъ свое *недостоинство* въ разсужденіи того познавать, которой ему и другимъ есть милостивый податель всѣхъ преимуществъ и даровъ духа, тѣла и счастія. Сія добродѣтель кротости, которая его унижаетъ, не приведетъ его въ малодушіе, но подастъ ему храбрость всегда лучшимъ и достойнѣйшимъ быть, и его отъ ложныхъ нагущеній гордости, всю истинну сердца истребляющей сохранить; она его отъ презрѣнія къ другимъ, и отъ зависти,подлѣйшей страсти сбережетъ, его *тихимъ*, *кроткимъ* и *милостивымъ* къ другимъ быть научитъ, и его чрезъ то же къ услугамъ и веселости въ обществѣ и дружествѣ поспособнѣйшимъ сдѣлаетъ. Человѣкъ можетъ *подобострастіе*, *упованіе*, *любовь* и *благодарность* къ Отцу и Вседержителю всѣхъ тварей въ своей душѣ родить и воспитать, и чрезъ то высочайшую дѣлать себѣ радость, которую чувствовать должно сердце весь свѣтъ почитающее, какъ большую фамилію, управляемую отъ премудраго всемогущаго и преблагаго Существа, кое надъ всѣми бдитъ, и котораго любовь есть безконечна. Всякой смертной, говорю я, можетъ сіи благія, какъ собственныя свои, имѣть, и ихъ получать, сохранять и умножать средства и случаи подаетъ намъ естество во всякомъ возрастѣ жизни; отрокъ, юноша, мужъ и старикъ могутъ, хотя различными силами стараться о стяжаніи сихъ свойствъ и благихъ сердца; и они сами ни въ явленіи, ни въ обстоятельствахъ жизни безъ потерянія нашего удовольствія, не быть не могутъ; они украшаютъ

внѣтнее счастіе, и придаютъ ему еще болѣе прелести для насъ. Они въ печальномъ времени успокоеніе, въ нещастіи утѣха и покровъ. Мудрой безъ нихъ есть неодушевленная стрѣлка, которая лучи солнца принимаетъ, и ихъ на своемъ кругу себѣ самой безполѣзно, чужимъ глазамъ показываетъ. Слабѣйшей въ разумѣ дѣлается чрезъ сіи добродѣтели полезнымъ и счастливымъ. Ни высокой ни низкой не можетъ безъ нихъ быть, развѣ будетъ на своемъ кругѣ уродъ, которой себѣ и другимъ непріятенъ и Творцу гнусенъ. Послѣднее явленіе жизни, когда мы всѣ другія благія оставить должны, ясно доказываютъ наконецъ благія сердца достойнѣйшими они страхъ смерти услаждаютъ, и минуту, въ которую и герои дрожатъ, дѣлаютъ для насъ радости исполненною и спокойною. Когда нравоученіе и исполненіе его должностей всякаго смертнаго и самаго нискаго такъ счастливымъ дѣлаетъ; то кольми паче счастливѣйшими для себя и свѣта князя, обладателя всей землй! Онъ можетъ и долженъ быть подобнѣйшимъ божеству.

Что мы стараться сею славною быть тварію, что получить сіи благія, стремиться *должны и можемъ*: Сіе есть извѣстно самымъ разумомъ. Но что наша естественная добродѣтель очень несовершенна остается, что мы часто многія старанія, себя исправить, употребляемъ безъ успѣха, что мы склонность ко злу, которая какъ чрезъ рожденіе, такъ чрезъ воспитаніе и чрезъ примѣры произведена, въ себѣ носимъ, что наилучшей человѣкъ никогда не можетъ оную совсѣмъ опровергнуть, что мы великую лѣность и часто

 немощь

немощь къ добру чувствуемъ: сему научаетъ насъ *опытъ*.

И что мы сію погибель, сію немощь, не чрезъ одни только силы естественныя, но и чрезъ высочайшую Божественную помощь преодолѣть можемъ: сему научаетъ насъ *вѣра* и взираніе на наше сердце, на нашу жизнь подтверждаетъ сіе ученіе; и такъ ежели человѣкъ получилъ только естественный законъ: то ученіе, о которомъ я теперь говорилъ, есть истинно и хорошо, и онъ ему послѣдовать долженъ. А ежели онъ не посредственное имѣетъ откровеніе о Богѣ и своихъ должностяхъ, какъ оное имѣетъ Христіанинъ, и высочайшее средство свой разумъ просвѣтить, и свое сердце исправить, и наставить, нежели средства естественныя суть: то естественный законъ долженъ быть ему руководствомъ къ откровенному, или онъ безчестнѣйшимъ образомъ на зло употребляетъ разумъ, и востаетъ противъ премудрости и благости Божіей.

Но общія *вспоможенія средства*, кои намъ натура приноситъ, къ полученію добродѣтели, и къ утвержденію въ ней, изслѣдывающій разумъ легко открываетъ. „Снискивай, такъ научаетъ „*разумъ* и *опытъ*, снискивай себѣ ясное, увѣряющее и полное понятіе о твоихъ должностяхъ, „о ихъ необходимости и превосходствѣ, возобновляй и утверждай сіе понятіе часто, храни „его отъ заблужденій, и употребляй его старательно на жизнь и упражненіе, и научайся то „чувствовать, что твоя должность, и самая „трудная есть твое счастіе. Бодрствуй надъ

„твоими

,, твоими страстями и твоими чувствами, они
,, прельщают тебя; потомъ не надѣися на са-
,, маго себя, и ежедневно искушай свое сердце и
,, свою жизнь съ искренностію; ибо каждой новой
,, день есть новая жизнь для тебя. — Часто раз
,, мышляй въ славной тишинѣ, съ подобострастi-
,, емъ о Богѣ, и ищи въ разсужденiи его совер-
,, шенствъ и дѣлъ, и въ слѣдахъ Его особеннаго
,, промысла и любви къ тебѣ святѣйшую склон-
,, ность вездѣ дѣлать непорочною; потому что
,, тебя вездѣ примѣчаетъ. Сiе разсужденiе веди
,, къ смиренной благодарности, и къ охотному
,, прошенiю о его помощи и благодати; ибо что-
,, бы ты былъ безъ нее? учися, какъ себя самаго,
,, такъ и людей, коими ты окруженъ и свѣтъ, въ
,, которомъ ты обитаешь, съ его благими и
,, истинным достоинствомъ оныхъ, всегда позна-
,, вать тщательнѣе. — Съ прилѣжанiемъ помни о
,, великомъ концѣ, для котораго ты на землѣ жи-
,, вешь, часто о краткости твоей жизни, о достоин-
,, ствѣ и безсмертiи твоего духа, о наградахъ
,, добродѣтели и наказанiи порока, и старайся не
,, только о сей жизни, но и о всей вѣчности. — Ни-
,, когда не погубляй склонности твоей совѣсти и
,, внутренней стыдливости: они суть покровите-
,, ли добра. — За благовременно старайся въ своей
,, юности жить совѣстно прежде, нежели твое
,, сердце противъ добра ожесточится. — Ищи
,, чтобъ занятъ ты былъ полезнымъ, и учись
,, трудъ на себя принимать; ибо безъ труда нѣтъ
,, счастiя, нѣтъ заслуги, и нѣтъ добродѣте-
,, ли. — Часто и позволенныхъ отрекайся удо-
,, вольствiй, чтобы соблюсти господство надъ сво-
,, ими склонностями. Бѣгай обхожденiя съ по-

 ,, рочны-

„рочными, ищи общества съ добрыми людьми,
„учись благоразумію изъ ихъ примѣровъ и мудро-
„сти, изъ наставленія разумныхъ и изъ чтенія
„писаній полезныхъ для разума и сéрдца. — Сіе
„дѣлай и продолжай оное дѣлать, то возра-
„стешь въ добродѣтели и блаженствѣ„. Сіи
суть главнѣйшіе совѣты разума.

Между тѣмъ это истинна, что мы не можемъ всего блаженства человѣческаго въ хорошемъ только учрежденіи сéрдца поставить. Человѣкъ, которой не только духъ, но и тѣло, и чрезъ свои чувства толь многими пріятными чувствованіями наслаждаться можетъ, требуетъ также внѣшнихъ предметовъ счастія. Способность, здоровье, крѣпость и силы тѣлесныя, доброе имя, свободность и безопасность, знатность и богатство, суть желанія достойныя благія: однако малѣйшія. Болѣзнь, низкость, бѣдность, презрѣніе, недостатокъ житейскихъ выгодъ, изувѣченное тѣло, суть зло, котораго никогда равнодушно сносить не можемъ; однако малѣйшее. Самыя беззаконныя часто имѣли всякое могущество, всѣ богатства, однако несчастливыми себя доказывали. У самыхъ добрыхъ и благочестивыхъ людей, часто внѣшняго недоставало благополучія; однако они чрезъ свое удовольствіе доказали, что они не были несчастливы, и что ихъ добродѣтель содержала ихъ безвредными. Ежели отъ искренности спросятъ своего сéрдца; кого оно почитаетъ счастливѣйшимъ, спокойно ли умирающаго Сократа, или не справедливаго судію, которой его на смерть осудилъ? Іосифа ли невинно заключеннаго, или счастливой порокъ, которой

торой его въ узы заключаетъ? Павла ли веселаго въ узахъ, или Феликса, которой предъ его красноречіемъ трепещетъ? Утѣшаютъ ли достоинство и богатства мученіе пробудившейся совѣсти и страхъ смерти. Мы стараемся для нихъ, мы постигаемъ ихъ и бываемъ желательнѣе оныя еще болѣе получить. Они наше желаніе никогда не усмиряютъ; ибо наши желанія суть не насытны. И хотя мы ихъ воздерживаемъ, однако успокоеніе сихъ отъ насъ ли только зависитъ, или и отъ удачливыхъ успѣховъ, которые въ нашей состоятъ власти?

Ежели мы сихъ внѣшнихъ благъ не получаемъ, когда ихъ ищемъ, то обманутая надежда перемѣняется въ беспокойство; напротивъ же того нравственное добро (какое блаженное свойство!) Исполняетъ насъ ужè въ то время, когда мы его ищемъ, и оное не тотъ часъ или не въ высочайшей мѣрѣ получаемъ, внутреннимъ покоемъ и тихимъ согласіемъ. Господство надъ моимъ гнѣвомъ; которое я теперь соблюсти стараюсь, мнѣ не совсѣмъ удается, или по крайней мѣрѣ поздо: однако я имѣю свѣденіе о хорошемъ моемъ намѣреніи, и сіе веселитъ меня. Я долго домогался терпѣнія, но всегда вижу сіе добро не совсѣмъ моимъ; притомъ покоитъ меня мысль. Ты сіе не напрасно искалъ, ты сдѣлалъ свою должность. Я хочу спасительному пріуготовленію споспѣшествовать. Средство есть хорошо, кое я избираю; но мое прилѣжаніе и мое стараніе желаемаго окончанія не производятъ, однако они не напрасны. Воспоминаніе о добромъ намѣреніи, о непорочномъ прилѣжаніи награждаетъ меня, хотя плода по-

стигаемаго не вижу. Я еще лучше сталъ быть, потому что мое сердце нѣчто добраго хотѣло; и ни время, ни разсужденіе человѣковъ, ни случай, могутъ у меня сей выгоды отнять. И такъ сколь далеко превосходнѣе и выше нравственныя благія, по ихъ качеству, нежели прочія благія! Какая утѣшительная награда есть, когда я изъ нижщей степени премудрости и добра на высочайшую возведенъ буду, отъ сего и отъ того порока освобожусь, когда я непозволенному возжеленію сопротивился, волнующіяся страсти побѣдилъ, когда я себя вижу осторожнымъ и бдительнымъ, умѣреннымъ и цѣломудреннымъ, скромнымъ и тихимъ, въ опасности бодрымъ и разсудительнымъ; когда въ несчастіи смѣлымъ вижу, и когда могу себя высочайшею промысла помощію и его вѣчною милостію утѣшать.

Такъ твое любезнѣйшее добро да будетъ благочестивое мудрое сердце. Сіе да умножаетъ твое веселіе, сіе да уменьшаетъ твою болѣзнь, сіе да будетъ твой чинъ, твоя гордость, твое счастіе на земли высочайшее! все другое, только не сіе можетъ у тебя отнято быть. Когда знаешь, что оно твое, когда чувствуешь, что ты его имѣешь, то сіе счастіе ты не чрезъ множество всѣхъ богатствъ покупаешь и безъ сего сердца, хотя бы ты вкушалъ многія удовольствія, однако есть пьянство и скоро прогоняется сія болѣзнь.

ВТОРОЕ

ВТОРОЕ УЧЕНІЕ

О естественномъ чувствованіи добра и зла, честнаго и безчестнаго.

Любезные слушатели! сверьхъ наставленія, которое намъ *разумъ* о нашихъ должностяхъ предлагаетъ, еще находится другое *ученіе*, которое намъ *сердце* чрезъ врожденныя чувствованія о немъ, что добро, или зло подаетъ. Сіе *чувствованіе* сéрдца, подкрѣпляетъ разумъ въ разсужденіи должности, и не рѣдко ему предходитъ; или иначе сказать: мы въ своемъ естествѣ не только имѣемъ свѣтъ разума, которой насъ заставляетъ Божественной добродѣтели законъ познавать: но и въ своемъ сердцѣ имѣемъ *силу*, чрезъ которую мы можемъ чувствовать, что *благородное* и *неблагородное*, *позволенное* и *непозволенное*, *честное* и *безчестное*. Сія сила, сіе *чувствованіе сéрдца* есть основаніе совѣсти, которая собственно только чрезъ изреченіе о нашихъ дѣйствіяхъ, хороши, или худы, себя открываетъ. О семъ естественномъ *нравственномъ чувствованіи* теперь наипаче намѣренъ говорить. И такъ позвольте мнѣ въ разсужденіе взять людей въ различныхъ склонностяхъ, мысляхъ и свободныхъ поступкахъ въ *разсужденіи самаго себя* и *другихъ людей* и въ *разсужденіи Бога*. Спросите вы свою внутренность, что вы въ ней похваляете или не похваляете, любите или ненавидите, почитаете или гнушаетесь, справедливымъ или несправедливымъ обьявляете, и для чего вы сіе дѣлаете; и извѣдываете, можно ли симъ путемъ достигнуть до знаковъ нравственнаго добра или зла.

Дамонъ не печется ни о чемъ, какъ свои желанія и страсти удовольствовать. Онъ собственно ничего не любитъ, развѣ что ласкательствуетъ его чувствамъ; и его трудъ въ томъ состоитъ, чтобъ пріятнѣйшія кушанья, напитки, сколь часто исколь долго онъ можетъ принять, и новыя побужденія вкуса изобрѣтать. Сіе плотское увеселеніе есть ежедневной его спутешественникъ. Онъ спитъ, чтобъ паки возобновить наслажденіе сихъ чувственныхъ удовольствій; и онъ возобновляетъ его, чтобъ можно было опять спать. Ваше сердце согласуется ли на сіи поступки и склонности? смотрители съ таинымъ согласіемъ на сего человѣка? заступите въ его мѣсто; размышленіе о сихъ поступкахъ подастъ ли вамъ нѣкоторое удовольствіе?

Тотъ же Дамонъ въ свою чувственность входитъ столь далеко, что онъ свое здоровье приводитъ въ слабость, а себѣ не сносную печаль причиняетъ, не будетъ ли онъ вамъ еще презрительнѣе? онъ въ наслажденіи своихъ чувственныхъ утѣшеній столь далеко простирается, что силы своего духа ослабляетъ и подавляетъ. Его фамилія, его друзья требуютъ у него помощи и совѣта; но онъ не можетъ помышлять; онъ лѣнивъ къ размышленію, онъ гнушается малѣйшаго старанія и никакой не показываетъ склонности къ счастію своихъ. Онъ совсѣмъ хочетъ жить для вкуса, лѣности и нѣжности; онъ хочетъ только для себя быть: не умножаетъ ли свое отвращеніе отъ сего человѣка? Хотѣли ли бы вы быть на его мѣстѣ?

Сей

Сей Дамонъ, которой свой вожделѣнія безъ сильнѣйшаго средства удовольствовать не можетъ, нарушаетъ своихъ пріятелей слово, обманываетъ коварствомъ, отрекается врученнаго добра, озлобляетъ своихъ благодѣтелей и измѣняетъ свое отечество. Можете ли о семъ человѣкѣ безъ презрѣнія помыслить? и что вы презираете и ненавидите въ немъ? То, что онъ безъ правила и порядка, что онъ только для себя самаго живетъ; что онъ свои чувственныя вожделѣнія ограничить нехочетъ; что онъ для исполненія своего желанія другихъ безъ помощи оставлять или несчастливыми дѣлать хочетъ.

Но что тому за причина, что вы *поступки сего* Дамона *презираете* и ихъ *гнушаетесь*, когда вы его какъ только зрители разсматриваете по различнымъ степенямъ его рода жизни? Развѣ его родъ жизни вашему самолюбію и вашей собственной выгодѣ противенъ? Но онъ долженъ въ другой землѣ, въ другой части свѣта жить, или за долго предъ вами умереть. Не разсужденіе ли вашего разума только есть причиною, что вы поступокъ сего мужа не похваляете? но опредѣленія разума одни не подаютъ внутренняго достоинства или недостоинства какой вещи. Разумъ только есть свѣтъ, которой сіе достоинство или недостоинство въ свободныхъ поступкахъ, намѣреніяхъ и чувствованіяхъ открываетъ. Мы представляя сего Дамона, не испытывая долго свой разумъ, чувствуемъ нѣкоторое внутреннѣе отвращеніе къ его поступкамъ и чувствованіямъ, которое не въ нашей состоитъ волѣ, но принуждаетъ насъ не хвалить сіе начертаніе;

 по

поелику мы находимЪ себя принужденными, о лицѢ, которое благороднѢйшей части, глазЪ, губЪ не имѢетЪ сЪ неудовольствiемЪ разсуждать.

Продолжайте далѢе. О томЪ же ДамонѢ повѢствуютЪ, что онЪ никакого почтенiя, никакой любви и благодарности, никакого послушанiя кЪ высочайшему и совершеннѢйшему существу кЪ Богу неимѢетЪ; но гораздо болѢе противныя чувствованiя вЪ себѢ питаетЪ и ихЪ чрезЪ свои поступки показываетЪ безстыдно. Сiе начертанiе не будетЪ ли вамЪ еще страшнѢе? Представте будто вы хотѢли на себя принять оное начертанiе, можете ли о томЪ сЪ удовольствiемЪ помыслить? и что есть то, за чемЪ вы сего состоянiя души гнушаетесь? развѢ есть оскорбленная выгода Божiя? но БогЪ ни чего не получаетЪ и не теряетЪ чрезЪ все наше почтенiе или отвращенiе: онЪ есть и остается БогЪ.

Представьте себѢ теперь человѢка противныхЪ качествЪ. СемнонЪ наслаждается чувственными увеселенiями сЪ нѢкоторою ограниченностiю, дабы оставаться здорову. Мы его болѢе похваляемЪ, нежели Дамона; но онЪ намЪ еще не прiятенЪ. Прежде онЪ одинЪ довольствовался своими кушаньями и напитками. НынѢ открываетЪ свой столЪ прiятелямЪ; и онЪ ужѐ бываетЪ оку духа споснѢе. ОнЪ свои богатства употребляетЪ кЪ украшенiю и покою; потому что его прiятели симЪ увеселяются, и ему за то благодарятЪ. СемнонЪ ужѐ болѢе нравится.

СемнонЪ довольствуется художествами и науками, и часть своихЪ свободныхЪ часовЪ сими удоволь-

удовольствіями наполняетъ. Намъ лучше кажется, когда видимъ его занятаго произведеніями натуры, живописи, архитектуры и музыки, нежели великолѣпными обѣдами, за которыми онъ только вкусъ своего языка довольствуетъ.

Онъ исправляетъ свой вкусъ и свое проницательство столько, что онъ другихъ тѣмъ удовольствовать можетъ, и его намѣреніе есть ихъ довольствовать. Мы ужѐ болѣе чувствуемъ къ нему пріятности.

Онъ до того доходитъ, что своимъ разумомъ предпринимаетъ полезныя старанія для общаго добра. Наше почтеніе для него умножается: онъ чрезъ упражненіе пріобрѣлъ хорошую и скорую способность разсуждать, совершенную память, знатное остроуміе, понятности, кои его совершеннѣйшимъ дѣлаютъ, когда онъ полезнѣйшимъ для свѣта отъ нихъ становится. Онъ свои чувственныя удовольствія еще болѣе ограничиваетъ, и неусыпенъ въ такихъ упражненіяхъ, кои его народу полезны, хотя они до нашей не касаются пользы. Мы неиное ли что къ нему чувствуемъ, нежели къ Дамону, которой ни разума, ни вкусу, ни труда не имѣетъ.

Семнонъ видитъ людей, кои бѣдны. Не пріятно ему, что они таковы. Онъ желаетъ, чтобъ они не были таковы. Онъ лучше, нежели Дамонъ. Чувствуемъ ето. — Онъ радуется, что его домъ и его друзья благополучны. Онъ по нашему чувствованію лучше, нежели безчувственной Дамонъ. Онъ печется о благополучіи своихъ,

потому

потому что естественная любовь ему повелѣваетъ. Мы похваляемъ ето. — Но онъ только печется о благополучіи своихъ. Онъ имѣетъ силы и случай и другихъ служить, но онъ того не дѣлаетъ. Мы сего не хвалимъ. Онъ начинаетъ и другимъ служить, и мы уже его почитаемъ выше.

Онъ спасъ жизнь одного знакомца. Удивляемся дѣлу, но оно ему малаго труда, малой стоило опасности. Мы не столько оному удивляемся. Онъ можетъ быть то сдѣлалъ за тѣмъ, что могъ знать, что его другой богато наградитъ, или получитъ чрезъ то какое нибудь имя. — Наше почтеніе уменьшается, и одобреніе собственной корысти уменьшаетъ достоинство его поступка.

Онъ чрезъ многія старанія способствовалъ счастію одной особы, безъ намѣренія собственной выгоды. Мы похваляемъ такое дѣло. Изъ чего заключить можно, что онъ не корыстолюбивую склонность и милостивую мысль имѣетъ. Онъ еще большимъ стараніемъ искалъ споспѣшествовать благополучію многихъ фамилій цѣлаго народа, онъ искалъ съ жертвованіемъ своихъ силъ да и самой жизни. Онъ ето сдѣлалъ для того, что *за божественную почелъ должность стараться о благосостояніи людей*; *и для того, что его желаніе и его намѣреніе было исполнить сію божественную волю*. Здѣсь чувствуемъ мы высочайшую степень пріятности къ Семнону, поелику мы объ немъ разсуждаемъ въ *отношеніи къ его сочеловѣкамъ*.

И такъ

И такъ, за чемъ мы не можемъ не похвалить сего его поступка? потому что оной показываетъ, что въ немъ находятся корыстныя мысли, побужденія, благоволенія и милости, которая благородна въ разсужденіи намѣренія, и въ разсужденіи пространства, поелику она до многихъ касается, велика. Положимъ притомъ что мы не были изъ числа сихъ многихъ. И такъ поступокъ, поколику мы онаго зрители, не ради собственной корысти хорошъ, но ради его внутренняго добра; не для выгоды, которую оной Семнону принесъ, потому что онъ собственной своей выгоды основаніемъ не имѣлъ, но оной гораздо болѣе противенъ былъ: слѣдовательно какъ бы онъ могъ намъ нравиться; ежели бы онъ самъ въ себѣ никакого не имѣлъ достоинства? Какъ бы мы могли его похвалить, и все его похвалить, ежели бы *силы въ нашихъ сердцахъ не было*, нѣкоторыя *склонности* и *поступки*, какъ честныя или безчестныя, какъ добрыя или худыя чувствовать, безъ того, чтобы то только отъ нашей воли или нашего разсужденія зависѣло.

Поставьте къ начертанію Семнона еще главную черту. Онъ совершенно увѣренъ о могуществѣ, премудрости, благости, святости высочайшаго существа, яко о началѣ всего естества, и источникѣ всѣхъ красотъ. Онъ трогается къ сему Всемогущему отцу чувствованіями высочайшей любви и благодарности, младенческаго упованія и неограниченнаго покоренія. Онъ стремится на похвалу сей высочайшей благости и премудрости, въ счастіи и несчастіи полагается на содержащее и хранящее могущество, и въ смерти утѣшаетъ

шаетъ себя блаженнымъ продолженіемъ своея души, и безпрестанною благодатію Божіею. Сіе состояніе духа не похваляете ли? не кажется ли вамъ Семноново сердце почтенія достойно? не почитаете ли его столь хорошимъ въ его чувствованіи, сколь человѣкъ быть можетъ? и не желали бы вы быть на его мѣстѣ? Но кто васъ принуждаетъ почитать сего мужа, его мысли, его поступки? Внутреннее чувствованіе, которое вамъ доброту его начертанія чувствовать даетъ.

Сіе нравственное чувствованіе добраго и благороднаго разуму, при его изслѣдованіяхъ должности и добродѣтели, дано въ помощь. Но такъ же напомянуть должно, что сей нравственной вкусъ, какъ всѣ способности и силы душевныя, своего изображенія и употребленія требуетъ; что его хотя ни въ какомъ недостаетъ сердцѣ; но что онъ чрезъ чувственность, безпечность, и самопроизвольное утѣсненіе можетъ испорченъ и удержанъ быть: однако какъ мы, когда хотимъ знать, что мудро и благопристойно не будемъ спрашивать незнающихъ, но разумнѣйшихъ: то также должны чувствованіе непорочнѣйшаго мужа, которой намъ чрезъ свои поступки извѣстенъ, въ вопросѣ о томъ, что есть нравственное добро, безконечно слушать болѣе, нежели чувствованія человѣка, которой съ младенчества предался впечатлѣніямъ чувствъ и безпорядочнымъ вожделѣніямъ безъ воспитанія. Мы вкусъ въ *нравственности* столь же можемъ изобразить, какъ мы естественной вкусъ въ *красотѣ*, *дѣйствіи естества* и *художества* возвышаемъ. Чѣмъ болѣе мы себѣ дѣйствія красоты извѣстными дѣлаемъ и

допу-

допускаемъ, чтобъ дѣйствовало въ насъ, ихъ части и согласіе оныхъ разсматриваемъ, между собою сравниваемъ, и о томъ разсуждаемъ; тѣмъ болѣе онъ умножается. Такимъ же образомъ вкусъ и въ нравственномъ умножается добрѣ, когда мы себѣ похвальныя склонности, намѣренія и поступки представляемъ. Оныя часто въ ихъ вліяніи въ счастіе человѣческое, въ ихъ превосходствѣ и въ ихъ согласіи съ нашимъ естествомъ, какъ дѣйствіемъ Божіимъ представляемъ, ихъ красоту чувствовать и чрезъ все сіе утвердить отвращеніе ко злу ищемъ.

И такъ понятіе добродѣтели и порока, или того, что составляетъ истинное достоинство и сущее безчестіе человѣка, хотя вопервыхъ утверждается на изреченіяхъ и основаніяхъ разума, однакожъ притомъ еще и на нравственномъ чувствованіи, или на стремленіи сердца и совѣсти, которое насъ научаетъ и заставляетъ чувствовать, имѣемъ ли нѣкоторыя склонности, предпріятія и свободныя дѣйствія, внутреннюю обязанность и превосходство, или нѣтъ. Каждой спроси себя чистосердечно, впечатлѣнно ли его сердцу различіе добра и зла, которое его принуждаетъ, безъ дальняго доказательства разума, сіе или оное дѣло, сіе намѣреніе, сіе желаніе какъ благородное и не благородное, или какъ безчестное и наказанія достойное чувствовать. Это самое по сходству нашихъ прочихъ чувствованій очень походитъ на правду, что мы такую нравственную и судящую способность чувствовать и чрезъ чувствованіе различать, должны имѣть. Мы имѣемъ чувствованіе пристойнаго и не пристойнаго

стойнаго, которое насЪ, вЪ разсужденіи внѣшняго благосостоянія, научаетЪ и безспорно истиннаго и неприличнаго, которое нашему духу, чтобЪ при употребленіи силЪ размышлять, служитЪ предводителемЪ; красиваго и гнуснаго, которое спутешествуетЪ за природною остротою, чтобЪ при ея подражаніяхЪ естеству, почти безЪ всякаго обЪ немЪ свѣденія, по правиламЪ натуры поступать. ТакЪ можно ли, чтобЪ мы не получали для силЪ и дѣйствій большей важности *различающаго чувствованія* и *непосредственнаго соизволенія* кЪ такимЪ склонностямЪ и дѣйствіямЪ вЪ нашемЪ впечатлѣнное сердцѣ, которыя разумЪ хотя *утверждаетЪ*, и яко *справедливыми и добрыми доказываетЪ*, однако ежели бы онЪ ничемЪ не былЪ подкрѣпляемЪ, вЪ многихЪ случаяхЪ *медлительнымЪ*, и для большей части людей *непонятнымЪ* показался? Но когда мы безпристрастно на то взираемЪ, что насЪ заставляетЪ внутреннее чувствованіе нашего естества за справедливое и хорошее почитать, и когда помышляемЪ о понятіяхЪ добра: то мы чрезЪ то достигнемЪ свѣденія о высочайшемЪ естественномЪ законѣ и общихЪ обязательствахЪ; то есть, дѣлай то, что „ сЪ совершенствомЪ „ БожіимЪ, сЪ благосостояніемЪ твоей собствен„ной природы, и другихЪ людей согласно; ибо „ты себя кЪ тому обязаннымЪ чувствуешь; и „ всѣ свои склонности, намѣренія и дѣйствія по„ каряй совѣсти и также чрезЪ то же самое по„ слушанію кЪ Богу. оставляй противное; ибо сЪ „ обязанностію не согласно, которую тебѣ твоя „ приказываетЪ совѣсть. — Оставляй все, что „ сему послушанію посредственно или не посред-

„ ственно

„ственно препятствіемъ быть можетъ. Дѣлай „ все, что его облегчить, утвердить и укрѣпить „ можетъ „.

Сколько мы увѣрены о бытіи и совершенствахъ высочайшаго существа, то также подлинно знаемъ и то, что нравственное качество нашей природы есть его дѣло. И такъ что другое изъ того можемъ заключить, какъ что оно есть его воля, что мы себя поставлять въ такомъ учрежденіи духа, и способъ, хотѣть и дѣйствовать, такой должны изобразить, какой столь открытымъ намѣреніямъ и опредѣленіямъ нашего естества, какъ дѣла Божія, наиприличнѣе есть; и что также въ семъ наша должность, и въ сей должности особенное и общее благополучіе и совершенство состоять должны? Чрезъ сіе внутреннее обязательство, другія обязательства въ разсужденіи воли Божіей и дѣйствій Его милости или его наказанія въ семъ или въ другомъ свѣтѣ, не бываютъ излишны. Никакъ, все, что намъ познаніе и исполненіе добродѣтели облегчить, и о чемъ напоминать можетъ, добродѣтели, отъ которой столь легко отдаляемся, и которая во многихъ сердцахъ по своему внутреннему превосходству столь мало впечатлѣнія дѣлаетъ: все сіе принадлежитъ къ обязанности; всѣ основанія разума, и когда я знаю, что свышеестественной еще законъ отъ Бога откровенной тамъ есть, то и основанія сего откровенія къ тому принадлежатъ, притомъ преимущественно. Ежели напослѣдокъ Богъ за пороки и добродѣтель сверьхъ естественныхъ наказаній и наградъ въ сей жизни, еще другія наказанія и награды въ будущей

жизни опредѣлилъ: то я буду обязанъ, обоимъ вѣрить и сію вѣру употреблять, яко высочайшее побужденіе къ добродѣтели. Ибо законъ безъ наказанія и наградъ не можетъ быть, потому что безъ нихъ былъ бы тщетенъ; хотя сіи наказанія и награды ни естества закона, ни нравственной обязанности не составляютъ, но только суть необходимыя слѣдствія закона.

И такъ когда *оцѣненіе* человѣка, и его истинное *достоинство* въ *любезныхъ склонностяхъ* и *поступкахъ* въ разсужденіи *людей*, и въ *высочайшемъ почтеніи* и *любви Бога* состоитъ; когда оно въ томъ состоитъ, чтобы мы *естественную любовь* къ намъ самимъ съ ея желаніями и вожделѣніями такъ *управляли* и *умѣряли*, дабы они намъ въ *почитаніи* Бога въ *склонностяхъ* и *дѣйствіяхъ* для *общаго добра* и для нашего собственнаго *высочайшаго благосостоянія* препятствовать не могли: то извѣстно, что сіе есть *добродѣтель*, и что мы *естественную обязанность*, въ нашихъ сердцахъ къ тому чувствуемъ, и чрезъ *разумъ познаемъ*, и слѣдовательно имѣемъ должность *добродѣтельными*, то есть: столь *хорошими*, *столь совершенными* и столь *счастливыми* быть, сколь такимъ человѣкъ по божественному разпоряженію быть можетъ; (*) да и добро-

---

(*) (То есть въ состояніи порядка природы долженъ человѣкъ своего Творца паче всего почитать и любить, къ своимъ ближнимъ дружелюбнымъ, справедливымъ и чистосердечнымъ быть. Силы и благія, кои ему промыслъ даровалъ, разумно и умѣренно употреблять. Такимъ бы образомъ поступалъ человѣкъ по намѣреніямъ своего высочайшаго благодѣтеля, себя самаго совершен-

добродѣтель не есть самопроизвольное изобрѣтеніе разума.

Она не есть законъ избранія, которому насъ научаютъ мудрые; она гласъ небесный, которой только сердца слышатъ; ея внутреннее чувствіе разсуждаетъ каждое дѣло, стращаетъ, хвалитъ, увѣщеваетъ, возбраняетъ и есть совѣтъ душй. Кто въ слѣдъ ея идетъ, никогда не справедливо избирать не будетъ. Онъ никогда не будетъ имѣть недостатка, ни въ добродѣтели, ни въ благополучіи!

нѣйшимъ дѣлалъ, и общему благосостоянію споспѣшествовалъ. Сіе есть содержаніе естественнаго закона, которому насъ совѣсть и разумъ, когда мы ихъ спрашиваемъ, ясно научаютъ. Однако древняя и новая исторія, и ежедневной опытъ показываютъ намъ человѣческій родъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, вмѣсто чтобъ у него добро, хотя не всегда владычествовать, по крайней мѣрѣ главную имѣть власть должно было: тогда владычествуетъ зло; и вмѣсто того, чтобъ извѣстная степень злобы столь рѣдка, какъ чудовище въ естествѣ была, тогда находимъ ея не только часто, но почти всегда у цѣлыхъ народовъ и въ цѣлыхъ вѣкахъ во всей ея ужасной силѣ: яснѣйшее доказательство, сколь истинно есть то, чему насъ откровеніе о паденіи естества человѣческаго научаетъ, и сколь великую мы при всемъ томъ, что намъ разумъ и совѣсть о необходимости, красотѣ и добродѣтели сказываютъ, имѣемъ нужду въ высочейшей помощи вѣры, чтобъ дѣйствительно достигнуть сей добродѣтели. Между тѣмъ обязанность къ добродѣтели остается необходимою въ состояніи естественнаго паденія, потому что она основана на непремѣняемой воли Божіей и на первомъ Божественномъ разпоряженіи человѣческаго естества. И сія необходимость, не должна ли тѣмъ большими сдѣлать желателями помощи вѣры.)

Ежели хотите кратко увѣрены быть, что есть истинное достоинство души, что добродѣтель, то представьте такого человѣка, которой нагъ всего благочестія и любви къ Богу, всѣхъ хорошихъ склонностей къ другимъ людямъ, которой все, что дѣлаетъ, дѣлаетъ только изъ собственной корысти или честолюбія, или изъ чувственныхъ да еще скотскихъ склонностей; которой ни разумной ограниченности своихъ страстей, ни божественному высочайшему учрежденію при своихъ способностяхъ, и употребленіи своихъ силъ покориться не хочетъ; можете ли его за добраго почесть? Не противится ли ему ваше собственное чувствованіе? Дайте сему человѣку величайшія дарованія разума, подробнѣйшія проницанія во всѣ человѣческія художества и науки, счастливѣйшую память, живѣйшее воображеніе, величайшія богатства, стройнѣйшій составъ тѣла, крѣпчайшее здоровье и силу, бодрость, храбрость, и проворность въ опасностяхъ. Но притомъ представьте его, какъ онъ всѣ сіи свойства и дарованія для себя употребляетъ, никому не служитъ, что скоро малѣйшаго ему труда стоитъ, никого, и ниже своего пріятеля не дѣлаетъ счастливымъ. Безчувственъ къ величеству Божію, его за свое бытіе благодарить, предъ нимъ смиреннымъ быть не хочетъ. Представьте его, какъ онъ вмѣсто того, чтобъ кипѣніе зависти, любоимѣнія, мщенія, сластолюбія унимать, имъ гораздо болѣе рабски повинуется. Возможно ли вамъ сего человѣка почесть добрымъ? Наконецъ представьте его себѣ, что онъ всѣ сіи преимущества естества употребляетъ, чтобъ у другихъ счастіе, здоровье, честь и жизнь отнимать, сколь часто его собственная

ная выгода приказываетъ, не почтете ли его за чудовище? И такъ добродѣтель должна состоять не въ свойствахъ разума или въ тѣлесныхъ совершенствахъ, но въ склонностяхъ воли, въ человѣколюбивыхъ и милостивыхъ склонностяхъ къ другимъ; въ свободномъ и кроткомъ покореніи волѣ высочайшаго существа; въ добровольномъ употребленіи разума на то, что намъ отъ нашей совѣсти, яко добрымъ приказано, въ господствованіи надъ всѣми нашими страстьми, по божественному правилу намъ извѣстному. Въ семъ должна состоять добродѣтель, потому что все сіе заключаетъ въ себѣ высочайшее совершенство, котораго разумнѣйшій достигнуть по своему собственному чувствованію желать можетъ. Она ужè будетъ требовать вниманія и преодолѣнія; ибо ежели бы она была столь легка и естественна, какъ сонъ и голодъ: то бы она не была дѣломъ свободы и духа. Она ужè въ томъ будетъ состоять, что мы ничего предпріять не имѣемъ, о чемъ мы чувствуемъ и заключаемъ, что оно противъ чертежа естества, то есть противно намѣреніямъ Божіимъ; и слѣдовательно она также будетъ въ томъ состоять, что мы сіи божественныя намѣренія тщательно изслѣдывать, ихъ, яко святыя познанія, кои къ нашему благосостоянію нужны, въ нашемъ разумѣ хранить, и увѣреніе того всегда возобновлять должны; потому что она иначе угасаетъ; еще сіе познаніе въ нашей волѣ въ дѣйство производить, и препятствія уклонятся должны, кои ея дѣлаютъ безплодною. Она всегда будетъ въ томъ состоять, чтобъ всѣ наши склонности, способности и силы такъ исправлять и употреблять, какъ разумное желаніе, быть счастли-

выми, то приказываетЪ. И которой человѣкЪ вѣруя вЪ Бога, старается Его чистосердечно познавать; и слѣдовательно не только Его благость, но и Его святость признаваетЪ; которой человѣкЪ осмѣливается безЪ подобострастія и послушанія кЪ Нему, и слѣдовательно безЪ человѣколюбія добрымЪ и счастливымЪ? Какой человѣкЪ смѣетЪ, когда онЪ мученіе страстей вЪ себѣ чувствуетЪ, другимЪ образомЪ быть спокойнымЪ и счастливымЪ, нежели когда онЪ ограничиваетЪ ихЪ, т. е. изреченія разума и совѣсти болѣе уважаетЪ, нежели преходящую прелесть чувствЪ, воображенія, и необузданныхЪ страстей? КакЪ скоро мы Бога, которой любовь и святость есть, принимаемЪ: то не можно вздумать ни особеннаго какого случая, ни побужденія сердца, ни пріятнаго чувствія души, или чувствЪ, ни земной выгоды, гдѣ бы лучше было не быть добродѣтельнымЪ, то есть, противЪ извѣстной воли Бога, которой одинЪ высочайшее добро, котораго благоволеніе есть только истинное благополучіе, котораго не благоволеніе кЪ намЪ есть необходимо величайшее бѣдствіе, поступать и слѣдовательно возмутителемЪ быть вЪ твореніи Бога, чтобЪ чрезЪ то сдѣлаться счастливымЪ.

Дражайшіе сотоварищи, глубоко вкорените вЪ вашемЪ сердцѣ сіе основаніе нравоученія. Все доказываетЪ его размышленіе о Богѣ, и чувствованіе спокойнаго сердца. Дѣлайте, чтобЪ сія истинна была вамЪ любимая, и чтобЪ вы ея почитали вашимЪ высочайшимЪ разумомЪ: *не можно вздумать ни случая, гдѣбЪ лучше было не быть добродѣтельнымЪ, и случая безЪ изъятія;* такЪ подлинно есть промыслЪ, награждающей и от-

отмщевающей, и безъ сумнѣнія наша душа безсмертна: да есть еще свѣтъ вѣчной, и для того нѣтъ случая въ здѣшнемъ свѣтѣ, гдѣбъ лучше не быть добродѣтельнымъ. Слѣдовательно, что есть для человѣка достойнѣе любви и божественнѣе? Послушаніе и добродѣтель! къ чему намъ дана жизнь? Ко всегдашнему исполненію нашихъ должностей.

Юноша! пріемли сіе ученіе: теперь твое сердце способно къ тому. Малѣйшимъ противиться порокамъ, добродѣтель почитать вѣчно, никто ревностнѣе тебя быть не долженъ. Чрезъ оную ты восходишь къ божественному роду; а безъ нея Цари не иное что суть, какъ рабы. Она во первыхъ твою жизнь дѣлаетъ пріятною. Она въ злощастіи твоемъ вознесетъ тебя выше твоей судьбины; она въ послѣдней минутѣ, когда всѣ съ печалію отъ тебя отходятъ въ небесномъ образѣ съ твоей стороны станетъ, и въ свѣтѣ славы духъ, которой она возлюбила, провождать будетъ. Она будетъ украшеніемъ тѣхъ духовъ, кои ужѐ радуются о твоемъ благополучіи и твоемъ обхожденіи. Человѣкъ! малое ли благополучіе для тебя, быть строгимъ, для себя быть добродѣтельнымъ?

ТРЕТІЕ УЧЕНІЕ.

О преимуществѣ нынѣшняго нравоученія предъ нравоученіемъ древнихъ Философовъ, и о страшномъ нравоученіи Натуралистовъ.

Наше нынѣшнее нравоученіе, (подъ симъ разумѣемъ купно истинны естественнаго Богословія и права естества) предъ нравоученіемъ дре-

древнихъ Грековъ и Римлянъ не малое имѣетъ превосходство; которое легко усмотрѣть можемъ, ежели не ослѣпимъ себя чрезъ излишнее почтеніе къ древности.

Понятія о *Божествѣ* у большей части древнихъ Философовъ, то темны и не совершенны, то чудны и страшны. Иногда населяютъ они Олимпъ многими богами, иногда праздному Богу на немъ жительство опредѣляютъ. То неизбѣжную сюдьбу возводятъ на тронъ; то всю натуру дѣлаютъ Богомъ, то совсѣмъ не имѣютъ Бога, и случай вступаетъ на его мѣсто. И Сократъ, которой по видимому имѣетъ чистѣйшія понятія о Божествѣ, хочетъ, чтобъ введеннымъ богамъ въ своемъ отечествѣ приносили жертвы; и какія суть сіи Божества древнихъ? Преславнѣйшій остротою Гомеръ воспѣваетъ преимущества своего бога. Каковъ есть его Юпитеръ? Богъ, какимъ бы я быть не желалъ, хотя бы великолѣпіе стихотворства нарядило его столь прекрасно, какъ бы оно ни хотѣло; я гордъ быть его другомъ и имъ самимъ.

Изъ ложныхъ понятій о Богѣ должны происходить ложныя начáла нравоученія. Оно какъ бы хорошо ни было изображено, остается тѣломъ съ больною душею. Каждой изъ древнихъ мудрецовъ сдѣлалъ себѣ почти особливаго Бога, Бога по своему воображенію и своему естественному начертанію и приписалъ ему свойства и склонности, кои его сложеніе и воспитаніе по большой части похваляли. Онъ вообразилъ себѣ Бога строгимъ, кроткимъ, чувственнымъ, храбрымъ, поелику онъ такимъ самъ былъ, или не былъ.

Ихъ

Ихъ ученіе о *естествѣ* душй есть Лабиринтъ догадокъ и сновидѣній. Кто можетъ пустыя изъясненія и вѣчныя споры Греческихъ мудрецовъ о существѣ душй, хотя и краснорѣчивый Цицеронъ повѣствуетъ, безъ сострадательства и неудовольствія читать?

Сами наимудрѣйшіе изъ нихъ чаяли и желали *безсмертія духа* болѣе, нежели какъ они извѣстность онаго утверждали въ своихъ наставленіяхъ. И такъ чему извѣстному о состояніи будущихъ наградъ и наказаній, или о ихъ качествѣ и о продолженіи могли научить для побужденія къ добродѣтели? Ученой Агличанинъ Варбуртанъ въ своемъ сочиненіи о Божественномъ посланіи Моисея основательно доказалъ, что всѣ Греческіе Философы ничему не вѣрили о безсмертіи душй и наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни, хотя они о томъ говорили какъ о наставленіи человѣческому обществу полезномъ. По крайней мѣрѣ они не знали никакого другаго безсмертія душй, какъ то, которое изъ мнѣнія, граничущаго съ безбожничествомъ проистекало, то есть, что Богъ есть душа свѣта, а душа человѣческая проистеченіе изъ оной.

Ихъ понятія о *добродѣтели* то недостаточны, то противны естеству; и не должны ли они быть такими, когда они изъ ихъ понятій о Богѣ и естествѣ душй произходили? что есть добродѣтель, когда ея существо не состоитъ въ сходствѣ нашихъ дѣйствій съ волею Творца, яко нашего Господа и законоположителя? съ волею, которую изъ его совершенствъ, изъ учрежденія естества, и которую, чрезъ то изъ предписан-

наго конца познавать должны, и которой познаніе есть первая должность нашего разума? когда Платонъ, Аристотель и Зенонъ основали существо добродѣтели на великой истиннѣ, что Богъ нашъ есть законодатель и судія? что стоикъ былъ при своей воображаемой добродѣтели, какъ не самъ себѣ Богъ? онъ какъ самъ говорилъ, не имѣлъ нужды въ божествѣ и въ его помощи быть добродѣтельнымъ. И такъ хотя они существенное различіе добра и зла познавали; однако они не познавали, что сіе различіе на воли Бога и его Господствѣ надъ людьми, какъ надъ своею тваріею и подданными основано и ихъ добродѣтель не происходила изъ послушанія къ Богу, но только изъ естественной красоты добра, и естественной гнусности порока, Платонъ обезсиливаетъ тѣло и чрезъ умерщвленіе чувствъ старается душею возходить къ отцу духовъ. Сіе то есть его добродѣтель. Хороши кажется слова! Зенонъ, чтобъ познать намъ добродѣтель, учитъ насъ естественныя подавлять стремленія, удовольствіе чувствъ не почитать за удовольствіе, болѣзнь за болѣзнь. И такъ добродѣтельны ли мы, когда перестаемъ быть людьми? великолѣпныя слова! кто предостерегаетъ себя отъ всего того, что въ душѣ можетъ возбудить какое безпокойство, а въ тѣлѣ болѣзнь, тотъ по ученію Епикура добродѣтеленъ. Кто въ своихъ нравахъ и поступкахъ слѣдуетъ мнѣніямъ разумнѣйшихъ, и законамъ государства, тотъ по ученію Аристотелеву добродѣтеленъ.

Одинъ вѣритъ выдумкѣ, а другой собственнымъ своимъ бреднямъ; одного приводитъ въ заблужденіе глупость, а другаго лишной разумъ.

Записка ихъ *каждыхъ добродѣтелей* или *должностей* есть не полна и не достаточна, хотя мудрой язычникъ, въ должности въ разсужденіи другихъ до того дошелъ, что онъ запрещающее пра́вило яко справедливымъ призналъ: чего ты не хочешь, чтобъ другіе тебѣ дѣлали, то и имъ не дѣлай! однако не постарался дойти до повелѣвающаго пра́вила закона: чего себѣ хочешь, чтобъ другіе тебѣ дѣлали, то дѣлай и имъ! чего бы ты по пра́виламъ правосудія, любви, и разумному упущенію желалъ, чтобъ другой тебѣ, ежели бы онъ въ твоихъ обстоятельствахъ находился, а ты въ его, то дѣлай теперь и ему! въ семъ приказаніе первое содержится, но въ первомъ сего нѣтъ, я могу удержаться, не озлоблять другаго, безъ того, чтобъ ему служить безъ всякаго попеченія, быть при его бѣдствіи, и безъ всякаго старанія его счастіе сохранить, или оное поправить. Сіе высочайшее пра́вило должности никогда не было пра́виломъ одного только разума. Древніе мудрецы далеко поставили границы умѣренности и мужескаго цѣломудрія. Строгой Катонъ блудъ хвалилъ какъ способъ противъ прелюбодѣйства. Нѣкоторые пьянство не почитали за отмѣнной порокъ. Ненависть и гоненіе непріятелей фамиліи были въ Римѣ добродѣтелью и самъ Цицеронъ споспѣшествовалъ мщенію. Самой убица былъ позволенное освобожденіе, и часто великолѣпными похвалами возносится, какъ Героическая добродѣтель. Добродѣтель древними хвалимая, любовь отечества, что она часто какъ не пристрастная и свирѣпствующая горячность къ чести и вѣчному имени своего народа, къ истребленію свободы и благо-

получія

получія другихъ народовъ? гдѣ общее человѣколюбіе? гдѣ благотворительство въ ученіи о добродѣтели древнихъ? милосердіе, такъ учитъ Сенека, есть болѣзнь сердца; сострадательство есть порокъ малаго духа, которой при воззрѣніи на чужія страсти бодрость спускаетъ, и наипаче свойственно подлѣйшимъ сердцамъ. — Аристотель кротость почитаетъ за слабость духа, и терпѣніе при нанесенныхъ озлобленіяхъ за нѣчто рабское. Гдѣ смиреніе въ нравоученіи древнихъ? не гордость ли хотѣть быть малымъ Богомъ, есть Центръ стоическаго нравоученія.

Нравоученіе древнихъ не показываетъ *ни надежнаго средства быть спокойнымъ* при различныхъ болѣзняхъ и злоключеніяхъ сея жизни, ни истиннаго утѣшенія, которое состоитъ только въ смиренной преданности въ руку всемогущаго, и во увѣреніи, что тѣмъ, кои ему повинуются, и на него надѣются, все служитъ къ благосостоянію, и что онъ нашу судьбу благостію и премудростію отъ вѣка установилъ, и ежедневно ею управляетъ.

Наше нынѣшнее нравоученіе во всемъ семъ недостатка не имѣетъ, но имѣетъ достойныя и высокія понятія о Богѣ, справедливыя и благородныя о человѣколюбіи, о ограничиваніи и умѣреніи нашихъ желаній; оно и болѣе извѣстности въ себѣ содержитъ о безсмертіи души, и съ нею сопряженныя наказанія за порокъ, и награды за добродѣтель. Откуда намъ приходитъ сей свѣтъ? древніе Философы не былиль остроумные мужи? не они ли суть наши учители въ искусствѣ раз-

мышлять

мышлять и произносить? за чѣмъ они въ нравоученіи не такъ справедливо и истинно разсуждали? развѣ не прилагали большаго старанія? для чего мы Сократа, Платона, Ксенофонта, Епиктета, Аристотеля, Цицерона, Сенеку, въ разсужденіи познанія нравоученія превосходимъ? развѣ наши умы болѣе ихъ? для чего языческіе Философы и стихотворцы во ученіи о почитаніи единаго Бога, о должностяхъ общей любви къ врагамъ, о началѣ добра и зла, о безсмертіи души, столь далеки отъ той извѣстности, которую мы нынѣ во всѣхъ сихъ ученія членахъ имѣемъ.

Это извѣстно, что мы въ разсужденіи преимущества въ нравоученіи одолжены тому свѣту, которой въ насъ возжегъ христіанскій законъ; пускай нѣкоторые Философы тѣмъ себя льстятъ, будто въ разсужденіи превосходства своему остроумію одолжены. Чрезъ наставленіе, которое мы съ младенчества получили въ истиннахъ закона, нашъ разумъ оныя дѣлаетъ себѣ собственными, хотя мы того не примѣчаемъ. Мы находимъ ихъ, когда начинаемъ сами разсуждать, въ нашей памяти, и такъ дѣлаемъ, что мы въ разсужденіи ихъ, какъ по ихъ пространству, такъ по степени извѣстности только свѣту разума одолжены. Въ самомъ дѣлѣ и нравоученіе вѣры есть нравственной законъ, которой разумъ похваляетъ, и большею частію своимъ собственнымъ признаетъ голосомъ. Но за чемъ сіи законы разума и совѣсти, не взирая на то, въ разумѣ величайшихъ духовъ изъ древнихъ толь многими темнотами покрыты, или за чемъ оныхъ не доставало въ ихъ на-

ста

ставленіяхъ. Послѣ какъ откровеніе христіанскаго закона разуму возвратило его права, и потерянный ему свѣтъ, которой съ оставшимися лучами столько согласенъ, даровало: то наша гордость льститъ себя тѣмъ, что сіе исправленіе нравоученія, сія побѣда надъ суевѣрными и невѣрными мнѣніями, есть плодъ нашего прилѣжанія, нашего глубокомыслія, и нашего основательнѣйшаго способа, и слѣдовательно, преимущество наше нынѣшняго нравоученія принадлежитъ къ просвѣщенной Философіи. Но вопросъ уже остается: что сія Философія очистила? для чего не можно найти ни одного изъ древнихъ Философовъ, которой бы отъ всѣхъ суевѣрій своего народа былъ свободенъ? для чего имъ было не возможно, въ своихъ наставленіяхъ оторваться отъ печатлѣній воспитанія, и оковъ вкорененныхъ мнѣній? развѣ это не извѣстно, что и мы безъ свѣта христіанскаго закона не мудренѣе бы во нравахъ были; когда бы свѣтъ чрезъ столь многіе вѣки предъ пришествіемъ Спасителевымъ не могъ чрезъ то освободиться отъ тьмы суевѣрія и идолопоклонства? враги откровеннаго закона хвалятся нынѣ? что они знаютъ ясно показать должности естественнаго закона, свойства Божіи изъ разума доказать, изъ отношенія, въ которомъ мы яко твари съ нимъ стоимъ, произвесть должности, коими мы ему и членамъ его большой фамиліи обязаны. Они имѣютъ право хвалиться. Но для чего не могли тоже дѣлать и остроумные Афины и Римъ и предъ сими науками просіявшія части свѣта? И такъ откуда они имѣютъ свои справедливѣйшія познанія философскаго нравоученія? Изъ источника вѣры, которой они съ

гор-

гордостію стыдятся, и которой они съ неблагодарностію ругаются.

Ты гордо ругаешся писанію, называешь его острогою слабыхъ; пускай сократы говорятъ о Богѣ и добродѣтели; однако говоритъ ли кто столь извѣстно, съ такою силою и свѣтомъ, столь надежно, какъ Апостолъ.

Ученія Сократа, наилучшаго нравоучителя древнихъ продолжались великими философами и краснорѣчивѣйшими мужами. Однако для чего они не исправили естественный законъ и нравоученіе въ четырехъ вѣкахъ, кои отъ него даже до пришествія Спасителя протекли? развѣ сіи вѣка не тѣ были, въ коихъ язычники довели всѣ науки и художества до высочайшей степени? Римъ научился философіи отъ Грековъ; былъ ли онъ чрезъ то добродѣтельнѣе? пересталъ ли онъ съ чужими Государями поступать съ злою гордостію? людей такими рабами дѣлать, которыхъ жизнь за ничто почитаема была; побѣжденныхъ полководецъ, иногда и самыхъ Королей умерщвлять и на безчеловѣчныхъ позорищахъ, гдѣ человѣческая кровь проливаема была, себя забавлять? просвѣщенная Греція не осталась ли безчеловѣчна, когда она своихъ дѣтей подкидывала, и какія беззаконія яко часть службы въ капищахъ Боговъ не были чинимы? самые ихъ пороки въ Афинахъ и Римѣ не имѣлиль своихъ храмовъ? не извѣстно ли это, что мы въ разсужденіи нашего наилучшаго и основательнѣйшаго нравоученія одолжены ученію христіанскаго закона? Философъ наставляетъ свой смыслъ чрезъ истинны закона, которыя разумъ справедливыми признаетъ, какъ скоро онъ ихъ узнаетъ, и кои онъ однако безъ откровенія иногда

гда только не ясно, иногда совсѣмъ не видитъ, сіи начáла пріемлетъ онъ въ своей системѣ, и изыскиваетъ доказательства и связь должностей изъ естества Бога и человѣка, что просвѣщенному разуму не трудно, потому что гораздо легче находить доказательство къ открытымъ истиннамъ, нежели самую открыть истинну. Христіанское наконецъ нравоученіе имѣетъ истинны, кои разумъ безъ особеннаго откровенія знать не могъ; сей Философъ позабываетъ, и теперь изображеніе сего нравоученія не совсѣмъ сходно съ изображеніемъ откровеннаго нравоученія; однако наилучшія черты нарочно или по невѣдѣнію изъ онаго заняты. Такъ поступали нѣкоторые живописцы, кои украшали покой Шведской Королевы. Они лица отдѣлили отъ живописи Рафаиловой поставили искусно на обояхъ и тогда приписали прочія части тѣла по приличію лица̀.

Мнѣ кажется, что сіи примѣчанія способны насъ утвердить въ высокомъ почтеніи къ вѣрѣ и во убѣжденіи о ея превосходствѣ и божественности; насъ научитъ, сколь не совершенъ и слабъ и самый лучшій естественный законъ и сколь не благодаренъ Христіанинъ, которой высочайшаго свѣта, его хотящаго вести къ премудрости и добродѣтели, стыдится, да и въ разсужденіи „ добродѣтели и закона безконечно много одолженъ „ христіанству. Оно не только естественный за- „ конъ вперяетъ, но человѣка не престанно по- „ буждаетъ ко исправленію сéрдца; вкореняетъ „ добродѣтель основанную на Божіихъ совершен- „ ствахъ; оно научаетъ неописанно важнымъ дол- „ жностямъ, коимъ прежде ни одинъ не училъ

„ фило-

„ Философъ, сильнымъ причинамъ къ добродѣтели,
„ коихъ у сихъ напрасно ищутъ. Одно только
„ Христіанство опровергнуло идолопоклонство со
„ всѣми принадлежащими мерзостями, покой въ
„ Государствѣ утвердило, должности любви, со-
„ страдательства и благотворительства ввело
„ въ употребленіе. Христіанство только, наста-
„ вленіе въ законѣ вообще и чрезъ основаніе ви-
„ димой церкви купно сдѣлало продолжительнымъ.

Любезные Слышатели! Когда я сравненіе между нравоученіемъ древнихъ и новыхъ временъ сдѣлалъ, и притомъ показалъ, сколь много новѣйшая Философія ко исправленію своего нравоученія, изъ божественнаго откровенія почерпнула: то дозвольте мнѣ еще нравоученіе Натуралистовъ съ нимъ снести; подобно живописцу, которой, чтобъ болѣе показать пріятности прекрасныхъ мѣстъ противъ нихъ изображеніе другихъ ставитъ, которыхъ война лишила украшенія и обилія.

Систему нравоученія Натуралистовъ изобразить не трудно. Самой подлой человѣкъ, которой своимъ страстямъ предался безсовѣстно, проповѣдуетъ оное чрезъ свои поступки; и изъ его поступокъ легко можно вывесть начала онаго. Ищи
„ своего увеселенія, что сему споспѣшествуетъ, то
„ позволено и мудро; что тебѣ въ ономъ препят-
„ ствуетъ, то есть боязливость, и суевѣріе.
„ Самолюбіе есть твой законъ; слѣдуй ему, пока
„ никакое явное насиліе тебя не удерживаетъ и
„ ничего не опасайся, какъ только руки палачев-
„ ской. Нѣтъ ничего, чтобы само по себѣ добро
„ или зло было: Божество низкія дѣйствія чело-

„вѣка за ничто почитаетЪ, и его естество при-
„казываетЪ ему поступать по влїянному стре-
„мленїю. Кто свободенЪ, тотЪ смѣетЪ дѣлать
„то, чего онЪ желаетЪ то только есть его
„благополучїе: удовольствїя чувствЪ и воображе-
„нїя сила, радость услажденїя, чести и богатства„.

Продирайтесь, вопїетЪ кЪ намЪ НатуралистЪ, продирайтесь чрезЪ ночь суевѣрїя, слѣдуйте естеству, наслаждайтесь, что вамЪ оно посылаетЪ; ничего не ищите, какЪ чего вы желаете, ничего не бѣгайте, какЪ только что вамЪ болѣзнь причиняетЪ; разсуждайте свободно, и не внимайте глупымЪ. НародЪ есть большая часть на землѣ, отЪ сего отрывайтесь. ОнЪ не знаетЪ, чему вѣритЪ, всякую склонность онЪ почитаетЪ за непозволенную, и не видитЪ, что онЪ счастїе похищаетЪ у себя по причинѣ ипохондрїи. Сего ради понимай сїе краткое наставленїе: чему многїе вѣрятЪ, не вѣрьте. Слѣдуйте натурѣ, она зоветЪ, чего другаго отЪ насЪ хочетЪ, какЪ чтобы мы ей повиновались? СтрахЪ выдумалЪ право и должность, и произвелЪ Небо и АдЪ; поставьте разумЪ на его мѣстѣ, что тогда вы видите? Небо и АдЪ? О нѣтЪ бабья басня. Оставьте свѣту его ребяческїе расказы, что каждаго спокойнымЪ дѣлаетЪ, то каждому есть законЪ; разумной человѣкЪ ужЪ болѣе не вѣритЪ, и ему не нужно.

Сїе наставленїе не стоитЪ того, чтобЪ его отражать. Оно возбуждаетЪ омерзѣнїе, какЪ скоро обЪ ономЪ размышляютЪ вЪ его слѣдствїяхЪ; и не совсѣмЪ развратившееся сердце своею естественною благостїю востаетЪ противЪ дерзости суевѣрїя. НатуралистЪ сколь бы бѣденЪ былЪ, когда бы онЪ общество людей дѣлалЪ такимЪ

Философомъ, какъ онъ самъ есть, или быть хочетъ. Каково было бы его обоженное удовольствіе, стяжаніе именія и лицъ, въ коихъ его желаніе имѣетъ нужду, какова бы была его безопасность и его жизнь? Я и все тогда съ нимъ одного мнѣнія. Нашъ Богъ есть корыстолюбіе, самолюбіе и удовольствіе чувствъ. Не похитимъ ли у него радости коварствомъ и насиліемъ, какъ скоро то наше прикажетъ удовольствіе? что мнѣ въ его покоѣ, когда я своему чрезъ уничтоженіе его споспѣшествовать могу? я похищаю его покой у него. Но онъ будетъ ли противиться такъ какъ и я. Онъ вооружаетъ лесть и коварство, ядъ и тайное убійство, чтобъ достигнуть своего намѣренія; и я вѣчная война корыстолюбія и дерзости! Ежели нѣтъ правосуднаго Бога, нѣтъ добродѣтели, нѣтъ безсмертія душй, и слѣдовательно нѣтъ вѣчной награды и наказанія; что меня можетъ удержать отъ того, чтобъ слушать гласа моихъ распалившихся страстей, сколь часто могу?

Я бы тогда захотѣлъ быть злодѣемъ, ежели бы не было Бога, не боялся бы и Царя.

И такъ развѣ сквернѣйшая неблагодарность, когда она моему споспѣшествуетъ удовольствію, по ученію Натуралиста не порокъ? и такъ могу я грабить тайно своего ближняго, когда того мой требуетъ покой; и отравить сосѣда, когда иначе его супруги достать не могу? Такъ позволены обманъ, измѣна, клятвопреступленіе, какъ скоро они суть средствомъ, удовольствовать требованіе моего корыстолюбія? такъ союзъ сѣмейства и

 дружс-

дружества не что иное, какъ суевѣрныя оковы? такъ можно мою супругу, которую какъ себя люблю, похитить мою дочь, увеселенiе моего дома обесчестить; сына моего, надежду моей жизни дѣлать непослушнымъ, злодѣемъ и хулителемъ Бога? такъ нѣтъ моего? такъ нѣтъ внѣшней безопасности, какъ только чрезъ коварство и насилiе? такъ Вышнiй не имѣетъ закона? какъ удовольствiе своихъ не умѣренныхъ желанiй и я долженъ ему повиноваться? такъ подчиненной не имѣетъ закона, какъ только насилiе отъ себя, когда онъ можетъ, отвратить, и жизнь такого начальника своему корыстолюбiю на жертву приносить? и мнѣ управлять? слѣдовательно нѣтъ вѣрности, нѣтъ союза любви, которой людей соединяетъ; а только корыстолюбiе, есть ихъ высочайшей законъ? и въ такое общество обманщиковъ, не благодарныхъ, клятвопреступниковъ, похитителей, убiйцъ, растлителей, богоотступниковъ хотите вы насъ преселить вы Натуралисты? О враги человѣковъ и Бога! о когда сiе есть свѣтъ спокойства, то да будетъ проклятъ день нашего рожденiя!

Слушатели, сiе изображенiе Натуралистовъ нравоученiя, не обходимо должно насъ увѣрить въ почитанiи добродѣтели, которое намъ просвѣщенный разумъ, совѣсть и вѣра похваляютъ. Не можетъ быть вамъ сiе изображенiе кажется не довольно вѣрнымъ. И ето правда, что не всѣ враги откровенiя совсѣмъ принимаютъ сiе страшное нравоученiе. Внѣшнiя обстоятельства, въ которыхъ они находятся, ихъ особенное начертанiе и самыя благотворительныя впечатлѣнiя, которыя

рыя первое наставленіе въ законѣ, въ ихъ сердцахъ, когда они ихъ познать не хотятъ, оставило, ограничиваютъ оное въ особенныхъ случаяхъ. Но при всемъ томъ не также ли истинна, что оное есть нравоученіе многихъ Натуралистовъ; и что Натуралистъ заблужденіе хотя не вдругъ, однако мало по малу къ такому ведетъ нравоученію? Не довольно ли показываютъ то различныя Деистовъ писанія? Оставь только руку откровенія на пути должности, и скоро развращенныя склонности сердца будутъ предводителями, и побудятъ писаніе продолжать далѣе пока наконецъ пройдетъ всѣ должности границы; по крайней мѣрѣ всегда толь великой подвергаешся опасности, когда въ яснѣйшемъ свѣтѣ откровенія вмѣсто того, чтобъ надлежащимъ образомъ оное испытать, можешь предпріять лучше быть Деистомъ. И такъ сохраняйте, Слушатели, свои еще нѣжныя души отъ началъ Натуралистовъ, кои хотя вообще суть страшны; однако нѣкоторые изъ оныхъ въ естественномъ прилѣпленіи къ порокамъ часто свое убѣжище имѣютъ; отъ мнѣній Натуралистовъ, кои отъ Престоловъ вышнихъ ужè въ хижинахъ нижшихъ разсѣялись, подобно моровому повѣтрію, кое нечувственно подкрадывается, и заразѣ которая въ полдни губитъ. Савринъ, превосходный Савринъ говоритъ, что онъ не зналъ ни одного Натуралиста безъ изъятія, которой бы, умирая на постелѣ, не отрекался и не гнушался своей системы; и много такихъ поучительныхъ примѣровъ въ сочиненіи Датскаго благочестиваго и ученаго Епископа Понтоппидана находится представлено.

При силахъ крѣпкаго здоровья, при колебаніи страстей, при ежедневномъ возобновленіи увеселенія, при гуляніяхъ и собраніяхъ не умѣренныхъ людей, туманны отъ вина, наученный въ тайнахъ сумнѣнія и ругательства надъ священнымъ писаніемъ разумъ можно принудить, вѣрить безумію, яко истиннѣ; и совѣсть подобна обезчещенной невинности, на нѣкоторое время закрывается. Но при приближенной опасной болѣзни вырвавшись отъ удовольствій, коими не умѣренной скованъ былъ, будучи свободенъ и принужденъ разсуждать, усматриваетъ онъ предметы въ другомъ совсѣмъ видѣ. Разумъ отъ пробудившейся совѣсти понуждаемъ, защищаетъ право истинны, страхъ смерти, помышленіе вѣчности, помышленіе Святаго Бога, котораго изъ своего сердца истребить не можетъ; всею силою настоятъ ему, суть мученія его души, которыя у ней признаніе исторгаетъ, что она противъ Бога возстала, что она не блаженна.

Мы нынѣ имѣемъ учителей, Натуралистовъ заблужденія; и дабы насъ ни дерзской Агличанинъ, ни ругающійся Французъ, тщетно не научили: то изъ благодарности за то ихъ тайны разславляемъ, и выдумываемъ только краски, чтобъ невѣріе прикрасить. Остерегайтесь отъ такихъ писаній и людей, дражайшіе пріятели? Вы вступаете въ большой свѣтъ, и многіе изъ васъ спѣшатъ, можетъ быть, то въ чужія земли, то въ опасность, чтобъ съ началами невѣрія познакомиться. Знатность ученаго и остроумнаго мужа, мужа не грубаго поведенія, въ обществѣ пріятнаго и желаемаго, которому многіе повиноваться должны,

должны, безъ покровительства котораго быть не можемъ, дѣлаетъ его невѣріе часто прелестнымъ въ нашихъ глазахъ, и Натуралистъ въ кавалеріи всегда учитъ съ большимъ печатлѣніемъ, нежели кто въ школьномъ кафтанѣ, хотя уже они оба равно бѣдно учатъ.

Я прошу васъ, мои Слушатели, ибо что могу другое дѣлать, какъ просить? Я прошу васъ, какъ вашъ другъ, ради всего, что вамъ драгоцѣнно на землѝ и на небѣ, ради любви крови, отъ которой вы произошли; ради покоя сердца, котораго вы всѣ ищете; ради благополучія потомства, которое отъ васъ произойти должно; и ради кого долженъ васъ я болѣе просить? ради Бога Всемогущаго! сопротивляйтесь прелестямъ Натуралистовъ заблужденія и порока. Съ младенчества предостерегайте свою чувствительную совѣсть, и чрезъ свой постоянной примѣръ препятствуйте ихъ разпустности во мнѣніяхъ и нравахъ, какъ вы поступали до сихъ поръ славно, напоминайте себѣ часто страха исполненныя слова: *якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, сего ради предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ*. (*)

Представте себѣ, когда вы видите Натуралиста Короля, своимъ невѣріемъ хвастающагося, непорочнаго Антонина, которой далекъ былъ отъ Христіанина. Представте себѣ, когда вы слышите нѣкогда въ покояхъ великихъ людей, Рохестера, Гобба, Волинброка, Шавцбурія, ругающихся вѣрѣ, представте себѣ Верулама, Аддисона, Питлетона и Веста, которые оную чрезъ свои сочиненія

(*) Рим. 1. 28.

ненія и нравы прославили. Совѣстный Министръ, которой сверьхъ того дарованія духа и способность имѣетъ для публичныхъ дѣлъ, будетъ во всѣхъ Дворахъ, гдѣ хотя столь мало вѣра владычествуетъ, однако достойнѣйшимъ чести оставаться. Ежели васъ въ заблужденіе приводятъ ложныя умствованія Баила, кои онъ суетною остротою и хвастливою ученостію подкрѣпляетъ: представте себѣ толь многихъ великихъ людей, кои разуму дали власть надъ желаніемъ казаться острыми и учеными, а вѣру поставляли владычицею надъ обоими. Ученаго Еразма или Меланхтона почитайте болѣе, нежели ученаго Баила. Что есть остроуміе Ламетрія, съ которымъ онъ дерзко ругается надъ святѣйшею вещію, въ сравненіи ума Галлера, которымъ онъ вѣру и право разума защищаетъ. Ежели сравните разумъ, которой изъ нравоученія Мосгейма говоритъ, съ разумомъ, которой изъ сочиненія Ламетрія о *блаженной жизни* говоритъ: то первое есть разумъ Ангельской, а другое разумъ не чистаго духа. Читайте превосходныя сочиненія Сквира, Несселта, Іерусалема, кои они написали для нашего защищенія истинны и божественности вѣры, и чрезъ что они нашему вѣку показали истинное благодѣяніе.

Никогда не стыдитесь имѣть вѣру. Благороднѣйшія души ея почли за свою честь, за свое благополучіе. Опровергайте невѣріе чрезъ добронравную жизнь, и когда нужно, чрезъ доказательства и благородную смѣлость. Но что знатные будутъ о мнѣ думать, когда я столь совѣстно стану сопротивляться ихъ склонностямъ и примѣрамъ?

мѣрамъ? не накажутъ ли меня именемъ задумчиваго и ипохондрика, сумозброднаго человѣка, которой не умѣетъ жить, которому вздоръ школьной голову потемнилъ? и сколь для того чувствительнное сердце опасается сихъ именъ? Это правда, что презрѣніе есть опасный врагъ; и для избѣжанія онаго многіе отреклись отъ вѣры, кои, ежели бы у нихъ чрезъ насиліе оную хотѣли похитить, лучше бы свое имѣніе и свою жизнь оставили. Но мы тѣмъ болѣе должны вооружаться противъ сего ложнаго стыда, и чрезъ одобреніе совѣсти ругательство презирать. Наконецъ находятся еще вездѣ непорочные и любящіе вѣру, кои насъ своимъ почитаніемъ награждаютъ. И положимъ, что такихъ или мало, или совсѣмъ не было; что есть презираніе смертныхъ? и знатнѣйшихъ изъ глупцовъ сея земли?

Что есть предерзское ругательство, которое часто добродѣтель терпитъ? ея истинная слава! ибо кто зла удаляется, дѣлаетъ добро, имѣетъ славу у Бога.

ЧЕТВЕРТОЕ УЧЕНІЕ.

О различіи нравоученія Философскаго и нравоученія вѣры.

Мы отъ неумѣренной любви къ премудрости нашего разума и изъ тайнаго отвращенія отъ вѣры, легко Философскому нравоученію болѣе услугъ и силъ приписываемъ, нежели какъ оно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ, и открываемъ себѣ чрезъ глубокомысленную школьную мудрость путь къ Деистической добродѣтели, при которой мы

для себя самихъ довольны; и слѣдовательно ни въ какомъ откровеніи, ни въ какомъ высочайшемъ свѣтѣ и ни въ какой другой силѣ, какъ которая съ природы въ насъ есть, къ нашей добродѣтели и благополучію нужды не имѣемъ. Чтобъ намъ отъ сего заблужденія, которое ужѐ многихъ къ гордому привело невѣрію, себя предохранить. Теперь изъяснимъ различіе между нравоученіемъ разума и нравоученіемъ закона, между добродѣтелію Философіи и добродѣтелью вѣры.

Естественное и откровенное нравоученіе съ одной стороны много общаго между собою имѣютъ; но съ другой весьма различны. Они сходны между собою, ежели смѣю употребить подобіе безъ порока, какъ краснорѣчіе и стихотворство. Сіи обѣ между собою смежны. Они часто имѣютъ одинакой конецъ, чтобъ научить, возбудить: однако краснорѣчіе не есть стихотворство, и стихотворство еще больше, нежели одно только краснорѣчіе. Такъ нравоученіе здраваго разума близко подходитъ къ нравоученію вѣры; ихъ должности по большой части и конецъ споспѣшествовать добродѣтели и благополучію, суть между собою общія; однако нравоученіе разума столь мало есть нравоученіе вѣры, сколь краснорѣчіе есть стихотворство.

1) Они оба между собою разнствуютъ, вопервыхъ въ разсужденіи *источника*, изъ котораго они свои должности почерпаютъ. Источникъ естественнаго нравоученія есть разумъ и нравственное чувствіе добра и зла. Что съ истиннами разума и чувствованіями совѣсти, съ естествомъ людей и

благо-

благосостоянiемъ совѣсти, согласно, то есть справедливо и хорошо, и все, что чрезъ справедливое слѣдствiе изъ того произвесть можно, есть должность и съ намѣренiемъ соединенное исполненiе сей должности изъ послушанiя къ Богу есть добродѣтель. Христiанское нравоученiе съ естественнымъ имѣетъ сей законъ здраваго разума общей; но оно сверьхъ того имѣетъ еще высочайшiй источникъ, изъ котораго оно почерпаетъ, то есть откровенiе. Оной, то есть разумъ можетъ заблуждать, и часто заблуждалъ; сей не можетъ лгать, когда онъ справедливо разумѣется, все, что въ откровенiи ясной и подробной и нравоучительной законъ, то есть должность; хотя разумъ въ сiю должность чрезъ свой собственной свѣтъ можетъ проникнуть, или нѣтъ. Любовь непрiятелей есть должность Христiанскаго нравоученiя, хотя разумъ оной не предписываетъ; хотя ему трудно познать необходимость сей должности; но вѣра довольно оную предписываетъ. Молитва есть всегдашняя должность Христiанскаго нравоученiя; хотя она кажется разуму не нужна. Смиренiе предъ Богомъ и людьми есть всегдашняя должность нравоученiя вѣры, какъ бы гордость разума ни возставала противъ сей добродѣтели.

Естественное и Христiанское нравоученiе *которыхъ* соединены во общемъ *концѣ*, чтобъ *исправить нравы*; только послѣднее гораздо далѣе простирается, нежели первое. Оно не внѣшнее только поведенiе человѣка имѣетъ, учреждаетъ и его дѣлаетъ разумнымъ гражданиномъ, которой общему споспѣшествуетъ покою. Оно имѣетъ высочайшiй 2)

чайшій конецъ, то есть, чтобъ его все сердце перемѣнить и обновить. Оно имѣетъ и высочайшее средство, оно требуетъ *раскаянія* и *вѣры* такого рода, о которомъ разумъ не знаетъ. Оно любовь къ Богу и ближнему чрезъ вѣру дѣлаетъ основаніемъ, на которомъ все знаніе должностей стоитъ. Онаго истинны съ божественною соединены силою; и то есть преимущественно главное дѣло, гдѣ разумъ и вѣра суть различны, что оной, хотя насъ научилъ необходимости и превосходству нашихъ должностей, однако намъ не можетъ сказать, откуда бы получить намъ господствующую склонность и силу, чтобъ преодолѣть зло, а въ познанномъ добрѣ съ охотою упражняться. Нравоученіе вѣры не одно внѣшнее наблюденіе должностей предписываетъ; оно принуждаетъ имѣть всегдашнюю добродѣтель сердца, добровольное послушаніе къ божественному закону и чистоту всѣхъ склонностей и намѣреній. Оно научаетъ насъ, что всѣ добрыя дѣла, хотя они внѣшно согласны съ закономъ, полезны въ своихъ слѣдствіяхъ, трудны и славны въ совершеніи: однако имени добродѣтели не заслуживаютъ, когда они изъ превосходящей любви и почтенія къ Богу и нашему Спасителю и изъ истинной любви къ человѣкамъ не проистекаютъ. Оно есть столь совершенно, что сердцу никакого не дозволяетъ выключенія. Оно научаетъ, что кто одну заповѣдь зная преступитъ, нѣкоторымъ образомъ все содержаніе божественнаго закона преступилъ. Нравоученіе вѣры грозитъ тихимъ порокамъ, зависти, сребролюбію, клеветѣ, нелюбви, праздности, невоздержности, и нѣжности также наказаніемъ, коимъ оно отвращаетъ отъ пороковъ,

кои

кои общій покой и добро свѣта возмущаютъ; оно изключаетъ ихъ изъ Царства Божія. Сердце, сколь долго сіи изреченія почитаетъ за божественныя, можетъ ли еще дѣлать выключеніе? Христіанское нравоученіе не только запрещаетъ пороки, но и источники порока вожделѣнія пресѣкаетъ. Ты не долженъ, такъ приказываетъ оно, въ твоемъ сердцѣ пожеланіе имѣть противъ божественнаго закона. Того Философское нравоученіе не постигаетъ.

Въ третьихъ добродѣтели разума сходны съ 3)
добродѣтелями вѣры, когда мы на ихъ взираемъ *естестно.* Умѣренность разума сходна съ умѣренностію вѣры; однако въ разсужденіи источника и конца, далеко между собою различны. Добродѣтель воспитанія и сложенія подобится добродѣтели вѣры; но какое различіе изъ любви только къ здоровью и къ жизни, только ради добраго имени и своего внѣшняго благополучія быть умѣреннымъ; и напротивъ того сіи же добродѣтели изъ высочайшаго намѣренія, изъ любви и почтенія къ Богу, изъ сердца, которое вѣра сдѣлала благополучнымъ, исполнять? Я могу быть благодѣтелемъ; потому что я такъ воспитанъ; потому что имѣю чувствительное и нѣжное сердце; потому что ищу прибѣгающихъ ко мнѣ и хвалителей, но я могу быть благотворительнымъ изъ любви и благодарности къ Богу, изъ благороднаго желанія людей дѣлать счастливыми, потому что они созданіе Божіе. Сей родъ благотворительства вѣры есть добродѣтель, такъ какъ и безкорыстное общее человѣколюбіе, есть главной свѣтъ въ изображеніи Христіанскаго нравоученія, и

чрезъ то наставленія древнихъ Философовъ столько превосходитъ, сколько зеленое цвѣтами усыпанное по́ле пещаную степь, изъ которой только рѣдкія худыя тра́вы видны. Естественное нравоученіе научаетъ презрѣнію вѣчныхъ благъ, поелику они съ покоемъ се́рдца стоя́ть не могутъ; Христіанское сверьхъ сего предписываетъ должность утвержденія, чрезъ которое мы любовію къ себѣ, къ свѣту и къ жизни должны жертвовать любви къ Богу и къ ближнимъ, когда чести Божіей и душевному благосостоянію человѣка иначе споспѣшествовать не можно. Смиреніе особливо есть собственная добродѣтель Христіанскаго нравоученія, и она только почти доказываетъ небесное нача́ло вѣры и великое различіе между Философскимъ и Христіанскимъ нравоученіемъ. Человѣкъ, гордой человѣкъ самъ въ себѣ разсуждаемый: есть ничто, однако хочетъ быть Богомъ. Могъ ли бы учить смиренію, когда онъ нравоученіе выдумываетъ; учитъ Христіанскому смиренію? то есть добродѣтели се́рдца, которая проистекаетъ изъ учрежденія, что всѣ наши дарованія, преимущества и души̑ заслуги, дарованія вѣры и естества души̑, тѣла внѣшняго счастія, суть довольныя и не заслуженные дары, кои мы безмѣрно и не благодарно на зло употребили и погубили, и кои мы еще часто при всей нашей доброй волѣ на зло употребляемъ? Смиренію вѣры, которая намъ смѣло сказываетъ, что мы чрезъ наши силы не можемъ быть добродѣтельны и блаженны? Сія добродѣтель есть ли плодъ, которой на земли̑ гордаго разума произрастаетъ? она есть собственная добродѣтель Христіанскаго нравоученія.

Въ четвертыхъ доказательства Христіанскаго и философскаго нравоученія въ разсужденіи ясности, твердости и того что все поминать могутъ суть весьма различны. Извѣстно, что разумъ можетъ показать красоту добродѣтели и ея счастливое вліяніе въ благополучіе человѣческое, однако онъ долженъ употреблять много труда и искусства, всѣ должности производить изъ нѣкоторыхъ началъ, оныя между собою тѣсно соединить, и въ согласной составъ ученія привесть. Сей способъ, человѣка увѣрить о его должностяхъ есть хотя хорошь, однако онъ для нѣкоторыхъ а не для всего свѣта. Онъ требуетъ, чтобъ ему въ доказательствахъ можно было послѣдовать, остраго и упражнявшагося разума, которой не многіе имѣютъ. Напротивъ того Христіанское нравоученіе съ столь мудрою простотою, ясностію и краткостію преподается, что его можетъ поминать слабѣйшей разумъ, и не изощренная память можетъ содержать. Его доказательства суть столь же ясны какъ должности, и такъ тверды, что никакого не терпятъ противоположенія, потому что они суть Божескія изреченія. Ты долженъ любить своего ближняго, какъ самого себя, его не озлоблять, о его земномъ и вѣчномъ счастіи пещися; ибо Богъ твой Отецъ, Создатель, Содержитель и Искупитель, Богъ любви и милости, любитъ его какъ тебя; любовь есть твоя должность, потому что она есть подражаніе и благополучіе. Христіанское нравоученіе показываетъ Бога вездѣ какъ милостивѣйшее и Святѣйшее существо, и взаимствуетъ доказательства нашихъ должностей отъ сихъ боже- 4)

ствен-

ственныхъ совершенствъ (*). *Аще что творите*, говоритъ Христіанское правоученіе, *вся во славу Божію творите*. Дѣлайте такъ, чтобъ другія изъ нашихъ дѣйствій и дѣлъ о представленіяхъ, кои вы имѣете о Божіихъ свойствахъ, о вашемъ почтеніи къ его совершенствамъ, и о вашемъ послушаніи къ Его приказаніямъ могли заключать и оттуда брать побужденіе, въ своей жизни также поступать. Такъ наставленной ученикъ Христіанскаго нравоученія, можетъ ли еще находиться въ неизвѣстности, быть ли ему и для чего во всякое время, во всѣхъ поступкахъ своей жизни, во всѣхъ мѣстахъ, въ каждомъ возрастѣ, какъ въ младенчествѣ, такъ и въ старости, въ каждомъ чинѣ, какъ высокомъ, такъ и въ низкомъ, въ каждомъ явленіи своей жизни, какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, быть умѣреннымъ, воздержнымъ и правосуднымъ, милостивымъ, благотворительнымъ, цѣломудреннымъ, истиннымъ, скромнымъ и терпѣливымъ, или по крайней мѣрѣ, стараться ли искренно ему быть такимъ? Мы имѣли бы причины о Христіанскомъ нравоученіи не выгодно разсуждать, или яснѣе сказать, оное не почитать за божественное, ежели бы оно предложено было способомъ и словами Философовъ. Тогда бы оно не могло быть наставленіемъ для всѣхъ душъ, и Богъ употребилъ бы средства, людей сдѣлать мудрыми и благочестивыми, которое не способно для ихъ разума и необходимыхъ нуждъ сея жизни? Сіе не можно представить себѣ безъ хулы на Бога.

Разумъ

(*) 1 Кор. 10. 31.

Разумъ имѣетъ великія *побудительныя причины* и поощренія къ добродѣтели; но христіанское ученіе въ пятыхъ, кромѣ сихъ имѣетъ высочайшія, и побудительнымъ причинамъ разума подаетъ большой свѣтъ и силы. Что сей о безсмертіи души гадательствуетъ, или по крайней мѣрѣ столь глубокомысленно предлагаетъ, что нѣкоторые только въ ономъ убѣждены быть могутъ; то нравоученіе вѣры сказываетъ съ большимъ упованіемъ и по увѣренію Бога. Человѣкъ, которой вѣритъ, что его душа безсмертна, по тому, что не возможно, чтобъ Богъ Его обманулъ, знаетъ то съ большимъ увѣреніемъ, нежели Философъ чрезъ свои строгія доказательства. Награды и наказанія вѣчности, сіе озареніе свѣта въ Философіи есть въ вѣрѣ яснѣйшій полдень, всѣ приходятъ къ сему центру. Богъ есть Судія живыхъ и мертвыхъ, которой все на свѣтъ выводитъ, *да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла или блага, или зла* (*). Всѣ божественныя свойства суть въ вѣрѣ побуждающія къ добродѣтели, а отъ порока отвращающій, и сихъ свойствъ Философія никогда не познаетъ въ томъ ясномъ свѣтѣ, въ какомъ оныя показываетъ вѣра. 5)

Возьми только въ разсужденіе сіе толь сильное побужденіе, которое изъ показанной любви Спасителя міра дѣйствіе производитъ въ нашемъ сердцѣ и въ нашей добродѣтели. Сія любовь Спасителя, когда живо въ нея вѣруютъ и Духъ Божій содѣловаетъ сію вѣру чрезъ истинныя писанія; необходимо должна сердце наполнить высочайшею любовію къ Богу, нежели естественная

(*) 2 Кор. 5. 10.

любовь есть, которую мы чувствуемъ къ Всемогущему, когда мы его только, какъ нашего Создателя и Содержителя представляемъ; и слѣдовательно она должна сильнѣйшимъ побужденіемъ быть къ добродѣтели, вѣровать во Спасителя и ему покланяться, чрезъ котораго все сдѣлано на небѣ и на землѣ, которой Богъ есть и наше единое исцѣленіе, которой для насъ сталъ быть человѣкомъ, наказанія нашихъ грѣховъ на себя воспріялъ, для нашего спасенія страшнѣйшею умеръ смертію, которой добродѣтель предписалъ а пороки запретилъ, которой явился, не только чтобъ насъ искупить, но и освятить и въ котораго благодати и заслугахъ не освятившись участія не имѣемъ; сему живо вѣровать, но не чувствовать побужденія, его заповѣдямъ повиноваться, кто можетъ о такомъ подумать безъ прекословія? но сіе побужденіе, выше котораго небо ничего не имѣетъ, есть въ Христіанскомъ нравоученіи не только побужденіе ко всегдашнему пребыванію въ добродѣтели, но и *источникъ и сила добродѣтели*. Любовь къ Богу, которая раждается отъ вѣры, что мы не взирая на всѣ нами заслуженныя наказанія, чрезъ заслуги божественнаго ходатая по благодати безконечной блаженны, одушевляетъ сердце божественною силою, чтобъ злыя его побѣдить склонности. Она въ немъ распространяетъ доброжелательство и любовь ко всѣмъ людямъ. Она наши намѣренія благородными и волю Божію сердцу, которое съ природы не хочетъ быть въ оковахъ; пріятною дѣлаетъ. Оно чувствуетъ святость и божественность добродѣтели, и ощущаетъ, что его должность, какъ бы она ни была строгà, однако

ничто

ничто иное, какъ его благополучіе и соединеніе съ источникомъ всего совершенства и блаженства. Оно чувствуетъ внутренній покой, которой выше всякаго разума.

Сея силы ко исправленію разума и сердца, не имѣетъ нравоученіе разума. Его обѣщанія, чрезъ которыя оно къ добродѣтели возбуждаетъ, суть внѣшнее благосостояніе, нѣкоторая тишина и покой сердца, и малое вліяніе вѣчнаго блаженства. Нравоученіе вѣры своимъ ученикамъ, обѣщаетъ правду, миръ и радость, въ святомъ Духѣ здѣсь въ семъ свѣтѣ, и вѣчномъ съ большею извѣстностію изобилующую славу, и уже оную вкушать даетъ намъ въ извѣстныхъ блаженныхъ часахъ. Это правда, что нравоученіе разума научаетъ насъ многому, чему откровеніе не научаетъ. А именно: тамъ находятся правила и средства благоразумія, но по той причинѣ, что разумъ въ оныя самъ собою можетъ проникнуть, умалчиваетъ писаніе, котораго главное намѣреніе есть падшихъ и грѣшныхъ людей, для блаженства сдѣлать мудрыми и способными, напротивъ того великіе примѣры добродѣтели, которую намъ писаніе представляетъ, а особливо совершеннѣйшій примѣръ нашего Господа и Спасителя, Христіанскому нравоученію подаетъ чрезвычайное преимущество. Христіанское нравоученіе оставляетъ своего ученика исправленнаго человѣка еще не совершеннымъ. Онъ остается слабъ, потому что онъ человѣкомъ остается, и потому что къ нему зло, противъ котораго воюетъ, еще всегда прилѣпляется, и его къ добру дѣлаетъ лѣнивымъ; но оно возводитъ его на высочайшую и славнѣй-

шую степень добродѣтели, нежели Философское нравоученіе, кто можетъ сіе отвергнуть, когда онъ вѣру и разумъ знаетъ?

Христіанское нравоученіе научаетъ, что Богъ нашу совершенную и недостаточную, однако чистосердечную добродѣтель ради божественной намъ исходатайствованной правды, яко совершенную приметъ и вѣчно наградитъ. Нравоученіе разума желаетъ, и чаетъ только, что Богъ на несовершенное, но чистосердечное послушаніе, и ежедневное стараніе быть лучшимъ, съ благоволеніемъ воззритъ, и учиненныя преступленія его закона, и различные пороки не вѣчно накажетъ.

Представимъ обоихъ любителей добродѣтели, разума и вѣры въ одномъ состояніи. Они суть на концѣ своей жизни, и съ упованіемъ оба утѣшаются въ часъ смерти.

Я разсматриваю теперь, начинаетъ по *Философіи добродѣтельной*, разсматриваю теперь, оконченной путь жизни, которой мнѣ начальникъ свѣта опредѣлилъ. Я искренно старался его познать волю, и добродѣтель въ разсужденіи его, себя и свѣта исполнить. Но я сію должность довольно ли позналъ, и исправлялъ ли я безпрестанно лучшимъ образомъ какъ въ моемъ сердцѣ, такъ и въ моей жизни, что бъ быть достойнымъ ободренія всевѣдущаго свидѣтеля и его милости? онъ есть источникъ совершенства; возлюбилъ ли я его болѣе и почелъ ли нежели все? я вижу одинакія добродѣтели юноши, мужа и престарѣлаго въ своей жизни. Сіе свидѣтельство могу себѣ дать на краю могилы; и ты, Боже, ты хочешь добра,

ра, и ты его другъ и платитель! а мои добродѣтели сколь слабы и несовершенны! наградишь ли тѣ, кои болѣе изъ страху отъ людей, изъ честолюбія и воспитанія, изъ сложенія и самолюбія, нежели изъ почтенія къ тебѣ исправлялъ? вижу добрыя намѣренія и предпріятія въ своей жизни, заслуги человѣколюбія; но я вижу во всѣхъ явленіяхъ моей жизни, такъ же многія недостатки, здѣсь глупости и неумѣренности младенчества, тамъ пороки мужескаго возраста и преступленія глубокой старости; на одной сторонѣ вѣсковъ пренебреженное добро и зло, на которое подалъ согласіе; сколь много есть того! на другой въ дѣйство произведенное добро и побѣжденное зло; сколь мало того! Я чувствую угрызеніе и наказаніе совѣсти. Богъ знаетъ всѣ мои пороки, самое тайное мыслей и склонностей; они суть возмущенія противъ его закона, которой онъ мнѣ чрезъ разумъ и совѣсть открылъ. Сіи преступленія въ будущей жизни накажетъ ли вѣчно? онъ есть святость! Ощастливитъ ли меня милостію? онъ есть любовь; вѣчно ли буду пребывать? Но я прахъ и грѣшникъ! такъ не вѣчно буду пребывать? но я тварь Божія и чувствую въ себѣ желаніе, жить безконечно, кто избавитъ меня отъ сей неизвѣстности и притомъ страха? разумъ ли? о когда бы говорилъ онъ точно? смерть рѣшитъ мое сумнѣніе и такъ вступаю въ другой свѣтъ; также вѣчной и щастливой? дай боже! онъ говоритъ то и умираетъ.

Положимъ, что *добродѣтельной* по *вѣрѣ* на постелѣ смерти исповѣданіе своей вѣры и своего упованія такъ же произнесъ. Утверждается ли онъ

на своихъ слабыхъ добродѣтеляхъ, чтобъ въ вѣчность ступать смѣло? не божественная ли чрезъ вѣру во Спасителя, есть его заслуга, которая ему у Бога прощеніе грѣховъ и самую за его несовершенную добродѣтель, награду исходатайствовала? не имѣетъ ли онъ упованія вышшаго, нежели то, которое ему лучи здраваго разума открываетъ? дозвольте ему говорить. Онъ пересматриваетъ свою жизнь, и своимъ духомъ проникаетъ чрезъ гробъ въ вѣчность. Врачь ужѐ возвѣстилъ ему приближающейся его конецъ. Онъ свои мысли устремляетъ къ Богу, и говоритъ исполненъ будучи высокаго упованія:

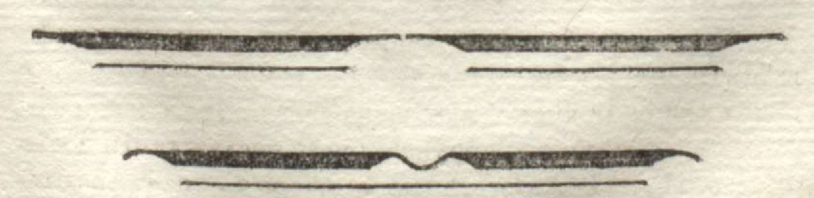
Такъ Всемогущій, мое избавленіе, приближился? Ты зовешь. Здѣсь я, Господи! слава и хвала да будетъ тебѣ, который свою руку надо мною простиралъ, тебѣ Боже, который даже до гроба мнѣ удивительно предводительствовалъ? сколь часто мое сердце забывало свое исцѣленіе и свою должность! Однакъ ты святый, со мною въ судъ не вошелъ. Услыши пѣснь благодаренія, которую тебѣ умирая приношу: я очень недостоинъ вѣрности, милосердія твоего, которое ты мнѣ оказывалъ. Я воспѣвая хвалу покланяюсь тебѣ со всѣми небесами, тебѣ исцѣленіе всего свѣта! исполни мое упованіе и благоволи зрѣть моей душѣ твою славу: ты Боже любовь и милость всегда; мой духъ будетъ блаженъ; ибо я его вручаю тебѣ. Всѣми святыми славы окруженъ, безсмертенъ, равно Ангеламъ на тебя буду взирать и жить. А ты мой наилучшій пріятель, которой себѣ славу получаешь, въ смерти будь мнѣ такимъ же, оставайся благополучно! онъ проговоря умираетъ.

Кто имѣетъ высочайшее утѣшеніе? добродѣтельной по разуму, или добродѣтельной по вѣрѣ?

Сей по своей вѣрѣ умираетъ съ смиреннымъ мужествомъ, а оной по своей вѣрѣ съ надеждою и страхомъ вмѣстѣ. Ибо возмущенная совѣсть никогда не можетъ чрезъ разумъ совсѣмъ успокоиться. Чрезъ что мнѣ свѣденіе и слѣдствія злыхъ дѣйствій истребить? чрезъ добрыя? но оныя для того перестаютъ ли быть такими безъ того, и не обязанъ ли къ сему доброму, которое я дѣлаю? и когда я исповѣдую награждающаго Бога, не долженъ ли признавать и наказующаго? развѣ Богъ только есть благость? спокойная совѣсть въ вѣрѣ есть плодъ божественной вѣры, и вмѣненной безконечной правды, которая миръ Богомъ производитъ. Добрую совѣсть по Философіи получаемъ чрезъ нашу добродѣтель; а наилучшая добродѣтель есть весьма несовершенна. Добрая совѣсть по вѣрѣ есть даръ неба, и плодъ священнаго се́рдца. Коль великое есть сіе различіе! сколь оно способно усмирить гордость разума, и Христіанское нравоученіе о́ку разума представить достойнымъ почтенія! изъ сей причинны я различіе его показалъ. Ибо хотя я вамъ о должностяхъ разума предложить намѣренъ: однако никогда не забуду, что я и вы Христіане; и что главная должность разума въ томъ состоитъ, когда непосредственное божественное откровеніе добродѣтели и нашего благополучія, готово оную съ благодарностію почитать и принимать. „Христіанской „вѣры собственное ученіе о отпущеніи нашихъ „грѣховъ ради того, что Іисусъ за насъ „исполнилъ и претерпѣлъ, обѣщаніе всѣхъ отъ „того зависящихъ благодѣяній и низпосланіе божественныхъ силъ къ доброму, есть са́мое сходное съ свойствомъ божественнаго откровенія;

„ съ одной стороны высочайшему владычеству,
„ чести Бога и его высочайшихъ свойствъ, его не
„ пременному правосудію, его неизчерпаемой бла-
„ гости, его не нарушимой святости, совершенное
„ делаетъ удовлетвореніе; а съ другой чрезвы-
„ чайно утверждаетъ истинную добродетель и
„ благочестіе такъ какъ покой нашей совести по-
„ тому что оно совершенной святости, и неусып-
„ ной ревности въ добре требуетъ; однако и при-
„ томъ, наше блаженство не нашимъ деламъ и
„ заслугамъ, но только вере въ Бога Іисуса Христа
„ приписуетъ; намъ свыше естественную помощь
„ и свободное прощеніе ради заслугъ Христовыхъ
„ обещаетъ. Какая вера была, или какую можно
„ вздумать, которая бы превосходнейшее и лучшую
„ связь имеющее наставленіе, о нашемъ блажен-
„ стве подавала „. И враговъ веры, когда они
справедливы, Христіанское нравоученіе, принуж-
даетъ, чтобъ они его одобряли и почитали. Ра-
зумъ конечно есть высокой божественной даръ; и
его искренно употреблять, чтобъ научиться по-
знавать нравственное естество человека, и изъ
его силъ, понятностей, нуждъ и отношеній къ
Богу и нашимъ братьямъ стараться определять,
что мы по его приказанію и изреченію совести
делать или не делать должны, сіе есть важней-
шая должность. Для язычниковъ, кои не имели
непосредственнаго откровенія, и естественный
законъ былъ высочайшимъ закономъ. Но для
Христіанина Философское нравоученіе есть сте-
пень къ нравоученію веры; и въ разсужденіи того
известно, что разумной и чистосердечной Деистъ
имеетъ высочайшую способность быть Христіани-
номъ, самые Апостолы, когда они язычниковъ
обра-

обращали въ Христіанство, свое ученіе, начинали естественнымъ Богопознаніемъ. Кто по ихъ изреченію къ Богу притти, то есть Христіаниномъ быть хочетъ (*), *веровать ему подобаетъ яко есть Богъ и взыскующимъ его мздовоздаятель бываетъ*. Добродѣтельной сотникъ Корнелій боялся Бога по разуму: однако было сіе благочестіе, по объявленіи Христіанской вѣры, не довольно къ его спасенію. Но оно его вело къ вѣрѣ во Искупителя мира и поелику оно было послушаніемъ, которое Богу должно быть пріятнымъ (*). *Поистиннѣ*, сказалъ Апостолъ, *разумѣваю яко не на лица зритъ Богъ, но во всякомъ языцѣ бояйся Бога и дѣлаяй правду пріятенъ ему есть. Кто Бога по предписанію, которое онъ ему далъ, всѣмъ сердцемъ боится и правду дѣлаетъ, есть ему пріятенъ.* Сіе да будетъ нашимъ высочайшимъ правиломъ и всегдашнее исполненіе онаго нашимъ единственнымъ честолюбіемъ! *Богъ всемогущій есть нашъ другъ, въ нашей душѣ обитаетъ миръ; и все имѣющее быть вѣчное состояніе будетъ блаженствомъ*; сіе есть великое и достойное размышленіе разумнаго, которое онъ имѣть, и которое выше нежели стяжаніе всего свѣта почитать долженъ.



(*) Евр. 11. 6.
(*) Дѣян. 10. 34. 35.

ПЯТОЕ УЧЕНІЕ.

Поелику добродѣтель есть путь къ блаженству и въ чемъ состоитъ существо добродѣтели.

Ежели блаженство состоитъ въ наслажденіи высочайшаго и всегда пребывающаго добра, которое человѣкъ вмѣщать можетъ, и въ освобожденіи отъ великихъ и малыхъ золъ, которыхъ отверженіе въ нашей состоитъ силѣ: то все, разумъ, наше сердце и опытъ научаютъ насъ, что добродѣтель есть единственной и безопасной путь къ блаженству; или что имѣть и исполнять добродѣтель есть высочайшая и всегдашняя радость, а великое зло либо отдаляетъ, либо помогаетъ намъ облегчать бремя онаго. О семъ теперь говорить намѣренъ.

Мы разсуждая о себѣ по двумъ частямъ *тѣла души*, различныя можемъ имѣть веселости; мы подвержены различному злу, мы находимъ удовольствіе и болѣзни тѣла, удовольствія воображенія, удовольствія разума, веселости сердца, и неспокойства и попреки онаго. Веселости, кои частію по живности и пребыванію, частію по добротѣ и достоинству весьма различны.

Чувственныя увеселенія, кои происходятъ изъ успокоенія тѣлесныхъ желаній, суть скоропреходящія и купно неблагородныя; ибо мы ихъ имѣемъ со скотами общія. Отъ наслажденія ихъ ничего въ нашей душѣ не остается, о чемъ бы мы съ одобреніемъ разсуждать могли. Великолѣпный обѣдъ не есть мысль, которою нашъ

духъ

духъ на единѣ величается, не есть утѣшеніе, которое нашу душу въ бѣдномъ состояніи веселитъ; увеселенія тѣлесной только любви безъ духа разумнаго дружества и цѣломудреннаго брака, суть яко кратчайшія, и слѣдовательно самыя низкія по ихъ достоинству. Самыя невиннѣйшія увеселенія чувствъ подобны цвѣтамъ; они изчезаютъ какъ скоро ихъ сорвешь.

Мы еще примѣчаемъ, что удовольствія чувствъ въ извѣстной только мѣрѣ употребляемыя съ нашимъ естествомъ сходны, что излишество оныхъ, болѣзнь тѣла, слабости и немощи возбуждаетъ, силы жизненныя истощаетъ, понятности духа ослабляетъ и подавляетъ. Мы примѣчаемъ, что сіи естественныя склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ чрезъ неограниченное удовольствованіе бываютъ безконечными страстьми; кои насъ на подобіе вихря восхищаютъ, разумъ ослѣпляютъ и въ сердцѣ чувствіе честнаго и полезнаго погубляютъ. Мы примѣчаемъ, что желанія происходящія изъ самолюбія, любленія жизни и здоровья, что желаніе славы, могущества и власти, богатства и великолѣпія, покоя и выгодности, ежели они очень пріусугубляются, своей пріятной лишаются стороны, намъ обращаются въ нещастіе, и лихорадкою душй бываютъ, которыя мы малодушіемъ, сластолюбіемъ, сребролюбіемъ, честолюбіемъ, пустотою, лѣностію и глупостію называемъ. И такъ когда мы отъ сего безопасны быть, противъ себя самихъ поступать, и величайшія удовольствія чувственной похоти у насъ отнимать не хотимъ: то первая проистекаетъ должность, себя самихъ, и свои

есте-

естественныя склонности въ ихъ отъ совѣсти и разума предписанныхъ границахъ держать, исполненіе сей должности есть *добродѣтель умѣренности*.

Веселія воображенія, кои намъ предметы естества и художества чрезъ свою пріятность, чрезъ размышленіе о ихъ красотѣ, порядкѣ и различіи, чрезъ наслажденіе глаза или уха подаютъ, суть веселія продолжительнѣйшія нежели чувственныя только. Мы часто можемъ ихъ наслажденіе повторять и безъ отвращенія, и бо́льшую часть нашей жизни онымъ исполнять. Удовольствіе бѣшенаго пьянства, и такой музыки; сколько въ разсужденіи доброты и слѣдствія, между собою различны. И такъ сіи веселія воображенія суть высочайшая степень удовольствія, и нашему духу приличнѣе. Ихъ напоминаніе, когда ужѐ они прошли, оживляетъ сердце еще съ удовольствіемъ. И они суть столь долго хороши, сколь не препятствуютъ въ большемъ намъ благополучіи.

Честь и хвала, поелику они суть плодъ заслуги, приносятъ великое и продолжительное удовольствіе. Богатство и могущество того чрезъ себя не достаютъ, но чрезъ мудрое употребленіе. Въ рукѣ добродѣтельнаго бываютъ они благополучіемъ, въ рукѣ порочнаго злополучіемъ.

Упражненіе и исправленіе силъ духа и разума спосиѣшествуетъ намъ къ новому удовольствію. Мы удивляемся проницающему разуму, и дѣламъ кои онъ производитъ. Почитаемъ неусыпное прилѣжаніе,

лѣжаніе, чѣмъ полезнѣе суть общему добру его вліянія, почитаемъ твердую память, живое остроуміе, великую силу разсужденія въ насъ и другихъ и почитаемъ дѣла, гдѣ находимъ слѣды упражнявшагося духа, съ нашимъ удовольствіемъ. удивляемся проворству тѣла, которое чрезъ прилѣжаніе и правильное упражненіе получается, способности танцовать, бороться, верьхомъ ѣздить. Но когда удивляемся спокойству того человѣка, которой на постелѣ лѣности и нѣжности валяясь свою жизнь въ различныхъ забавахъ препровождаетъ?

Еще высочайшее удовольствіе происходитъ изъ нѣкоторыхъ склонностей и поступокъ, кои съ благосостояніемъ другихъ, какъ причины или дѣйствія имѣютъ отношеніе, чувствуемъ склонность сострадательства къ тѣмъ лицамъ, коихъ видимъ не щасливыхъ; а особливо къ тѣмъ, коихъ любимъ, и безпокойное сладкое желаніе ихъ избавить отъ нещастія. Чувствуемъ удовольствіе въ благополучіи тѣхъ, коихъ любимъ, и желаніе имъ сіе благополучіе хранить. И сіи же общественныя чувствованія естественной склонности сострадательства, дружества и общаго благожелательства суть таковы, кои мы какъ въ насъ такъ въ другихъ, безъ великаго руководства разума, находимъ принужденными себя хвалить и любить. Сіе же удовольствіе, имѣть участіе въ благосостояніи другихъ, ихъ злощастія отвращать; свѣденіе имъ служить и пользу приносить, и сколько можно, сдѣлать ихъ щасливыми, самая мысль, что бы мы того вправду желали, есть благороднѣйшее удовольствіе для духа. Сіи человѣке-

вѣколюбивыя склонности, и изъ нихъ происходящія свободныя дѣйствія, какъ тѣ, чрезъ которыя мы въ состояніи бываемъ другимъ служить, такъ и тѣ, чрезъ кои дѣйствительно имъ служимъ, суть не только благороднѣйшаго, но и продолжительнѣйшаго удовольствія источники. По тому что сіи самыя склонности даже до послѣдней нашей минуты продолжаются, и всегда отъ благосостоянія людей желаемы бываютъ. Мой ближній имѣетъ нужду въ моемъ благоволеніи, въ моихъ безкорыстныхъ стараніяхъ; и ежели отъ сего удерживаюсь, то поступаю противъ конца моего опредѣленія, и чрезъ то похищаю у себя внутреннее удовольствіе, потому что я противъ Божескаго учрежденія естества поступаю какъ такая тварь, которая только бытіе имѣетъ для удовольствованія своихъ страстей. Ежели я питаю склонность недоброхотства и ненависти, то раждается необходимая брань сей страсти съ естественнымъ нравственнымъ чувствіемъ, и слѣдовательно беспокойство и попреканіе совѣсти.

Сія сердцу впечатлѣнная склонность, стараться о благополучіи другихъ, отвращать отъ нихъ бѣдное состояніе, столь много милостей оказывать, сколько можемъ и притомъ безъ собственной корысти, чтобъ получить похвалу отъ нашей совѣсти, и Всевѣдущаго свидѣтеля, сія склонность можетъ названа быть *общимъ благоволенiемъ*, и въ дѣйство произвожденіе оной *добродѣтелію человѣколюбія и правосудія*. Познавать Бога и его не познавать тоже значитъ что его не хотѣть признавать. Познавать Бога, его какъ пресовершенное пресвятое, премудрое, все-

всемогущее и милостивѣйшее существо въ учреждении всего естества, въ толикомъ множествѣ удивительныхъ тварей, въ безчисленныхъ благодѣянiяхъ и расположенiяхъ въ толь многихъ концахъ, и употребленныхъ средствахъ, кои до общаго и особеннаго добра человѣческаго рода касаются, въ способностяхъ нашей души, въ побужденiяхъ нашей совѣсти, въ чудесахъ нашего тѣла и чувствованiи, намъ собственныхъ, его познавать; признавать Бога, Всеправящаго, Всесильнаго, Всеблагаго, въ котораго десницѣ наше высочайшее благополучiе, и наше великоезлощастiе состоитъ; Бога, безъ коего бы мы были ничто, всемогущаго Отца, чрезъ котораго мы всѣ каждую минуту таковы, каковы находимся, которой въ насъ не имѣетъ нужды, которой ничего другаго не хочетъ какъ нашего благополучiя, а иначе онъ не есть Богъ; такого Бога признавать, а не чувствовать склонности, къ глубочайшему поклоненiю и покоренiю ему, его выше всего не почитать и не любить, ему не повиноваться, на него не уповать, его правленiю безъ всякаго выключенiя не хотѣть себя вручать, объ немъ не разсуждать яко о свидѣтелѣ нашихъ намѣренiй, зрителѣ нашихъ дѣйствiй, судiѣ, которой одинъ только награды и наказанiя по праву раздавать можетъ, не хотѣть достойнымъ быть его похвалы; сiе не есть начертанiе разумнаго, сiе есть изображенiе столь покинутаго духа, что разумъ себѣ представить не можетъ, и сердце гнушаться не довольно можетъ. Ни какъ разумной человѣкъ познаваетъ и почитаетъ творца и Бога.

Онъ

Онъ возвышаетъ руки для благодаренія, и хвалитъ того, которой его сотворилъ; Богъ есть наивеличайшій изъ мыслей, кои его изумленнный духъ имѣлъ.

Душа святѣйшія и высочайшія веселія почерпаетъ изъ познанія Бога, и чувствованіи любви, подобострастія, упованія и благодарности. Безъ Бога наше сердце никогда спокойнымъ, и наше благосостояніе никогдя безопаснымъ не бываетъ. Но о его милости извѣстнымъ быть, о его любви, о его всемогущемъ покровительствѣ свѣдушу быть, утѣшать себя упованіемъ на него, какой покой у насъ тамъ недостатокъ имѣть можетъ? Какъ можно вздумать благополучіе сверьхъ сего состоянія духа? Какъ Богъ есть высочайшая мысль, такъ онъ есть и богатѣйшій въ радости и для сердца блаженнѣйшій. ,,Признавать Бога, говоритъ благочестивой сочинитель есть радости ,,начало; Богу покланяться есть радости при- ,,ращеніе; Бога любить, радости совершанная ,,зрѣлость (*),,. Но его признавать и чувствованія души къ нему имѣть, кои сему познанію приличны, и то дѣлать, что сіи чувствованія намъ приказываютъ, сіе есть *поклоненіе Бога, существо и благополучіе игры*, высочайшая добродѣтель, и потому высочайшая степень человѣческаго блаженства.

Въ семъ состояніи духа исполненномъ почтенія къ божеству, и въ милостивыхъ склонностяхъ къ человѣкамъ; въ дѣланіи того, что намъ чрезъ сіи чувствованія похвалено, и слѣдовательно въ господствованіи надъ своими чувственными въ

(*) Смотри юнговыхъ размышленій осмую ночь.

страстьми и нашимъ самолюбіемъ, чтобы мы отъ сего опредѣленія не отдалились, состоитъ вся сила должности и добродѣтели, и слѣдовательно все наше блаженство.

Мы не можемъ всѣ трудности и бѣдствія, кои съ природою сопряжены, отъ себя отдалить; и слѣдовательно не можемъ въ сей жизни быть совершенно благополучны. Мы проходя роды болѣзней тѣла и души, и разсуждая по ихъ великости и продолженію, хотя находимъ, что тѣлесныя болѣзни могутъ быть велики и долговременны; только какъ скоро они перестаютъ, различаются отъ нравственныхъ чрезъ то, что они никакого чувствія зла не оставляютъ. Немощь и недостатокъ, безчестіе и стыдъ суть источники великихъ болѣзней; но только тогда по большей части, когда мы ихъ сами на себя привлекли. Болѣзни сострадательства кои намъ отъ несчастія нами любимыхъ лицъ приключаются, суть хотя очень велики, однако мы, въ разсужденіи божественнаго промысла, которой всегда мудро и милостиво нашу судьбину учреждаетъ къ нашему собственному благополучію и общему добру, имѣемъ сильное средство противъ сихъ болѣзней; и мы находимъ родъ удовольствія въ томъ, чтобъ добровольно имъ себя поручать, потому что они происходятъ изъ благоволенія сердца и любовью растворены. Величайшее и продолжительнѣйшее изъ всѣхъ мученій души есть то, отъ которой добродѣтель по большой части свободна, то есть по моему мнѣнію мученіе совѣсти или мучительныя попреки собственнаго его сердца, вѣдая поступать противъ приказанія естества и Бога. Но

хотя то столь извѣстно, что мы отъ многихъ болѣзней и мучащихъ порицаній совѣсти чрезъ бодрствованія и умѣренность удалиться можемъ: Однако еще остаются злая, кои мы не совсѣмъ истребить, но ихъ впечатлѣніе только ослабить можемъ. Мы-то есть подвержены злу естества, злу собственной нашей вины, злу чрезъ вину другихъ. Наши хорошія намѣренія не всегда удаются; самое лучшее сердце имѣетъ свою слабую сторону, и часто впадаетъ въ пороки, отъ коихъ бы оно могло удаляться, и кои его благополучіе возмущаютъ. Наши пріятели, коихъ мы какъ часть нашего благополучія любимъ страдаютъ, или будутъ у насъ отняты: наше здоровье пропадаетъ, наши имѣнія и богатства часто превращаются въ недостатокъ убожества; наше доброе имя обеществивается; смерть самая приближается къ намъ ежедневно, что должно насъ успокоивать въ сихъ обстоятельствахъ? Великая мысль о Богѣ, нашемъ Создателѣ и содержителѣ, упованіе на Его мудрое и милостивое правленіе нашей судбины, свѣденіе превосходящей любви къ нему и къ добру, и надежда вѣчнаго блаженнаго пребыванія. И такъ хотя мы злая сей жизни совсѣмъ отъ себя никогда не отвращаемъ: однако свою душу можемъ укрѣпить чрезъ покой и постоянство, и чрезъ совершенную преданность въ божескія опредѣленія уменшить вкоренившееся бѣдствіе и сопротивлятся страху. Сія добродѣтель, или высокость души, которая въ жизни и въ смерти столько необходима, происходитъ изъ разсужденія о божеской любви и промыслѣ, изъ свидѣтельства хорошей совѣсти, и изъ твердаго увѣренія о безсмертіи и блаженствѣ

ствѣ нашего духа; по чему *праведный*, съ писанiемъ сказать, *есть яко левъ уповаяй* (*).

Пускай земля и свѣтъ, такъ благочестивой можетъ говорить, пускай подо мною основанiе земли разрушится, Богъ есть, котораго десница меня держитъ.

Сiе есть порядокъ естества, по которому человѣкъ щасливымъ быть можетъ и долженъ. Онъ бываетъ такимъ, когда свои естественныя склонности, кои содержанiю жизни и наслажденiю чувственныхъ веселостей соотвѣтствуютъ, высочайшимъ всегда склонностямъ подвергаетъ, коихъ мета благая жизни. Онъ можетъ и долженъ себя любить, но по нѣкоторому ограничиванiю. Онъ можетъ наслаждаться веселостями чувствъ, но оныя недолжны высочайшiя веселости духа, и покой душевной повреждать. Онъ долженъ быть умѣреннымъ, надъ своими страстьми по приказанiю разума господствовать, свои способности и силы упражнять и исправлять, и врожденнаго человѣколюбiя и любви Бога, яко величайшаго добра искать и вкушать. Какъ скоро мы себя только самолюбiю собственной корысти и чувственности поручаемъ: то слѣдуютъ возмутительныя страсти, и ослѣпленiя разума. Мы теряемъ благородныя склонности сердца къ человѣкамъ и Богу и охоту къ добрымъ дѣйствiямъ. Для удовольствiя чувственныхъ страстей бываемъ ихъ рабы, невольники сластолюбiя, и другихъ безчестныхъ поступокъ и чрезъ то купно раззорители нашего тѣла, для удовольствованiя страстей и послушанiя собственной корысти бываемъ

(*) Притч. 28. 1.

жестоки, подляки, обманщики, насильственники, человѣколюбія враги, для скотскаго похотѣнія чувствъ отрекаемся отъ высочайшихъ веселостей вѣры. Мы отъ своеи души отдаляемъ размышленіе о Богѣ и съ нимъ благороднѣйшія и сладчайшія склонности благочестія, любви и упованія и похищаемъ у себя свѣденіе о Его похвалѣ; поелику то извѣстно, что порочной не можетъ быть счастливымъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе человѣкъ сохраняетъ порядокъ разума и совѣсти; тѣмъ болѣе есть такимъ, чѣмъ онъ быть долженъ, собою довольнымъ и въ себѣ счастливымъ, хотя несовершенно.

Представьте такого человѣка, которой благая жизни по ихъ истинному достоинству почитаетъ и ищетъ, не болѣе желаетъ, какъ въ чемъ нужду имѣетъ, свои страсти по сему правилу учреждаетъ, и другимъ столько добра желаетъ и промышляетъ, сколько онъ можетъ, человѣка, которой о томъ свѣдущъ, что онъ слѣдуетъ разуму и совѣсти, и чрезъ оныя волѣ промысла, человѣка, которой его любовію, его всемогущимъ покровомъ въ сердцѣ утѣшаться, и свою судбину Его премудрости поручать можетъ, такой не будетъ ли столько счастливъ, сколько человѣкъ быть можетъ? Онъ свободенъ отъ мученій сребролюбія, честолюбія, гордости, сластолюбія, зависти, отъ терзающаго страха, отъ мученія памятозлобія и опасностей дерзости. Будетъ ли онъ столь удобно имѣть недостатокъ въ необходимыхъ нуждахъ жизни? нѣтъ, да онъ трудолюбивъ, воздерженъ и доволенъ, скорoль лишится здоровья, плода умѣренности и трудолюбія? раз

въ страсти неопаснѣйшія непріятельницы тѣла и души, да онъ и отъ сихъ свободенъ. Лишится ли онъ почтенія и дружества и помощи человѣческой? тотъ, которой искренно старается естественный законъ любви исполнить чрезъ услужность, вѣрность, совѣтъ, сострадательство и сорадованіе и которой тѣмъ болѣе его исполняетъ, чѣмъ менѣе непорядочному слѣдуетъ самолюбію, развѣ такое сердце не любятъ и не почитаютъ, и съ такимъ человѣкомъ удобно поступятъ не благодарно, не праведно и клеветнически? Но природа рѣдко столь испорчена, и самой порядокъ еще всегда благодѣтельствуетъ постоянной и полезной добродѣтели; и хотя добродѣтельной не всегда безопаснымъ себя дѣлать, не всегда свое внѣшнее благосостояніе хранить можетъ, потому что не всегда онъ болѣзни и немощи отъ себя отвратить, озлобленія или презрѣніе злобныхъ и неразумныхъ отдалить не въ силахъ; однако не можетъ ли онъ свои трудности, и страданіе усладить, и чрезъ покой ихъ тягости уменьшить? сего порочной не можетъ! развѣ размышленіе о томъ, что благочестивой въ своей бѣдности невиноватъ, не сильно его утѣшитъ? не похваляетъ ли его за то собственное сердце, которое его подкрѣпляетъ! и спокойная совѣсть не благополучіе ли, котораго бы онъ не промѣнялъ на свѣтъ? не имѣетъ ли онъ милости и помощи отъ праведныхъ, и ихъ сострадательство не слава ли его? не имѣетъ ли упованіе на Бога, котораго сила и благость неограниченны? мы не прежде счастливы, какъ когда вѣримъ, что никто, и въ лучшихъ обстоятельствахъ, основательно счастливѣе быть не можетъ, какъ мы. И сему не

 мо-

можетъ ли повѣрить добродѣтельной? какъ бы онъ могъ быть счастливѣе, когда онъ сверьхъ покоя сей жизни, еще радостное проницательство въ блаженное безсмертіе предъ собою имѣетъ. Его любовь къ добру, и его упованіе на Бога оставитъ ли въ смерти его, когда онъ худо одѣтъ, умѣренно употребляетъ пищу и отъ похвалителей не прославляется, и когда нибудь уходитъ съ позоришнаго мѣста, для того можетъ ли думать, чтобъ онъ въ великолѣпіи Порфиры на столѣ изобилія и посредѣ похвальныхъ земли восклицаній былъ благоразумнѣе, спокойнѣе и довольнѣе, или бы такимъ больше былъ въ будущей жизни? онъ могъ малымъ себя содержать, и будучи богатъ своимъ изобиліемъ не лучше можетъ свою учреждать жизнь. (*) По-

(*) Ежели всѣ сіи выгоды происходятъ отъ добродѣтели: то она подлинно есть наше высочайшее благополучіе, и когда мы всѣ съ природы незагладимую склонность къ блаженству чувствуемъ, также наша высочайшая и всегда пребывающая должность. Сіе положеніе есть разумно, такъ, что не можно не почесть за истинну, какъ скоро его представишь; и такъ ежели бы сіи основательныя доказательства о красотѣ, превосходствѣ, и пользѣ добродѣтели не довольны были для всегдашней добродѣтели, то бы не далѣе осмѣлились простираться, какъ развѣ чтобъ насъ весьма живо увѣрить въ нашей должности и счастливомъ вліяніи добродѣтели, или познанной и отправляемой должности, сіе увѣреніе всегда хранить въ разумѣ, и чрезъ то не порядочныя, не умѣренныя и привлекающія желанія и страсти укрощать.

Но сколь то жалко, что какъ насъ научаетъ опытъ, мы сіи представленія не всегда живо въ себѣ хранить

Поелику о добродѣтели естества разсуждаютъ яко о свойствѣ души: то она есть чистосердечно и ревностно стараться, всѣ познанные законы естества во всякое время и наилучшимъ образомъ хранить, потому что они суть божественныя учрежденія, и всегда наше и другихъ благополучіе имѣютъ основаніемъ. И такъ все что неведетъ своего нача́ла изъ разумнаго увѣренія и благороднаго чувствованія нашей должности, и изъ конца, сходно съ божественнымъ поступать опредѣленіемъ, не есть собственно для насъ добродѣтель; хотя бы то въ своихъ слѣдствіяхъ намъ или другимъ было еще и полезно. Добродѣтельной

нить и чрезъ оныя въ нашей волѣ дѣйствовать можемъ: слѣдовательно что и самые лучшіе люди никогда столько добродѣтельными не бываютъ, какъ они быть должны, или быть могутъ! Мы гораздо болѣе во многихъ случаяхъ чувствуемъ естественное сопротивленіе добродѣтели и невозможность повиноваться свѣту разума.

Еще: свѣтъ разума еще многими облаками въ разсужденіи нашей должности, и многою неизвѣстностію покровенъ остается. Невѣжество и предразсужденія, кои изъ желаній и страстей раждаются, обманываютъ нашъ разумъ, такъ чтобъ ложно мы разсуждали о томъ, что добро и зло, добродѣтельно и порочно.

Въ откровеніи, какъ въ предъидущихъ ученіяхъ обстоятельнѣе показано, истинны писанія суть высокій и божественный свѣтъ для разума, и божественная сила для се́рдца, они суть какъ врачевство, такъ пища души, и потому покаяніе или божественная чувствъ перемѣна писанія есть единое средство къ истинной добродѣтели, безъ которой мы погибшими вѣчно останемся.

тельной или нравственно хорошей поступокъ всегда предполагаетъ *внутреннюю обязанность* разума и сердца, которую мы *нарочно и самопроизвольно* исполнять должны. Позорищное мѣсто нашихъ склонностей и намѣреній посреди души находится. Мы можемъ также знать, что въ насъ при извѣстныхъ дѣйствіяхъ предходитъ, какъ можемъ чрезъ наше око различить внѣшніе предметы, и ихъ дѣйствія, отъ причинъ мы можемъ то чувствовать, что нибудь само по себѣ хорошее, зная и самопроизвольно изъ увѣренія о его превосходствѣ, изъ почтенія къ божеской волѣ дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ для того желаемъ ли и стараемся дѣлать или нѣтъ. Можемъ быть свѣдущи, наше самолюбіе или радѣніе о пользѣ другихъ; въ печатлѣніе корыстолюбія, или впечатлѣніе божескаго почтенія, желаніе чести есть единственнымъ побужденіемъ нашихъ намѣреній и хорошихъ предпріятій, по крайней мѣрѣ имѣетъ ли главную власть въ нашемъ сердцѣ. Слѣдовательно много можетъ внѣшно чувствовать впечатлѣніе добродѣтели безъ того чтобъ оно имѣло внутренную оныхъ силу.

Хорошо и полезно дѣлать не потому что оно хорошо, но потому только что оно съ нашимъ сложеніемъ, нашимъ воспитаніемъ, введеннымъ обыкновеніемъ и нашимъ чиномъ согласно, не есть для нашего сердца добродѣтель, мы чрезъ то не бываемъ лучшими, благонравнѣе, довольнѣе сами собою, согласнѣе съ божескими намѣреніями, и что есть добродѣтель когда она сего божественнаго не имѣетъ слѣдствія? когда только самолюбіе и собственная корысть къ не-

порочному

порочному принадлежитъ сердцу, какъ можетъ то человѣку причтено быть въ славу? для чего мы скупаго прилѣжанія съ трудомъ и пользою соединеннаго не высокопочитаемъ? для чего тому герою, которой изъ властолюбія щастливѣйшія завоеванія дѣлаетъ и съ невѣроятнымъ трудомъ цѣлую часть свѣта усмиряетъ, не плашимъ своею похвалою.

Божественныя книги о добродѣтели сочинять, чтобъ получить славу превосходнаго писателя; въ своемъ чину хорошо поступать, чтобъ чрезъ то получить еще какую нибудь выгоду; о всякомъ говорить хорошо, чтобъ отъ всякаго похваляему быть, свое имѣніе употреблять на благотворительство, чтобъ получить имя щедраго подателя и благотворительнаго, при великихъ заслугахъ быть кроткимъ, чтобъ свои заслуги сдѣлать еще достойнѣйшими удивленія, оставить мщеніе, для того что малодушенъ, удаляться безпорядка сластолюбія, для того чтобъ избѣжать безчестія слѣдующаго за сластолюбіемъ и добрые нравы любить, потому что живемъ въ такомъ домѣ гдѣ ихъ почитаютъ, законъ своею кровію защищать, потому что въ немъ воспитанъ; услужность и вѣрность соблюдать, потому что они друзей и благодѣтелей возбуждаютъ; вдовъ и сиротъ воспитывать, чтобъ у Бога еще большее получить благословеніе, удаляться честолюбія, потому что любишь спокойно жить, и сребролюбія, потому что любишъ честь, своенравія, потому что оно насъ смѣшными, безчестными, у другихъ ненавистными дѣлаетъ, удаляться пьянства, потому что отъ него смертную получаемъ болѣзнь, и

быть миролюбивымъ, что бы новыхъ не возбудить непріятелей, премногія такія дѣйствія, кои имѣютъ видъ добродѣтели, въ разсужденіи источника, отъ котораго они проистекаютъ, совсемъ не добродѣтель; но дѣйствія наказанія заслуживающія, и ничто иное какъ прикрашенное самолюбіе. Я воспоминаю здѣсь изреченіе Апостолово, которой употребленіе славнѣйшихъ свойствъ, и удивительныхъ дарованій и дѣланіе чего нибудь великаго для пользы другихъ, чему свѣтъ какъ добродѣтели удивляется, объявляетъ бѣдными, потому, что они изъ собственнокорыстныхъ и самолюбивыхъ только намѣреній произшедшія заничто почитаются, *аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими, любве же не имамъ быхъ яко мѣдь звѣнящги или кимвалъ звяцаяй: и аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру яко и горы преставляти, любве же не имамъ ничто же есмь, и аще роздамъ вся имѣнія моя: и аще предамъ тѣло мое во еже сожещи е, любве же не имамъ ни кая польза ми есть* (*). Ни одинъ Философъ на землѣ толь знатно о источникѣ добродѣтели никогда не говорилъ.

Сколь бы часто мы предъ собою и другими страшились, ежели бы на свои нравственныя дѣйствія всегда въ слѣдствіи ихъ концовъ взирали, но Всевидящее око не зритъ ли на нихъ въ семъ свѣтѣ? не говоритъ ли намъ наше чувствованіе, что нагое самолюбіе не есть добродѣтель? Не сказываетъ ли намъ разсужденіе свѣта, како скоро онъ наши подлыя приближающіяся намѣренія примѣчаетъ? кто сомнѣвается внутренно похвалить скромное,

(*) 1 Кор. 13. 12.

скромное, безкорыстное благотворительство, которое не подает съ темъ, чтобъ себя показать, которое изъ желанія чтобъ служить, служитъ потому что оно признаетъ себя къ тому обязаннымъ, потому что однихъ счастливыми сдѣлать а другихъ уменьшить бѣдствіе хочетъ, и кто напротивъ того сомнѣвается, любовь ищущую награды презирать. „Положимъ Слушатели, что вы въ душѣ одного сіе можете читать „намѣреніе: я цѣломудръ, потому что убѣгаю „безчестія, которое бы мнѣ противоположенный „порокъ принесъ"; а въ душѣ другаго: „я цѣломудръ, потому что мнѣ разумъ и совѣсть приказываютъ; хотя бы могъ избѣжать срама, я „хочу быть такимъ, потому что я ничего святѣе и благороднѣе не знаю, какъ божественному повиноваться учрежденію, хотя бы оно „требовало столь многой побѣды"; которую бы душу вы похвалили, и которую объявили добродѣтельною? конечно нравственное чувствованіе рѣдко заблуждаетъ въ своихъ изреченіяхъ, когда мы его чрезъ злую привычку и страсти не сдѣлали пристрастнымъ, оно вопіетъ что добродѣтель не отъ внѣшняго зависитъ дѣйствія; но отъ доброты источника и намѣренія, не отъ труда въ дѣйствіи; но отъ свѣденія божественной обязанности, не отъ сіянія дѣйствія; но склонности, съ которою мы оную предпринимаемъ, и отъ сердца, словомъ отъ послушанія и почитанія воли божества, во власти его со всѣми нашими силами состоимъ; и что дѣйствія, кои ссылаются на нашу пользу, и наше самихъ себя содержаніе, когда они должны быть добродѣтелью, то купно съ намѣреніемъ соединенными

и сво-

и свободными упражненіями высочайшей обязанности, то есть: должны быть послушаніемъ къ Богу. Симъ образомъ наши малѣйшія свободныя дѣйствія могутъ быть дѣломъ добраго сердца и благороднаго послушанія, которое съ расположеніемъ Божіимъ согласно, и для того они въ себѣ суть хороши; ибо неумѣренность только развѣ будетъ тогда не благородна, когда она раждаетъ болѣзнь, нищету и презрѣніе, и тогда благородна, когда сихъ худыхъ дѣйствій не влечетъ за собою? любовь истинны развѣ не бываетъ тогда должностію, когда она меня приводитъ въ ненадоброеисть? или любовь за отечество не есть добродѣтель, когда она у меня стоитъ жизни? развѣ тогда только есть, когда я чрезъ нее достану хвалителей? добродѣтель есть согласіе всѣхъ нашихъ намѣреній, склонностей и предпріятій съ Божескимъ учрежденіемъ, которое всегда на наше благополучіе и пользу нашихъ человѣковъ ссылается. Слѣдовательно сколь склонны быть должны въ ней упражняться, и сколь мы мало склонны, ежели изъ того мы себя искренно искушаемъ? Не видно ли что наши души претерпѣли нѣкоторое повреждение, когда мы отъ природы столь мало охоты и силы къ добродѣтели чувствуемъ, и во многихъ случаяхъ гораздо болѣе поползновенія къ порокамъ? добродѣтель требуетъ размышленія, бдѣнія, ограниченности и умѣренности страстей; а мы сей жертвы удаляемся? это трудно, своимъ приказывать чувствамъ, свои любезныя склонности удерживать, и пріятныя прелести воображенія разсыпать. Добродѣтель требуетъ, чтобы мы свою искушали внутренность, и сіе искущеніе требуетъ старанія, и показываетъ

намъ

намъ пороки, кои мы оставлять должны, и кои однако любимъ, вмѣсто того чтобъ намъ благородныя склонности нашей души питать и изображать, подавляемъ оныя чрезъ чувственныя увеселенія, и ослабляемъ естественное чувствованіе добраго и благороднаго, которое намъ Богъ напечатлѣлъ въ сердцѣ, и пріучаемъ нашъ разумъ къ предразсужденіямъ и ложнымъ представленіямъ о томъ, что есть благополучіе. Добродѣтель требуетъ всегдашняго размышленія о Богѣ, живаго представленія его свойствъ, чтобъ насъ утвердить въ любви добра; но между обоняніемъ чувствъ и воображенія, между ослѣпляющими прелестями чести и богатства, между попеченіемъ суеты и разсѣяніемъ мыслей въ сей жизни, погибаетъ сила нашего духа, представленіе Бога, нашего Отца и Законоположителя, которое должно насъ укрѣплять въ добродѣтели; бываетъ разуму темно и сердцу, которое никакова свидѣтеля не имѣетъ, и весьма желаетъ необязаннымъ быть, трудно; и такимъ образомъ наше всегда болѣе развращается сердце, теряетъ чувствованія поклоненія и любви къ Богу, благоволенія къ другимъ, бываетъ чувственно и порочно, но, Слышатели, ежели нѣтъ другаго пути къ благополучію, какъ путь добродѣтели, сколь бы онъ ни былъ труденъ, такъ напротивъ того путь порока, есть путь къ погибели, и сколь бы онъ ни былъ въ своемъ началѣ пріятенъ.

Хотя путь порока въ началѣ есть широкой путь чрезъ поля; но его продолженіе бываетъ опасностью, его конецъ ночью и страхомъ. Добродѣтели путь въ началѣ крутъ, и ничего на немъ не видно кромѣ труда; однако ведетъ онъ ко спасенію, и наконецъ къ радостному восхищенію.

ВТОРОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О всеобщихъ средствахъ къ достиженію добродѣтели и ко умноженію ея.

ШЕСТОЕ УЧЕНІЕ.

Общее средство къ достиженію добродѣтели и къ умноженію ея служащее.

ПЕРВОЕ И ВТОРОЕ ПРАВИЛО.

Во всякой добродѣтели, какъ мы въ предъидущемъ ученіи сказали, должно быть нѣкоторой побѣдѣ, съ какой бы мы стороны объ ней ни разсуждали, стороны *разума* или *сердца*; а гдѣ она тамъ надлежитъ быть познаніямъ и тонкимъ разсужденіямъ разума, кои туебуютъ труда и внимательности. Она требуетъ чистаго сердца, чтобъ принять сіи тонкія разсужденія, намѣренія и охоты, чтобъ имъ повиноваться; но наша воля съ трудностью повинуется; ежели ея разумъ не увѣряетъ, и наше увѣреніе о нашей должности бываетъ безсильно, ежели мы его часто не возобновляемъ. Мы еще должны нашъ разумъ употреблять не только чтобъ вообще

вообще научиться познавать должность человѣческую; но и чтобъ *всеобщее правило* добра и непорочности вездѣ употреблять на *особенныя случаи* нашей жизни. Наша вся жизнь должна быть добродѣтелью и повиновенiемъ къ нашей должности, когда извѣстно, что въ добродѣтели наше состоитъ благополучiе, слѣдовательно продолжаемое вниманiе разума принадлежитъ къ добродѣтели. А *безпечность* и *невниманiе* суть обыкновенные пороки человѣка; кои его либо въ невѣжествѣ дремать заставляютъ, или его ослѣпляютъ, подлѣ истинны терпѣть заблужденiя, и опасныя воображенiя. Слѣдовательно человѣкъ долженъ приносить добродѣтели драгоцѣнную и многотрудную жертву разума; жалостная истинна! но сiе служенiе бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ чаще его отправляемъ, оно здѣлается прiятнымъ чрезъ самое отправленiе. Радостная истинна!

Наше сердце, или наша воля имѣетъ склонности, страсти и желанiя; кои часто добродѣтели совсѣмъ противны бываютъ, и подавлены быть должны, а другiя; кои отъ разума управляемы, умѣряемы, и учреждаемы быть должны. Многiя суть части насъ самихъ, и отъ нашего самолюбiя, нашей гордости, корыстолюбiя и несправедливыхъ мнѣнiй о томъ, что мы почитаемъ за благополучiе и бѣдность, произошли, сколь трудно сiи укротить страсти, они послѣ всѣхъ побѣдъ, кои мы одерживаемъ надъ ними, никогда совсѣмъ не истребляются, чрезъ многiе предметы чувствъ и производящаго воображенiя опять возбуждаются, и чрезъ удовольствованiе возрастаютъ господствующими обыкновенiями и не спокойными

ными страсти; кои у насъ похищаютъ свободу, слѣдовать свѣту разума, или кои сей свѣтъ потемняютъ, чтобъ онъ не просвѣщалъ. Сила худыхъ примѣровъ (и кто можетъ спорить, что большая часть людей худые подаютъ примѣры)? присовокупляется къ тяжести естественныхъ склонностей, и обезсиливаетъ правило добра, и такъ человѣкъ съ стороны сердца долженъ драгоцѣнную и часто многотрудную жертву приносить добродѣтели; свою чувственность, свою лѣность къ должности, и часто свои любезнѣйшія склонности и удовольствіе, которое ихъ усмиреніе обѣщаетъ ей на жертву приносить. Онъ долженъ насилію чувствъ и насилію примѣра противиться, которой насъ естественнымъ образомъ къ подражанію возбуждаетъ, онъ долженъ надъ самимъ собою господствовать и быть строгимъ закона защитникомъ. Трудное господство! но сіе господство чрезъ упражненіе бываетъ легче, и всегда перемѣняется болѣ и болѣ въ радость и покой. Великая утѣха сердца, которое искренно старается о добродѣтели.

Слѣдовательно какъ мы подъ предводительствомъ *разума* достигаемъ до того, чтобы мы свои должности охотно и твердо исправляли, и научились преодолѣвать препятствія, кои ему въ насъ самихъ и внѣ сопротивляются? какъ получаемъ охоту и силу къ добродѣтели, вкусъ въ ея побужденіяхъ, и отвращеніе отъ ложныхъ сладостей порока? никто не сомнѣвается, что добродѣтель *всегда* продолжать должно; хотя мы не всегда къ тому склонны, одно или нѣкоторыя съ закономъ согласныя, хорошія дѣйствія не суть самое добродѣтельное начертаніе. Никакъ, сіе

начер-

начертаніе есть *всегдашнее*, *живое*, *дѣйствительное намѣреніе*, *непрестанно добрымъ и благочестивымъ быть*, и *такимъ всегда больше быть*, какъ достигаемъ до сей превосходящей склонности души, до непорочности?

Разумъ намъ предлагаетъ всеобщія средства, кои на нравственномъ естествѣ человѣка, и естествѣ добродѣтели основываются. О семъ мы будемъ говорить. Ежели они суть справедливыя слѣдствія изъ основательныхъ положеній разума, и гласа совѣсти: то они *божественныя средства*, кои мы употреблять обязаны, когда мы въ правду помышляемъ о добродѣтели и блаженствѣ, главнѣйшія изъ сихъ средствъ съ стороны разума и сердца суть слѣдующія: „Вопервыхъ „ясное убѣдительное и совершенное познаніе нашихъ должностей, кое мы всегда продолжать, „возобновлять, и отъ заблужденій предохранять, „на жизнь и упражненіе употреблять и со всегдашнимъ искушеніемъ нашего сердца и жизни „соединять должны: размышленіе о Богѣ, или „тщательное разсужденіе о Его свойствахъ и „совершенствахъ, кои суть величайшимъ побужденіемъ къ добродѣтели. (Сіе разсужденіе „есть руководство къ молитвѣ, или уже сама „ступень къ оной), познаніе насъ самихъ, или „человѣковъ, которыми мы окружены: прилежное „разсматриваніе свѣта, въ которомъ мы живемъ, „конца, для котораго живемъ и вѣчности, въ которую мы чрезъ сію жизнь входимъ: частое „пробужденіе совѣсти, или нравственнаго чувствія, „то есть естественнаго чувствованія о красотѣ „добра, и гнусности порока: обхожденіе съ добро-

„ родѣтельными людьми и чтеніе хорошихъ со-
„ чиненій для разума и се́рдца: наконецъ прилѣ-
„ жное и искренное изслѣдованіе и искушеніе, Богъ,
„ кромѣ свѣта разума, не послалъ ли еще ближай-
„ шее откровеніе своей воли и пути къ нашему
„ блаженству? сказываютъ намъ, что такое от-
„ кровеніе находится, и слѣдовательно оно есть
„ наша высочайшая должность, основанія ея боже-
„ ственности изслѣдывать, и имъ, и тогда,
„ хотя мы ихъ вѣроятными только находимъ,
„ наше всегда согласіе подавать и послушаніе ока-
„ зывать: однако нѣчего опасатся, какъ скоро
„ безъ пристрастно оное искушать станешь„.

О сихъ средствахъ намѣренъ я обстоятельнѣе говорить и оныя въ нѣкоторыхъ ученіяхъ въ особенныхъ предложить пра́вилахъ, вѣра похваляетъ и предписываетъ сіи средства, по елику она справедливое употребленіе разума и совѣсти предписываетъ; но притомъ она насъ научаетъ, что естественное только познаніе нашихъ должностей не довольно къ истинной добродѣтели; еще болѣе, что человѣческое только познаніе и истиннъ откровенія не довольно къ оной; но что высочайшее увѣреніе дѣйствуемое духомъ Божіимъ, нашъ разумъ просвѣтить, и наше сердце освятить должно, и что мы безъ сей помощи ни охоты, ни силы къ добру не имѣемъ, что *Богъ* въ насъ *есть дѣйствуяй и еже хотѣти, и еже дѣяти* *) чрезъ слово истинны, когда мы только ему вѣрить и повиноватся хотимъ. Онъ научаетъ насъ, что мы при изслѣдованіи, разсматриваніи и употребленіи

(*) Филип. 2. 13.

бленіи божественныхъ истиннъ, о сей высочайшей помощи, яко о величайшемъ добрѣ человѣческой душѝ въ смиреніи просить, и объ оной увѣренными во всѣхъ случаяхъ быть должны, *аще убо вы зли суще умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ, иже съ небесе дастъ духа Святаго просящимъ у него* (*).

Сіе есть основательная истинна Христіанскаго нравоученія, и чрезъ самое то естественная только добродѣтель безконечно различается отъ добродѣтели вѣры; и хотя Философское единственно познаніе нашихъ должностей есть хорошо: однако Христіанину, по изреченію священнаго писанія, извѣстно, что человѣкъ *совсѣмъ перемѣниться* долженъ, когда ему добродѣтельнымъ, блаженнымъ, и богуподобнымъ и пріятнымъ быть должно. Средство сея перемѣны называется *покаяніемъ*. Оно есть дѣйствіе божественной благодати въ растлѣнной человѣка душѣ, чрезъ которую препятствія дѣлающія насъ къ добру и добродѣтели неспособными истребляются, и силы къ тому ниспосылаются, сколько слабость нашего естества дозволяетъ. Когда между тѣмъ съ нами вѣра, яко разумными тварями поступаетъ: то она употребленіе естественныхъ вспомогательныхъ средствъ къ добродѣтели столь мало исключаетъ, что она лучше его къ оной требуетъ. Слѣдовательно наша есть должность объ оныхъ пещися. Наконецъ ежели мы съ разумомъ, которой просвѣщенъ чрезъ истинны вѣры, послѣдуемъ добродѣтели, его

(*) *Лук.* 11. 13.

должностямъ, намѣреніямъ, средствамъ и препятствіямъ: то всеконечно можемъ открывать много полезнаго, чего не можно опровергнуть. И такъ дозвольте намъ главнѣйшія изъ сихъ естественныхъ средствъ въ нѣкоторыхъ предложить правилахъ.

Первое правило. *Старайтеся достигнуть яснаго, основательнаго и совершеннаго познанія о своихъ должностяхъ.*

Къ *ясному* и *основательному* проницанію въ должности принадлежатъ справедливыя понятія, сильныя доказательства и побужденія. Ежели я не знаю, сколько я долженъ; ежели я добродѣтель и порокъ болѣе по имени, нежели по ихъ естеству и знакамъ познаваю; ежели я ложныя понятія, кои наше воображеніе, наше сердце всего гнушающееся, что на его склонности узы налагаетъ, въ разсужденіи должности и добродѣтели обыкновенно изображаетъ; ежели я сіи понятія не умѣю опровергать; ежели мой разумъ о красотѣ и превосходствѣ закона добродѣтели не увѣренъ; какъ могу возбудить въ себѣ намѣреніе, чтобъ оной исполнять, и моему сердцу пріобрѣсть силу, которая нужна для исполненія? И такъ *часто* представляйте свои должности съ ихъ *причинами*, и въ ихъ *высокомъ достоинствѣ*, то есть: старайтеся себя живо увѣрить, что оныя на вѣчной святой волѣ божества основаны, и сколь превосходно оныя съ нашимъ естествомъ, съ нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ благополучіемъ и съ благосостояніемъ цѣлаго рода человѣческаго согласны.

Чтобъ

Чтобъ поступать по сему правилу, пріимите *склонности* и *должности* къ *Начальнику нашея жизни*, и разсуждайте объ нихъ съ ихъ основаніями и причинами. Трудно ли будетъ сіи основанія найти? развѣ они въ Богѣ и въ насъ самихъ не содержатся? для чего я долженъ имѣть чувствованія подобострастія, любви, упованія, благодарности къ божеству? Развѣ это трудно открыть? кто есть Богъ? кто есть человѣкъ? чтобы человѣкъ былъ безъ Бога? кто есть Источникъ нашего бытія и нашего сохраненія? не обрѣтаемъ ли естественнаго прекословія въ нашемъ сердцѣ, непочитать Бога? не носимъ ли въ нашихъ душахъ чувствія, которое склонности почтенія къ Богу похваляетъ? и не принуждены ли мы отъ того человѣка имѣть отвращеніе, который кажется оныя попралъ? и не чувствуемъ ли мы напротивъ того, что сіи чувствованія съ естественнымъ стремленіемъ къ спокойствію и блаженству весьма согласны и суть укрѣпляющая пища для сего желанія?

Къ такому изслѣдыванію ничего почти не требуется, какъ искренности и тишины страстей. Въ семъ случаѣ разумъ просвѣщается отъ совѣсти и увѣренія разума о необходимости и святости закона, дѣйствуетъ обратно въ совѣсти. Оба взываютъ къ намъ:

Человѣкъ, которой Бога оставляетъ унижаетъ свою судьбину; кто отдаляется отъ добродѣтели, тотъ отдаляется отъ своего счастія.

Симъ же путемъ можемъ достигнуть и до увѣренія о внутреннемъ превосходствѣ и свято-

сти должностей къ другимъ и къ себѣ самимъ. И такъ для чего никого я вредить не долженъ, а столь многихъ пользовать, сколько я могу? за чемъ я долженъ быть свободнымъ отъ ненависти, зависти, насилія, любоимѣнія, честолюбія, клеветы, презрѣнія и малопочитанія другихъ; для чего быть справедливымъ, человѣколюбивымъ, благотворительнымъ, сострадательнымъ, благодарнымъ, миролюбивымъ? потому что совершенство нашей души и благосостояніе человѣческаго рода, которой Бога хочетъ и хотѣть долженъ, сіе приказываетъ; потому что я во внутренности своей души чувствую себя принужденнымъ, хорошія склонности къ пользѣ другихъ и такіе дѣйствія, кои отъ того раждаются, похвалять, а противнаго сему отвращаться; потому что я познаю, что свѣтъ былъ бы небомъ, ежели бы мы всегда поступали по сему учрежденію, и что онъ былъ бы пустынею, исполненною бѣдствія и мученія, естьли бы каждой предпринималъ преступать сей законъ естества.

О ежели бы всѣ люди почитали за честь, склонность другихъ обрадовать, за нѣжность и любовь! какое было бы благополучіе быть человѣкомъ! ежели бы они другъ друга съ радостію лобызали, а пронырствомъ никогда необманывали, чрезъ зависть и памятозлобіе никогда не были безобразны; ежели бы никогда другихъ слезъ не проливали, какъ только тѣхъ, кои происходятъ изъ любви и благодарности, сколь бы тогда свѣтъ былъ божественъ.

Для чего долженъ я быть умѣреннымъ, цѣломудреннымъ, трудолюбивымъ, довольнымъ, постояннымъ, терпѣливымъ? Богъ хочетъ того,

потому что Онъ Богъ есть, потому что Онъ хочетъ моего благополучія, потому что спокойство душй, благосостояніе моей жизни, сохраненіе моего здоровья, благополучіе моего ближняго; и слѣдовательно мое все опредѣленіе; къ которому меня десница Божія произвела, которому я изъ любви повиноваться обязанъ, безъ сихъ склонностей и ихъ упражненій стоя́ть не могутъ.

И такъ къ увѣренію нашей должности принадлежитъ познаніе, что оно есть воля божества, воля вѣчная, непремѣнная, премудрая и отеческая, которой воли предметъ есть мое и всѣхъ разумныхъ благополучіе; познаніе, что я, сколь часто отъ какого познаннаго закона добродѣтели отдаляюсь, хорошую склонность, кою я чувствую, подавляю, не позволенное, кое я чувствовалъ, яко непозволеннымъ, довольствую: что я, говорю, тогда возстаю противъ Бога и самъ себѣ бываю врагомъ.

Къ *совершенному* напослѣдокъ познанію принадлежитъ, чтобы мы свои должности въ ихъ *цѣломъ пространствѣ*, и въ ихъ *связи между собою* разсматривали, чтобы мы всѣ наши поступки, какъ они чрезъ всю нашу жизнь и всѣ ея обстоятельства распространяться должны; научались познавать, чтобы мы особенныя должности и ихъ различныя роды, кои изъ общей должности, подобно какъ различныя вѣтьви, сучьки, цвѣты и плоды изъ кореня плодоноснаго дерева произрастаютъ, познавать и на жизнь употреблять научились, законъ хотя повелѣваетъ или запрещаетъ: однако извѣстно, что гдѣ намъ разумъ

одинъ родъ порока запрещаетъ, должны и всѣ роды къ тому причислять; кои съ нимъ сопряжены, и что гдѣ онъ намъ одинъ родъ добродѣтели предписываетъ, и всѣ роды къ тому причислять должны, кои со онымъ одинакаго рода, легко можно сіе объяснить чрезъ примѣры. Мы нѣкоторыя изберемъ.

Я не долженъ, такъ говоритъ мнѣ разумъ, быть неумѣреннымъ. Но бываю ли я такимъ тогда, когда я свое тѣло столь многою пищею и питіемъ отягощаю, что оно получаетъ боль? Развѣ нѣтъ того, когда я чрезъ то свой духъ подавляю, и себя дѣлаю неспособнымъ къ дѣламъ. Излишество во снѣ, во увеселеніяхъ, въ попеченіяхъ о чести, или богатствѣ, не также ли не умѣренность; да и самое излишество въ трудахъ?

Я не долженъ свое имѣніе расточать. Но случается ли то, когда я его на роскошь и на великолѣпія употребляю? не могу ли я его чрезъ лѣность и безпечность также промотать? не могу ли я его употребить на излишной покой, не то же ли мотовство, когда деньгами похвалу лицемѣра покупаю, или честь, что я самой лучшей держу столъ, самыя богатыя ношу платья, или имя щедраго; развѣ только злоупотребленія имѣнія мотовство, а незлоупотребленіе времени? и могу ли я время расточать безъ того, чтобъ при томъ употреблять нѣкоторыя силы души и тѣла безполезно и вредно?

Разумъ сказываетъ мнѣ: уповай на Бога! Онъ есть совершенство, у него есть помощь; безъ

Него

Него ты ничто. Слѣдовательно только ли то говоритъ, чтобъ я свое упованіе на помощь великаго человѣка не возлагалъ, Его, яко своего Бога, не почиталъ? не могу ли я такъ же излишное возлагать упованіе на любовь пріятеля и пріятельницы, на свои деньги, на свое состояніе, на свою красоту, на способность, на свой великой разумъ, на свое знаніе въ свѣтскихъ дѣлахъ, на свою честь у людей, на свое доброе сердце?

Я не долженъ быть неправосуденъ. Слѣдовательно, довольно ли того, когда я никому насилія не причиняю? не находятся ли еще скрытнѣйшія обиды? когда я изъ зависти, сребролюбія, честолюбія всякія къ себѣ привлекаю средства, чрезъ кои бы мою нужду имѣющей могъ себя содержать; сіе развѣ не обида? ежели я его нечувствительно оставляю въ скудости, хотя я гораздо болѣе имѣю, нежели сколько надобно; ежели я его оставляю въ недостаткахъ, потому что ему стыдно меня попросить; ежели я его чрезъ обѣщанія моей помощи, или чрезъ отказаніе въ оной хитро принуждаю, чтобъ онъ часть своихъ трудовъ, или своего нужнаго имѣнія мнѣ отдалъ; ежели я нѣкоторое имѣніе, или заслуги отъ него съ тѣмъ, чтобъ ему отслуживать, получаю, а того не дѣлаю; публичныя награды общества, для которыхъ я трудиться долженъ, пріемлю, а нетружусь, сіе не обида ли?

Только ли я несправедливъ, когда другихъ имѣніе изтощеваю? А тогда нѣтъ, когда я его здоровье чрезъ неумѣренную службу погубляю и его покой чрезъ гордую суровость возмущаю? Только

ли, когда я его имя порочу? а тогда нѣтъ, когда оное не защищаю, хотя я могъ? Только ли обида, когда я лишаю его пріятеля, его жены, его сына, а то не обида, когда я похищаю у него его добродѣтель, его хорошую совѣсть; когда его въ заблужденія низвергаю, когда чрезъ свой примѣръ, чрезъ свое ученіе лишаю его познанія истинны и чувствованія добра, любви къ высочайшему существу и къ другимъ? Сіе есть ли высочайшее благополучіе?

Милостивъ ли ужѐ я, когда другихъ кормлю и одѣваю? развѣ мой ближній только тѣло имѣетъ? о содержаній ли только его жизни долженъ я пещися, развѣ его заблужденія, его непозволенныя склонности, суть мѣньшее бѣдствіе, нежели недостатокъ въ пи́щи? Слѣдовательно не имѣетъ ли онъ нужды въ моемъ наставленіи, въ моемъ увѣщаніи, моемъ совѣтѣ, въ промышленіи хорошихъ случаевъ, чтобъ упражняться въ полезномъ, убѣгать праздности и чрезъ трудъ доставать свой собственной хлѣбъ? Не нуженъ ли ему мой примѣръ въ добромъ?

Лицы, которыхъ по́мощи одолженъ, тѣ ли только, кои со мною чрезъ кровь, или чрезъ званіе и родъ жизни и склонности сопряжены? а не каждой человѣкъ, и тотъ, которой ни́же, или выше меня въ многихъ случаяхъ мой ближней? развѣ ему преимущественныя дарованія имѣть должно, когда я ему служить долженъ? а самой простѣйшей еще не такъ же ли человѣкъ? онъ ли только долженъ меня чрезъ свою наружность, чрезъ свой видъ къ сострадательству и по́мощи при-

призывать? а тогда и не моя должность ему служить, когда его наружность не нравится, развѣ тѣмъ я не такъ обязанъ служить, кои противны мнѣ? Не долженъ ли я желать и стараться, чтобъ всѣ люди такъ счастливы были, какъ они по Божеской волѣ такими быть могутъ?

Кто *одну только должность* добродѣтели познавать и исправлять не хочетъ, тотъ не искренной, тотъ не болѣе хочетъ быть добродѣтельнымъ, какъ его естественная склонность дозволяетъ.

Еще должно увѣрену быть, что съ каждымъ порокомъ не только всѣ его роды, но и *пожделѣнія* запрещаются, изъ коихъ они проистекаютъ; что съ каждою добродѣтелію не только всѣ роды предписываются, но и *хорошія склонности*, яко *источники*, отъ коихъ оныя происходятъ. Еще болѣе, все то запрещено, что къ *первому* можетъ *подать случай*, все то приказано, что другому *споспѣшествовать* можетъ. Какое пространство должностей!

Къ пространству нашихъ должностей еще принадлежатъ всѣ тѣ должности, кои мы въ разныхъ лѣтахъ, званіяхъ, отношеніяхъ и приключеніяхъ сея жизни наблюдать должны. Нѣтъ возраста, званія, рода жизни безъ добродѣтели. Въ семъ разумѣ имѣютъ отрокъ, юноша, мужъ и старикъ, высокой и низкой, богатой и бѣдной, здоровой и больной, счастливой и несчастливой, мужъ и жена, отецъ и сынъ, братъ и другъ, благодѣтель и должникъ, мудрой и простой, свои

особен-

особенныя должности. Сіи должны мы изыскивать, и сія понятность, которую мы чрезъ изслѣдованіе оныхъ доказываемъ, есть самая первая должность.

Ежели добродѣтель должна быть добро, то должна всегда быть такимъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни быть онымъ Симъ образомъ можемъ мы или по крайней мѣрѣ всегда должны были бы быть добродѣтельны и посредніи дѣйствія дѣлать добродѣтелію.

Свою показывать важность, которую намъ подаетъ чинъ, не есть добродѣтель; но то дѣлать потому что есть наша должность, потому что мы стараемся сохранить благосостояніе другихъ и порядокъ свѣта: потому что мы божеской волѣ повиноваться хотимъ: то можетъ быть добродѣтелію. Увеселеніе имѣть, не есть добродѣтель само по себѣ; но оное имѣть, чтобъ себя развеселить, новыя силы для труда собрать, другихъ купно съ собою обрадовать, потому что и радость есть наша должность; то можетъ быть добродѣтелію. Вамъ преподавать правоученіе, не есть само по себѣ добродѣтель: положимъ, что я бы дѣлалъ то изъ суеты, славолюбія, собственной корысти, чтобъ доказать свое проницаніе, свою добродѣтель, то бы сіе не было добродѣтелію. Но то можетъ быть добродѣтелію, когда я то дѣлаю изъ склонности къ вашему благополучію, изъ желанія, свою исполнить должность, и изъ почтенія къ тому, которой правоученіе въ нашемъ впечатлѣлъ сердцѣ.

Тщатель-

Тщательно продолжай старание свою познавать должность и снисканное познание предохраняй отъ заблужденій. Второе правило.

Мы не вдругъ достигаемъ увѣрительнаго и совершеннаго познанія о нашихъ должностяхъ; слѣдовательно должны всегда его продолжать. Мы не безъ труда и напряженія разума сіе получаемъ: слѣдовательно сего старанія страшиться не должны.

Положимъ, что мы пріобрѣли справедливѣйшія понятія о должностяхъ, совершенно спознались съ естествомъ добродѣтелей и пороковъ, познали опредѣлять ихъ начертанія и границы, познали основанія, на коихъ оныя положены и въ состояніи были различныя должности изъ нихъ доказать и ихъ между собою въ цѣлое зданіе привесть, гдѣ каждая часть свое надлежащее занимала мѣсто; и однакожъ до сей способности достигаемъ по степенямъ, а не скоро: однако мы никогда вѣрно себѣ обѣщать не можемъ, чтобы нашъ разумъ пребывалъ въ невозмущенномъ и неповрежденномъ стяжаніи сего познанія, и слѣдовательно и то обѣщать не можемъ, чтобы мы внутренное увѣреніе о необходимости и превосходствѣ добродѣтели всегда имѣли. Премногія вещи возмущаютъ, или ослабляютъ увѣреніе разума, кое мы пріобрѣли; слѣдовательно должны, хотябъ не могли избѣжать сихъ самыхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ ихъ впечатлѣнію сопротивляться. Но и между невинными и нужными упражненіями жизни часть увѣренія пропадаетъ, которое мы снискали о достоинствѣ добродѣтели. Яснѣйшія понятія мало помалу пога-

погасаютъ, новымъ представленіямъ уступаютъ, и заблужденія вступаютъ на мѣсто истинны; слѣдовательно мы должны свое познаніе *часто позобноплять и очищать*.

Наши желанія, съ нашими должностями, очень часто бываютъ не согласны: мы чувствуемъ насиліе, которое сами себѣ причинить должны, и желали бы безъ онаго обойтися. Склонности пробужаютъ и призываютъ насъ чрезъ свои пріятности, когда мы о томъ нимало не думаемъ. Отвращаемся правда имъ скоро повиноваться, разумъ показываетъ ихъ намъ, яко непозволенными, сердце яко пріятными, не возможно ли найти средство, разумъ и сердце соединить безъ того, чтобы оба лишились своего пра́ва? и здѣсь ужѐ маленькое облако помрачаетъ наше познаніе. Противъ нашей должности не хотимъ поступать никакъ! Между тѣмъ оставляемъ изображеніе нашей должности хранить въ нашей душѣ, неповрежденно допускаемъ, чтобъ нѣкоторыя главныя черты онаго стерлись, или непримѣтно нѣкоторыя прибавляемъ, кои кажутся симъ быть приличны, т. е. мы принимаемъ заблужденія, кои въ нѣдрахъ нашихъ страстей раждаются, и чрезъ пріятныя впечатленія чувствъ питаются. Сіи заблужденія соединяемъ мы съ понятіями нашей должности, сколько можемъ. Къ несчастію мы часто ихъ не видимъ, потому что мы ихъ видѣть не хотимъ. Примѣры другихъ людей одобряютъ то, чего мы тайно, яко позволеннаго желаемъ; и сіи примѣры суть опасныя доказательства для насъ. Между тѣмъ утѣшаемъ себя, что мы дѣлаемъ непримѣтно невѣрными быть добро-

добродѣтели, не хотимъ малыя выключенія, *сперва* погрѣшаемъ *не безъ стыда, потомъ смѣлѣе.*

Такъ мы иногда цѣлые дни, иногда мѣсяцы, иногда, можетъ быть, большую часть жизни препровождаемъ, то въ крѣпости, то въ слабости, то въ увѣреніи, то не въ увѣреніи.

На примѣръ удовольствіе вкуса и пріятныхъ чувствованій само въ себѣ чрезъ разумъ позволено, но излишество запрещено; а наша бы естественная склонность, никакихъ границъ не желала. Сколь долго мы справедливое изображеніе о умѣренности и ея превосходствѣ хранить будемъ, то въ наслажденіи кушанья и напитковъ не будемъ безпорядочны. Но къ сему изображенію прилагайте нѣкоторыя ложныя черты, или взирайте на него съ одной стороны, или размышленію о превосходствѣ умѣренности противополагайте пріятныя чувствованія вкусу; и ужѐ ясное познаніе, которое мы прежде о томъ снискали, помрачается.

Что значитъ быть умѣреннымъ? Не болѣе принимать пищи какъ слабое употребленіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ дозволяетъ. Можно ли сіе понятіе имѣть чистосердечно; и такъ легко упиваться виномъ, которое къ должностямъ неспособнымъ а ко многимъ дурачествамъ способнымъ дѣлаетъ? Никакъ, но умѣренность столь совершенно опредѣлить не можно. Сію на зло употребляетъ Кратиппъ, которой желалъ бы послѣдовать своему вкусу; но не противъ своего проницанія поступать. Какъ сему статься? Онъ теперь разсждаетъ о добродѣтели умѣренности съ стороны

толь-

только тѣла. Онъ могъ на пр. сносить столько напитковъ, однако не сдѣлался больнымъ, но напротивъ того здоровъ; и такъ онъ умѣренъ, когда онъ ежедневно не болѣе, какъ сію мѣру вина употребляетъ. Силы его души получаютъ ли препятствіе, или въ слабость приходятъ и къ труду неспособнѣе становятся, его склонность къ добру не засыпаетъ ли мало помалу; сіи деньги не лучше ли могъ употребить, по сему правилу онъ не измѣряетъ теперь свою умѣренность. Подлинно безчестно, говоритъ онъ, пить и лишаться своего разума, но то я на себя и не попущу. Онъ въ слѣдующей день сидитъ съ пріятелемъ между всякими пріятными разговорами и одушевленіями дружества шутокъ: вино его болѣе возбуждаетъ, нежели какъ обыкновенно оживляется его охота. Тайно размышляетъ о умѣренности, онъ ищетъ ея изображенія; но найти его не можетъ. А нѣтъ, онъ находитъ его въ перемѣнившемся видѣ; она приняла странныя черты. Неумѣрену быть въ винѣ, значитъ теперь по Кратиппову нравоученію, возамѣриться не прежде отъ вина отходить, пока лишимся своихъ чувствъ и своего разума. Ктобы хотѣлъ быть такимъ чудовищемъ? Никакъ, но съ своими пріятелями можно наслаждаться веселостями жизни и съ ними оныя раздѣлять. Вино есть даръ провидѣнія; свой разумъ чрезъ вино заглушать, сіе было бы нѣчто ужасное; и такимъ образомъ сей Ораторъ между впереніемъ своей охоты, по которой онъ свой разумъ учреждаетъ, сего дня напивается такъ, чтобъ лишиться своего разума.

Всѣ мы знаемъ что стремленіе къ чему нибудь чрезъ частое удовольствованіе умножается

и

и что равновѣсіе разума и воли чрезъ страсти уничтожается, и такъ положите, что мы часто между ложными представленіями разума нашимъ слѣдуемъ склонностямъ: то это неудивительно, когда мы либо въ разумѣ ложныя понятія о добродѣтели производимъ, или когда ему страсть препятствуетъ намъ показывать нашу должность и красоту: добродѣтели никто не бываетъ *порутъ самой порочной*; но мало по малу приходитъ въ нещастіе, чтобъ погубить свѣтъ и проницаніе въ законъ разума и тонкое чувствіе благороднаго и неблагороднаго.

При томъ нѣтъ злой склонности, которую мы довольствуемъ и дѣлаемъ господствующею привычкою, которая бы не пріобщала другихъ непозволенныхъ склонностей. Симъ образомъ мы мало по малу опустошаемъ сердце и раззоряемъ цѣлое зданіе всѣхъ должностей; между тѣмъ ласкательствуемъ себѣ, что мы одной только предались глупости; а напротивъ того многія добродѣтели въ себѣ считаемъ.

Правда, разсуждаетъ Клеонъ, которой съ природы склоненъ къ сластолюбію, могъ бы я сію страсть болѣе ограничить; но она мнѣ ни здорову быть, ни упражняться въ дѣлахъ, ни быть услужну и благотворительну, ни честное имѣть имя не препятствуетъ; слѣдовательно я еще не порочень.

Какое ложное понятіе о сластолюбіи имѣетъ Клеонъ? но положьте только, что онъ оное безъ пороковъ удовольствовать не можетъ: то онъ и въ сіи впадаетъ. Онъ такъ же будетъ себѣ, ла-

скать, что это не пороки: Онъ сдѣлается расто-
чителемъ, или скупымъ, когда то прикажетъ ро-
скошь; онъ сдѣлается жестокимъ и неправосуд-
нымъ, клеветникомъ, тайнымъ воромъ; потому
что его главная склонность повелѣваетъ такимъ
быть.

Такъ склонность къ пороку, къ которой мы,
зная прилѣпились, цѣлое добродѣтели основанiе
разрушитъ и познанiе о нашихъ должностяхъ,
хотя оно хорошо въ началѣ было, помрачить и по-
вредить можетъ. И какой человѣкъ бываетъ безъ
лютой склонности? какъ убо мы при толь мно-
гихъ нападенiяхъ страстей, при внѣшнихъ иску-
шенiяхъ можемъ вѣрно и живо въ себѣ сохранить
изображенiе о красотѣ и превосходствѣ добродѣ-
тели, когда мы оное не всегда въ своемъ разумѣ
возобновляемъ, стершiяся черты не прилагаемъ,
и заглаженныя опять не приписываемъ, не всегда
наше наблюденiе распространяемъ, наше увѣренiе
чрезъ основанiя возбуждаемъ и утверждаемъ, дѣ-
лаемъ ли мы сiе всякой день? Мы помнимъ имя
часто какого нибудь дѣла, имя добродѣтели и
должности: мы называемъ ихъ, и разсуждаемъ
собственно только о звонѣ слова, а не о понятiи;
думаемъ, что мы на пр. разсуждали о умѣренно-
сти, потому что мы разсуждали о ея имени, или
темномъ представленiи оной.

Мы можемъ еще *основанiя* добродѣтели,
главное побужденiе, что она есть божеская воля,
изъ мысли истребить. *Внутреняя* добродѣтели
доброта состоитъ въ томъ, что она есть воля
Творца, которой никогда иначе быть не можетъ
для

для насъ какъ добромъ. Однако добродѣтели и пороки свои такъ же имѣютъ естественныя слѣдствія награды, или наказанія. Еще находится склонность къ нѣкоторымъ добродѣтелямъ, и отвращеніе отъ нѣкоторыхъ пороковъ, которые не отъ свободнаго опредѣленія нашей души, но отъ нашего сложенія, или отъ счастливой привычки, за которую мы одолжены нашему воспитанію, происходятъ. Ежели мы только для сихъ причинъ или на сей конецъ дѣлаемъ добро, или зла удаляемся только для того, что сіе споспѣшествуетъ здоровью, жизнь, доброе имя и внѣшнее благополучіе сохраняетъ; что оная добродѣтель намъ механическимъ образомъ легка бываетъ, или сей порокъ намъ съ природы противенъ: то не должны мы удивляться, когда ложныя представленія о добродѣтели въ себѣ производимъ безъ того, чтобъ мы того хотѣли, или о томъ помышляли.

Представьте себѣ Слушатели! сіе понятіе о собственномъ концѣ добродѣтели, чтобы вы объ немъ тѣмъ живѣе и дѣйствительнѣе разсудили въ нѣкоторыхъ начертаніяхъ и примѣрахъ.

Клеантъ есть благотворителенъ, не изъ человѣколюбія; о сей благородной склонности не имѣетъ свѣденія. Онъ съ охотою подаетъ потому, что онъ съ природы нѣженъ и чувствителенъ и тайную чувствуетъ болѣзнь, когда онъ видитъ бѣдность, и слышитъ жалобу: онъ не думаетъ о благотворительствѣ, когда ему нечувствіе видимаго бѣдствія о томъ напоминаетъ: его благотворительство, можетъ ли быть добродѣтелію? развѣ оно есть съ намѣреніемъ сдѣланное свободное

отправленіе познанной и чувствуемой должности, къ которой онъ изъ послушанія къ Богу обязан-нымъ себя почитаетъ? Она ему столько естествен-на, какъ сонъ? Онъ собственно не служитъ дру-гимъ, ни своей должности, но только своей крови сложенію. Можетъ ли его за то наградить его со-вѣсть и благость Божія? для самой малой вещи, сдѣлался ли онъ благороднѣйшимъ въ разсужденіи сéрдца, когда онъ сіе дѣйствіе неоднократно учи-нилъ? Оно ему можетъ быть легче, другимъ по-лезно; и только я между тѣмъ не хощу защи-щать, что мы о себѣ въ каждомъ особенномъ слу-чаѣ добраго конца всегда ясное должны были имѣть свѣденіе, но что онъ истинно въ насъ быть долженъ и дѣйствующимъ быть долженъ.

Дорида отъ цѣломудренныхъ произошла ро-дителей, и между примѣрами непорочности взро-сла, она съ младыхъ лѣтъ получила отвращеніе отъ всѣхъ законовъ безстыдства. Она подражала любви своей достойной матери, и заблаговре-менно научилась, что женщина чрезъ благонравіе и стыдливость надежднѣйшимъ образомъ можетъ притти въ почтеніе и любовь: она тщательно предостерегала себя отъ опаснаго обхожденія, и противъ всѣхъ хитростей прельщенія искусна и примѣчательна сдѣлалась. Она уклоняется вся-каго подозрительнаго и безстыднаго наряда; ибо онъ не благопристоенъ. Она при каждомъ дво-якаго знаменованія словѣ краснѣетъ; ибо въ сво-емъ домѣ никогда не слыхала, чтобы кто гово-рилъ неблагонравно: она не чувствуетъ склон-ности порока, которой непорочность истребляетъ; ибо она привыкла сей порокъ почитать за самое без-

безчестное своему роду, за крайнее безславіе своей фамиліи и своему имени, за вѣчное помѣшательство будущему супружеству. Дорида, когда она ничто болѣе есть, вЪ самомЪ ли дѣлѣ цѣломудренна? Сія ея добродѣтель не болѣе ли происходитЪ отЪ воспитанія, нежели отЪ свободнаго старанія? Она не есть ли не искусно обученное естество, которое такую походку имѣетЪ, вЪ которой сЪ младыхЪ лѣтЪ его повадили? Ето есть для нея счастіе, воспитану быть сЪ такимЪ попеченіемЪ; но ея сердце собственно сію добродѣтель не сдѣлало дѣйствительно своею, но только чрезЪ подражаніе приняло наружно, ежели она любитЪ непорочность не за тѣмЪ, что ея со увѣреніемЪ признаетЪ за *божественное украшеніе* души, что она обязанность кЪ тому вЪ своей совѣсти примѣчаетЪ: то хотя она имѣетЪ видЪ цѣломудрія, однако не душу онаго. Дорида пускай отвѣдаетЪ, и чистосердечно скажетЪ свѣту, за чѣмЪ она цѣломудренна; но свѣтЪ ея добродѣтели не будетЪ почитать за высоко, и ея за столь же естественную почитать, какЪ ея пріятной голосЪ кЪ пѣнію, кЪ которому она чрезЪ искусство заблаговременно привыкла. Я не хочу тѣмЪ опровергать, что изЪ сей воспитанія добродѣтели, можетЪ быть собственная, и что наружныя побужденія могутЪ быть руководствомЪ кЪ добродѣтели, хотя они добродѣтели не оживляютЪ.

АристЪ ненавидитЪ сребролюбія, потому, что онЪ легкомысленЪ и весьма любитЪ бесѣду. ОнЪ лучше помышляетЪ о наслажденіи увеселенія, нежели чтобЪ онЪ помышлялЪ о трудѣ собранія. ОнЪ

Онъ не можетъ понимать, какъ можно быть сребролюбивымъ, потому, что ето подлинно тоже, какъ когда нарочно намѣреваются, предъ всѣмъ свѣтомъ смѣшнымъ, и въ бесѣдахъ ненавидимымъ, и своимъ собственнымъ воромъ дѣлаться. Онъ съ природы щедроподателенъ, а его братъ Дамонъ скупъ. Весь свѣтъ ненавидитъ Дамона, а хвалитъ Аристову щедрость. Въ самомъ дѣлѣ сей не столько добродѣтеленъ, какъ онъ; но его страсть есть лучше и выгоднѣе для свѣта, предъ разумомъ, напротивъ того не есть добродѣтель. Сей жадничаетъ удовольствія и знатности, а оной средствъ ко удовольствію и знатности служащихъ. Пускай избираетъ Аристъ лучше незнатно и не славно, подать сто рублей для воспитанія сироты, или ихъ на гостопріимство своихъ пріятелей употребить; и истинной образъ его сердца скоро измѣнится. Но онъ дѣйствительно щедроподатливъ и услужливъ, конечно потому, что онъ деньги за ничто почитаетъ. Онъ лучше отдаетъ нѣсколько рублей съ радостію, чтобъ кому нибудь услужить, нежели чтобъ онъ часъ потерялъ безъ своихъ удовольствій, или его употребилъ на поданіе хорошаго совѣта, о которомъ у него несчастный проситъ. И такъ что онъ всегда не скупъ; то ето по природѣ, что онъ всегда щедръ, такъ же по природѣ. Его склонность къ увеселенію не терпитъ скупости, и приказываетъ ему быть щедрымъ. Развѣ чувствительность есть источникъ добродѣтели?

Дамисъ воздерженъ въ пищѣ и питьѣ, умѣренъ въ удовольствіяхъ и во снѣ; но онъ такимъ за тѣмъ, что онъ деньги весьма, здоровье и

жизнь

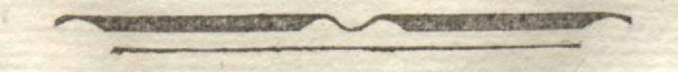
жизнь выше всего любитЪ. ОнЪ бы пересталЪ быть умѣреннымЪ, ежели бы его желудокЪ лучше варилЪ, вино дешевлѣ было, и болѣзнь можно было откупать. ОнЪ не теряетЪ времени за столомЪ; ибо сидѣніе здоровью вредно. Но онЪ сЪ радостію теряетЪ время вЪ гуляніи и вЪ ѣздѣ; ибо сіе почитаетЪ онЪ здоровымЪ: онЪ бережется отЪ гнѣва и умѣряетЪ его; потому что во спламеняетЪ кровь; но веселію, происходящему отЪ несчастія другихЪ, позволяетЪ, потому, что за онымЪ никакая не слѣдуетЪ болѣзнь. ОнЪ не говоритЪ ни окомЪ худо, потому, что онЪ боязливЪ и убѣгаетЪ наказанія; но онЪ сЪ охотою слышитЪ ругающихся порокамЪ человѣческимЪ, чтобЪ смѣяться; ибо смѣхЪ споспѣшествуетЪ здоровью: онЪ презираетЪ чинЪ, титлу и славу; ибо онЪ хочетЪ жить спокойно, и свою жизнь не прекратитЪ чрезЪ честолюбіе. ДамисЪ при семЪ родѣ жизни почитаетЪ себя другомЪ умѣренности; и вЪ самомЪ дѣлѣ причиняетЪ себѣ великое насиліе, и хранитЪ продолжаемую строгость вЪ разсужденіи себя. Но кто повѣритЪ, что его умѣренность есть добродѣтель, развѣ самЪ онЪ, которой того желаетЪ, и тѣ, кои не знаютЪ источника его умѣренности? Деньги, здоровье и жизнь, суть его добродѣтель и его высочайшее добро; но долженЪ ли онЪ здоровЪ быть и долго жить, только для того, чтобЪ здорову быть и долго пожить, и не должны ли здоровье и жизнь имѣть свои высочайшие концы? Для чего онЪ неумѣренЪ, за тѣмЪ, чтобЪ быть господиномЪ надЪ своимЪ духомЪ полезнымЪ употребленіемЪ своихЪ силЪ и своего времени для пользы свѣта, и для споспѣшествованія своего собственнаго и-

стиннаго благополучія изъ послушанія къ Божеской волѣ?

Саркастъ съ невѣроятною прилѣжностію отправляетъ свой торгъ; но онъ отправляетъ его только за тѣмъ, чтобъ своимъ дѣтямъ оставить богатство, и для своего дому снискать высокой чинъ. Онъ не употребляетъ непозволенныя средства; сіе бы ослабило его довѣренность, а благословенію неба было препятствіемъ. Онъ строго наблюдаетъ вѣрность, бдитъ и размышляетъ, когда другія спятъ, и кушаетъ очень умѣренно, чтобъ нелѣностно во своемъ кабинетѣ можно было трудиться. Онъ и позволенныхъ удовольствій отрекается, чтобъ не отпустить случая къ законной прибыли. Свѣтъ прославляетъ его, яко примѣръ трудолюбиваго и совѣстнаго человѣка, которой своимъ удовольствіемъ и своею жизнію, жертвуетъ своей должности. Но какой законъ разума говоритъ, чтобъ онъ торгъ отправлялъ толь тщательно за тѣмъ, чтобъ своихъ дѣтей сдѣлать богатыми и знатными? Развѣ доброе воспитаніе не болѣе, нежели богатство? а сего онъ имъ не подаетъ, развѣ тщательное управленіе своего дома не превосходнѣйшая должность, нежели чтобъ собирать для него богатство? развѣ душа его на концѣ жизни, когда она пятнатцать лѣтъ изъ сего подлаго конца съ жестокостію на себя трудъ налагала: лучше и благороднѣе, нежели въ началѣ? Всѣ старанія свѣта на себя принять, чтобъ оставить дѣтей богатыми и знатными можетъ естественною любовію, пустою, а не добродѣтелію называться.

Для того же, что мы себя, и что до насъ касается, столько любимъ, сколь легко повреждаемъ понятія добродѣтели: все дѣлая добродѣтелію, что намъ позволенная приноситъ выгода, или что насъ сохраняетъ отъ урона здравія, чести, благополучія и жизни; слѣдовательно мы часто служимъ только своимъ страстямъ, когда думаемъ служить добродѣтели: мы бываемъ другими людьми, но ничемъ не лучше, ничемъ не благочестивѣе.

И потому, кто хочетъ увѣренъ быть о красотѣ добродѣтели, долженъ ея *знать*, долженъ свою должность *на святой и непремѣнной волѣ Божіей основать*, объ оной по сей *разсуждать*, иначе во многихъ случаяхъ себя не преодолѣетъ, или по крайней мѣрѣ видъ только добродѣтели имѣть будетъ: онъ свое увѣреніе *часто и всякой день* чрезъ тихое размышленіе, и чрезъ упражненіе въ добрѣ возобновлять и укрѣплять, и свое познаніе отъ заблужденій *очищать*, кои не примѣтно прилѣпляются къ истиннѣ. Симъ образомъ познаніе разумному будетъ легко; но невнимательной и ругатель, которой труда бѣгаетъ только легко непостоянно и рѣдко о премудрости размышляетъ, *ищай премудрости не обрѣтаетъ ея* (*).



(*) Притч. Сол. 14 6.

СЕДЬМОЕ УЧЕНІЕ.

Общее средство къ достиженію добродѣтели и умноженію ея.

Третіе и четвертое правило.

Позвольте, Слушатели, мнѣ въ обьясненіи общихъ средствъ, чрезъ кои добродѣтель можетъ достигаема, сохраняема и умножаема быть, далѣе простираться. Первое правило было: *снискивай себѣ ясное, совершенное и убѣдительное познаніе твоихъ должностей и ихъ превосходства. Второе*, слѣдствіе перваго, *тщательно продолжай сіе познаніе* и *предохраняй его отъ заблужденій.* Но какая бы недостаточная и праздная наука была познаніе нашихъ должностей, ежели бы мы ея болѣе въ разумѣ разсматривать, и себя лучше ея изображеніемъ увеселять, нежели ея исполнять хотѣли?

Третіе правило.

слѣдовательно *употребляй* и сіе есть третіе правило, третіе правило, которое я теперь обьяснить намѣренъ, *употребляй всегда познаніе твоихъ должностей, на твое сердце и на жизнь предуготовляй себя къ каждому дню мудро, и прилѣжно искушай себя при концѣ онаго.*

Пускай наше познаніе добра будетъ справедливо и совершенно, сколько можно, однако оно всегда будетъ оставаться безплодымъ, ежели мы объ немъ нечасто, не каждой день, не въ тоже самое время, когда того требуютъ обстоятельства, напоминать станемъ мы часто на единѣ въ нашихъ покояхъ, во время разсужденія бываемъ мудры, доброжелательны, совершенно увѣрены, но взираніе на свѣтъ, вступленіе въ бесѣды,

слу-

случай ко искушенію, нечаянное воскипѣніе нашихъ желаній, не большая выгода, коя насъ приманиваетъ, удовольствіе, которое намъ воображеніе съ своими прелестными цвѣтами представляетъ, ничего нестоющая вещь, дѣлаетъ насъ не рѣдко неразумными, и прельщаетъ насъ, чтобы противъ прежняго своего увѣренія поступали. Мы теперь правила добра не болѣе видимъ, или по крайней мѣрѣ только темно. Наше твердое намѣреніе колеблется; и какоежъ иначе можно изобрѣсть средство, которое бы насъ въ наблюденіи нашихъ должностей утвердить и наше намѣреніе сильнымъ сохранить могло, какъ не представленіе о *святости* и *преимуществѣ* нашей должности и воспоминаніе оной въ случаяхъ, какія бываютъ? Но то было бы поздо, ежели бы хотѣли добродѣтелію вооружиться тогда только, когда уже опасность наступила: слѣдовательно каждой день; и прежде нежели вступишь въ различныя и перемѣняющіяся явленія жизни, снова представляй свою должность въ ея важности и невредимости, со всѣмъ ея впеченіемъ въ наше благополучіе. Пріобучайся, ни одного дня, которой всегда съ новыми перемѣнами показывается, и для насъ есть новая жизнь; не начинать безъ такого разсужденія, и въ его теченіи ни одной важной ступени не проходить, безъ того, чтобъ не спрашивать самаго себя: „ чего требуетъ отъ тебя „ твоя должность и блаженная воля Божія? твердо ли въ томъ ты стоишь, чтобъ оную и сего дня съ охотою и радостію исполнять? ничто не сдѣлаетъ тебя колеблющимся въ твоемъ „ намѣреніи? какіе случаи, поступать благородно, „ или неблагородно, хорошо, или глупо, могутъ съ

„ тобою

„тобою гдѣ нибудь встрѣчаться, и какъ при томъ поступать станешь„?

Потомъ *повседневное искушеніе* себя самихъ есть необходимое средство къ добродѣтели, кто не дѣлаетъ пороковъ, и кто не зная ихъ отвергнетъ, и кто не изслѣдовавъ чистосердечно ихъ познаетъ? Сіе дѣло трудно, но для приращенія въ добрѣ есть нужно, и оно нашъ трудъ награждаетъ славными выгодами. Къ сему искушенію требуется нѣкоторой покой души, и нарочитая постоянность. Отдаляйте свои дѣла и другія разсѣянія мыслей и приказывайте своимъ молчать желаніямъ, помышляйте по прошествіи дня, можетъ быть на своей постелѣ, какъ Сократъ имѣлъ обыкновеніе о своихъ дѣйствіяхъ, о намѣреніяхъ, кои вы при нихъ имѣли, о чувствованіяхъ, коими наше сердце въ день трогаемо было. Разсуждайте о своихъ преступленіяхъ, случаяхъ къ онымъ, о слабомъ или сильномъ сопротивленіи, которое мы притомъ имѣли, чтобъ преодолѣть. Чувствуйте безразсудное въ своихъ рѣчахъ и дѣлахъ, корыстолюбивое безчестное или ничтожное въ своихъ склонностяхъ и намѣреніяхъ. Представляйте при своихъ порокахъ и преступленіяхъ кои примѣтите, въ теченіе, которое они на наше сердце, на нашъ покой, въ разсужденіи благодати и любви безконечнаго, коихъ мы чрезъ оное сдѣлались недостойными въ теченіе, которое они на наше здоровье, на наше хорошее имя, и наше внѣшнее благополучіе, чрезъ уронъ, которой они за собою влекутъ, имѣли или по крайней мѣрѣ имѣть могутъ; несчастливое втеченіе, которое они на нашихъ друзей, или вообще на другихъ имѣть могутъ.

При-

Примѣчайте такъ же свой хорошей поступокъ, чувствуйте благородное и ободряющее онаго, радуйтеся въ кротости и благодарности предъ Богомъ, о своей побѣдѣ надъ самимъ собою, надъ препятствіями добродѣтели, и чрезъ то укрѣпляйте любовь къ непорочности и отвращенію отъ зла.

Сенека ужѐ познал важность сего добродѣтели средства. „Должно, говоритъ онъ, каждой „день требовать у себя самихъ отчету. Сіе „дѣлалъ Секстій, *какое зло ты сего дня отпергнулъ? какому пороку сопротивился? въ чемъ ты сдѣлался лучшимъ?* Такъ спрашивалъ своего сéрдца при концѣ каждаго дня, что можетъ быть лучше сей привычки, чтобъ каждой „день такое дѣлать искушеніе? Я слѣдую сему „правилу, и каждой день самъ себѣ даю отчетъ: „когда наступитъ ночь, то всю жизнь прошедшаго дня мысленно пересматриваю; я искушаю „всѣ свои дѣйствія и рѣчи, ничего отъ себя не „скрываю, ничего не опускаю„. Сіе языческій Философъ почелъ за должность, кольми паче христіанскій, что почитать долженъ за оную!

Сіе чистосердечное и ежедневное искушеніе откроетъ наши *главныя склонности и слабую сторону*, на которой мы по большей части, должны утверждаться. Оно научитъ насъ познавать *случаи*, кои намъ весьма опасны, и *средства*, кои мы особенно употреблять должны, чтобъ утвердить себя въ своей должности. Великая выгода! конечно безъ сего продолжаемаго искушенія на пути добродѣтели будемъ только весьма мед-

литель-

лительно шествовать; ибо, то есть *премудрость разумнаго*, что онъ всегда свой разумѣетъ путь, какъ говоритъ Соломонъ (*).

Изъяснимъ сіе правило ежедневнаго прилѣжнаго предуготовленія къ своей жизни, и искушеніе самаго себя чрезъ примѣръ Ореста любви достойнаго и мудраго юноши, котораго упражненіе есть достиженіе наукъ и хорошихъ нравовъ. Онъ имѣлъ счастливое воспитаніе и заблаговременно осмѣлился самимъ собою управлять. Его разумъ хорошо наставленъ, и еще его сердце свободно отъ безпорядковъ. Онъ впадаетъ въ пороки, и знаетъ ихъ и исправляетъ ихъ. Онъ строгъ въ разсужденіи себя и притомъ наслаждается многими веселостями. Онъ отважепъ безъ того, чтобъ ему распутнымъ быть. Онъ любитъ бесѣду, однако же тщательной хранитель своего времени и своего имѣнія.

Дамонъ спрашиваетъ его, какъ бы онъ могъ себя содержать въ семъ порядкѣ. Орестъ отвѣчаетъ ему по большей части чрезъ то, что я каждой день начинаю *съ Богомъ*, чтобъ отъ Него не удалиться и сіе предложеніе часто возобновляю, сколько возможно исполняю, и когда я противъ того поступилъ, въ томъ съ трудностію себѣ прощаю.

Заблаговременно продолжаетъ онъ, какъ скоро я должности благоволенія и молитвы исполнилъ и Бога о премудрости и благодати попросилъ: потомъ

(*) Притч. 14. 8.

томъ разсуждаю о себѣ, о дѣлахъ, приключеніяхъ, бесѣдахъ, искушеніяхъ, кои меня подлинно или вѣроятно ожидаютъ. Къ сей добродѣтели, ежели она добродѣтель, пріобучилъ меня первой предводитель, какъ скоро могъ помышлять. Не начинай, сказалъ сей человѣколюбивый искусный мужъ.

1) *Ни одного дня безъ того, чтобы тамъ прежде не представить свои дѣла.* Прилѣжаніе есть не только ваша должность, но и ваше счастіе; дѣлайте его себѣ чрезъ исполненіе пріятною необходимостію, и чрезъ конецъ добродѣтелію. *Учитесь*, чтобъ дѣлаться непорочнымъ и полезнымъ человѣкомъ, и радуйтесь, что вы имѣете къ тому способносты, и что ваше благополучіе съ вашимъ прилѣжаніемъ соединено. Вы теперь еще не имѣете чина, но чинъ молодаго человѣка есть предъуготовить себя къ будущему чину. Тщательное употребленіе времени, случая, силъ своей души и своего тѣла, то есть вашъ чинъ, важной чинъ, которой на васъ Богъ чрезъ разумъ ужѐ наложилъ, пребывайте въ немъ вѣрно и ревностно, и будьте спокойны, когда вы сіе свидѣтельство себѣ вечеру подать можете. Положимъ, что ваше прилѣжаніе и не всегда удачно; положимъ, что вы не столь много природной остроты, или успѣха въ наукахъ имѣете, сколько вашъ пріятель. Ваше прилѣжаніе должно не только васъ ученымъ, но и терпѣливымъ, трудолюбивымъ, совѣстнымъ, веселымъ юношею, когда нибудь такимъ же мужемъ, такимъ же старикомъ дѣлать и васъ отъ всѣхъ опасностей лѣности и порока удерживать. Такимъ образомъ

Орестъ

Орестъ заблаговременно, разсудите сами съ собою, и подите съ сими мыслями должности, какъ съ своимъ хранителемъ къ своимъ трудамъ.

2) Продолжалъ онъ, *разсуждайте о увеселенiяхъ, кои насъ въ день ожидаютъ.* Скажите сами къ себѣ? буду ли я ими умѣренно наслаждаться такъ, чтобы чрезъ оныя новыя собрать силы? буду ли ими я наслаждаться съ благодарностiю? буду ль я радоваться, чтобъ оныя можно было другимъ сообщить? удержусь ли я, когда меня вкусъ въ чувственныхъ вещахъ поведетъ къ беспорядку, какъ я стану наслаждаться счастiемъ обхожденiя и дружества? наложу ли оковы на свое легкомыслiе въ рѣчи? моя шутка же будетъ ли не складна? стану ли говорить, какъ честной и совѣстной мужъ, что я думаю и буду ли скроменъ и чистосердеченъ?

3) *Какъ я при малыхъ и великихъ искушенiяхъ, кои со мною встрѣтиться могутъ, поступать буду?* Я очень люблю нравиться, куплю ли сiе счастiе сегодня чрезъ ласкательство, я люблю насмѣхаться. Не причиню ли себѣ сего дня насилiя? можетъ быть мнѣ возвѣстятъ о благополучiи другаго; буду ли довольно великодушенъ, чтобъ о томъ радоваться, довольно благороденъ, чтобъ ему въ томъ не завидовать. Хотя я и знаю, что онъ мой непрiятель? я иногда чувствую тяжелой и грубой нравъ? не буду ли я ему сопротивляться? Какъ стерплю пороки другихъ? такъ же ли какъ я желаю, чтобъ они мой терпѣли? легко гнѣвъ мною вла-

владѣешъ въ обхожденіи, сей порокъ себѣ столь мало хочу дозволить какъ и духъ корыстолюбія, буду ли подлѣ другаго пола веселиться невинно его обхожденіемъ, красотою, остротою, и не приму ли собою склонности, въ которой я бы не признался почтеннѣйшему мужу.

4) *Могутъ со мною встрѣчаться скухи и несчастія. Ужè ли я вооружаюсь съ начáла дня бодростію, кротостію, врученіемъ чертежу мудраго провидѣнія?* Я человѣкъ сотворенъ къ вѣчности; Богъ есть властелинъ моихъ дней, можетъ быть ея мѣтà близка; но долженъ ли я трепетать? Никакъ, сколь долго я справедливо поступаю, смерть есть мое благополучіе и жизнь моя радость. Можетъ быть пріятель озлобляетъ меня чрезъ свою слабость, буду ли ему уступать? можетъ быть терплю я попрекъ на мое хорошее имя! это конечно меня печалитъ; но благополучія довольно, когда я того не достоинъ, можетъ быть претерпѣваю уронъ въ своемъ здоровьѣ! стану ли свое спокойство отъ того происходящее умѣрить?

5) *О чемъ я буду помышлять во время уединенія?* Можетъ быть о побужденіяхъ къ должности, которая мнѣ трудна бываетъ? о вѣрѣ, которая сердце утверждаетъ и возвышаетъ? о хорошемъ мѣстѣ изъ стихотворца, или ветія, которой къ благочестію, къ человѣколюбію, къ бодрости противъ порока возбуждаетъ? Не протечетъ ли тихая минута для меня, когда я о естествѣ, о чудесахъ земли

 и неба,

и неба, и о различныхъ дарахъ Бога съ благодарностію разсуждаю, слѣды его сохраняющаго провидѣнія примѣчаю, и съ живымъ представленіемъ о смерти, судѣ и вѣчности для своей мудрости и покоя размышляю? Развѣ я не буду помышлять о томъ, чтобъ каждаго чрезъ совѣтъ и предстательство, или по крайней мѣрѣ чрезъ сострадательство сдѣлать счастливымъ? Стану ли строго о томъ напоминать, что добродѣтель есть величайшей даръ неба и мое благополучіе; что она и тамъ не горестна, гдѣ она требуетъ труда?

Сими размышленіями, сказалъ мой предводитель, кои вы распространять, или сокращать можете, начинайте каждой день своего юношества, и вы отъ многихъ искушеній безопасны и къ своей должности способны будете. Сему правилу, сказалъ онъ, я самъ съ моихъ младыхъ лѣтъ даже до старости слѣдовалъ; и это слава Богу! такъ удалось, что мои пороки меня осторожнымъ и смиреннымъ, а мой успѣхъ въ премудрости и добродѣтели бодрымъ и твердымъ сдѣлали, по крайней мѣрѣ могу я васъ увѣрить, что я никакіе дни своея жизни спокойнѣе не воспоминаю, какъ тѣ, кои я съ такимъ размышленіемъ начиналъ, и окончить старался. Такимъ образомъ путешественникъ, когда онъ къ вершинѣ горы, которой достигнуть желаетъ, всегда болѣе приближается, съ радостію взираетъ на преодолѣнныя трудности, и получаетъ бодрость преодолѣть новыя; ибо на высотѣ счастіе его ожидаетъ.

Сей

Сей мой предводитель, присовокупляетъ молодый Орестъ столь дружески со мною обходился, что онъ либо мои пороки снисходительно открывалъ, когда онъ ихъ примѣтилъ, или старался милостиво меня приводить къ тому, чтобъ я самъ ввечеру въ оныхъ признался. Я для своей естественной живности особенно подверженъ былъ тѣмъ склонностямъ, кои *моей непорочности опасными* быть казались. Я открывалъ ему свои слабости, и просилъ его помощи. Онъ часто обнималъ меня ради моего чистосердечія. О! говорилъ онъ: не унывай? Вы не погрѣшите покуду бдѣть будете надъ своимъ сердцемъ. Развѣ это вамъ не пріятно, что вы сего дня получили побѣду надъ своими склонностями? Не противны ли непозволенныя желанія, кои вы чувствовали? не съ ужасомъ ли бы вы пошли на свою постѣлю, ежели бы свою добродѣтель обезчестили? Разсуждайте теперь о семъ, чувствуйте свое благополучіе, благодарите Бога, когда вы въ своемъ покоѣ, и просите Его еще о помощи, на пути добродѣтели. Я имѣю столь много желанія васъ сохранить и о вашемъ благополучіи стараться, а Богъ, которой есть любовь, развѣ не столь милостивъ, какъ человѣкъ? развѣ не безконечно болѣе всѣхъ помощь подаетъ?

Употребляйте всѣ человѣческія средства, *прилѣжность* въ дѣлахъ и *умѣренность*, сопротивляйтесь первому чувствію склонности; сопротивляйтесь первому воображенію и удаляйтесь опаснаго уединенія, которое сей образъ оканчиваетъ. Будьте *стыдливы* не только въ бесѣдѣ; но и въ обхожденіи *съ однимъ собою*, стыдли-

вость есть охранительница, которую намъ провидѣніе въ сердце вложило для сохраненія непорочности. Мы бы безъ сего стража почти не могли сопротивляться сластолюбію, которое столь многую имѣетъ прелесть. Не прогоняйте сего ангела изъ своей души, онъ помогаетъ вамъ побѣждать. Хотя вы столь благородны, что вы чрезъ такія размышленія: сластолюбіе можетъ мое здоровье повредить, меня мучить и гнусности тѣла готовить! должны были себя удержать; однако же никогда не забывайте трагическаго примѣра тѣхъ, кои на стези сластолюбія къ безвременной и ужасной смерти ускорили. Я знаю то, любезный Орестъ сколь трудны сіи жертвы добродѣтили, прелестнѣйшія склонности естества утушить. О это болѣе, нежели города приступомъ взять и войска разбить! но разсуждайте, что невинныя веселости любви вамъ не запрещены; но только необузданныя; вы не должны быть безчувственны: вы радости, любви и дружества должны впредь ожидать въ объятіи какой дорогой и васъ любящей супруги, и тѣмъ счастливѣйшимъ быть мужемъ, чѣмъ вы непорочнѣе были юношею. Скажите мнѣ все, какъ своему лучшему другу; но такъ же слѣдуйте мнѣ, какъ своему искреннему другу. Никогда не бывайте неосторожны; ибо тотъ вопервыхъ погрѣшаетъ, кто такъ гордъ, что онъ уже всю довѣренность имѣетъ къ своей добродѣтели.

Когда сія сторона ваша есть слабая сторона: то входъ въ нее каждымъ утромъ укрѣпляйте особенно. Вѣра любезный Орестъ, имѣетъ силу, которой весь разумъ не имѣетъ. Когда вы по

утру

утру читаете С писаніе, и нѣкоторое изреченіе васъ трогаетъ отмѣнно: тогда вкореняйте его въ вашей памяти, и дѣлайте оное чрезъ весь день божественнымъ оружіемъ. Положимъ, что вы въ исторіи Іосифа читали слова: *како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (*)? то употребляйте оныя на себя: и я дѣйствительно не сдѣлалъ бы сего зла, ежели бы я хотѣлъ повиноваться своему пристрастію? Положилъ что вы читали мѣсто: *яко по высотѣ небеснѣй отъ земли утвердилъ есть Господь милость свою на боящихся его* (**). То говорите сами себѣ: слѣдовательно покуда я Бога боюся, то и имѣю то, что болѣе есть, нежели небо и земля, милость и благоволеніе безконечно, въ чемъ все состоитъ благополучіе. Сколь долго я его боюсь, то я ничего не боюсь; и кто Бога не боится, то долженъ всего бояться. Ну же! я хощу свою совѣсть и въ сей день тщательно хранить. Богъ неба и земли, Отецъ всѣхъ духовъ утверждаетъ на мнѣ свою милость.

Величественныя размышленія не для всего ли свѣта подаю?

Никогда не забывайте превосходную **молитву Сирахову**: Го́споди и Отче живота моего не-даждь возношенія очима моима и вожделѣніе отврати отъ мене; чрева похоть и блудодѣянія да не обымутъ мя, и безстудней души не предаждь мене (***).

(*) 1 Моис. 39. 9.
(**) Псал. 103. 11.
(***) Сир. 23. 4. 5. 6.

Держите при себѣ, когда къ тому довольно времени получить можете, дневную записку надъ своимъ собственнымъ сердцемъ, или по крайней мѣрѣ учините однажды въ недѣлю точное изслѣдыванiе вашего поступка, не умалчивайте ни одного порока, ни одной непозволенной склонности, ни одной неблагодарной мысли. Примѣчайте случаи къ порокамъ, побѣды надъ собою самими, свои хорошiя шествiя на пути добродѣтели; и сiе дѣлайте не яко предъ моими очами; но яко предъ очами всевѣдущаго. Вы преткнетеся можетъ быть, чего не даруй Боже! впадете въ явной *безпорядокъ*; но вы вскорѣ опять отъ вашего паденiя возстанете съ раскаянiемъ и стыдомъ. Богъ прощаетъ вамъ безконечно болѣе, нежели я; но онъ прощаетъ намъ, чтобы мы его боялись, его заповѣди яко заповѣди благополучiя хранили. Онъ намъ добродѣтель даровалъ не для мученiя; но для покоя, для радости любезный мой Орестъ: онъ имѣетъ обѣщанiе сея и будущiя жизни полезное для всѣхъ вещей въ бѣдствiи для утѣшенiя, въ счастiи для предосторожности, въ смерти для покоя; будьте мужественны! напоминайте въ каждой день своея жизни о кратчайшемъ и безопаснѣйшемъ нравоученiи: *будь благочестивъ! и прочее поручай провидѣнiю.* Воспоминай часто въ превосходномъ изреченiи Сираха: *коль великъ, иже мудрость обрѣте; но нѣсть паче боящагося Господа.* Я люблю васъ при всѣхъ вашихъ *порокахъ*; ибо вы имѣете хорошее сердце, искренность и бдѣнiе; и Богъ взираетъ на ваше сердце (*).

Чрезъ

(*) Сир. 25. 13. 14.

Чрезъ помощи сего воспитанія, заключаетъ младый Орестъ, чрезъ продолжаемое наблюденіе сего ученія, чрезъ ежедневное упражненіе въ благоговѣніи, которымъ я представленіе и вѣру великихъ истиннъ закона въ себѣ возбудилъ и оставилъ, чрезъ ежедневное пріуготовленіе къ должностямъ жизни, чрезъ искренее изслѣдываніе на концѣ дня, хотя я несвободенъ отъ слабостей и глупостей; но по крайней мѣрѣ, слава Богу! отдаленъ отъ нарочныхъ или продолжительныхъ пороковъ, даже до моего мужескаго возраста. И я подлинно то знаю изъ опыта, что путь добродѣтели, которой намъ часто кажется много труднымъ, или бываетъ, есть прекрасной, въ которой человѣкъ вступить можетъ; и помогающая невидимая рука ведетъ и укрѣпляетъ насъ, когда мы нелѣностно настоимъ, не нерадиво сопротивляемся, или совсѣмъ отступаемъ. Я знаю то изъ опыта, что одинъ изъ разумнѣйшихъ мужей сказалъ. ,, Единый день препровожденный ,, добродѣтельно и мудро превосходнѣе есть цѣ- ,, лой во грѣхахъ препровожденной вѣчности,,.

Четвертое правило. Сильнѣйшее побужденіе къ добру содержится въ божественныхъ свойствахъ. *Слѣдовательно всегда старайся въ своей душѣ начертать живое и достойное изображеніе о совершенствахъ Божіихъ, оное у себя безпрестанно продолжать, и не разсуждать объ ономъ безъ подобострастія; такъ же ежедневное сіе средство соединяй съ молитвою.*

Намъ потребны бодрость къ преодолѣнію труда въ добродѣтели, и сила сопротивляться

прелести запрещеннаго порока, когда онъ насъ оковать хощетъ. Сію крѣпость, сію силу, повиноваться законамъ, подаетъ намъ особенно *разсужденіе о достоинствѣ и величествѣ законоположителя*. О сколь сильно, дражайшіе пріятели, сіе размышленіе: всемогущій Господь столь безчисленныхъ духовъ и свѣтовъ, вѣчный, всевѣдущій: Онъ святый и благій, видитъ, примѣчаетъ и хвалитъ тебя, есть твой другъ, когда ты справедливо поступаешь, есть твой покровитель и наградитель! безъ Его похвалы нѣтъ благополучія; безъ послушанія къ Нему нѣтъ покоя души; Онъ награждаетъ добродѣтель въ вѣчности; и Онъ наказываетъ порокъ въ вѣчности, и Онъ не былъ бы Богъ, ежели бы между добромъ и зломъ не дѣлалъ различія. Онъ есть Господь закона, и жизнь потерять есть безконечно менѣе, нежели зная и съ намѣреніи преступить законъ Божій.

Богъ, котораго мы смертными очами видѣть не можемъ, свои совершенства далъ намъ чувствовать въ дѣйствіяхъ и чудесахъ естества. О сихъ чудесахъ, изъ которыхъ мы сами превосходнѣйшія, должны часто и со вниманіемъ разсуждать, чтобы изображеніе Его могущества, премудрости, благости и святости, въ своемъ разумѣ хранить живымъ и великимъ. Какого чуда, какого учителя божества нѣтъ въ насъ самихъ, мысль и возможность, чтобъ другимъ чрезъ слова сіе сообщать размышленіе!

Мысль, можешь ли ты себя испытать? ты только можешь себя чувствовать, и взираешь на себя со изумленіемъ. О ты, чрезъ которую я хочу и избираю,

самая

самая твоя производительница душа изумляется, что она тебя может творить; она не знает, что тебя производит до тех пор, пока ты чрез нее произойдешь. Мысль, когда все молчит, научает сколь велико божество!

Все проповедует Бога и Его промысл. Наш разум возвещает нам, что Он есть источник безконечных совершенств, и наше сердце чувствует что Бог есть любовь и святость и потому мы обязаны, сколько можно, все вещи употреблять, чтобы мы себя чрез то утверждали *в поклонении Богу, и любви к нему*, случаи изыскивать, кои нас ведут к разсужденію об нем, и спасительныя ученія и побужденія из того производить, кои нас заставляют делать добро для Бога. наши хорошія и худыя судьбины, должны нам напоминать о нашей зависимости от Бога и о нашем уповании на Него. Небо и земля, звезды, моря, горы и все, что нашему глазу есть велико, должны представлять нам величество Божіе, всегдашнее обновленіе и перемена естества должны в нас возбудить изображеніе премудрости и промысла Божія. И сколь часто могут нам пища и питіе, которыя мы принимаем, здоровье, которым наслаждаемся, хорошее имя и честь, кои за нами следуют; сколь часто и веселости добродетельной любви, пріязни, и дружескаго обхожденія, могут нам служить представленіями безконечной любви и благости Божіей, кои нашу благодарность и взаимную любовь возбуждать и одушевлять, и нас научать должны столь милостивому Отцу со всеми нашими силами повиноваться; столь хорошими быть,

какъ Онъ; и въ наилучшемъ порядкѣ и согласіи, какъ Онъ, свои дарованія употреблять, какъ мудрые домостроители и приставники, кои по различному употребленію врученнаго имѣнія, либо вѣчно счастливыми, либо не счастливыми будутъ.

Между тѣмъ должны признаться, что трудно да и невозможно, представленія безконечнаго духа между земными дѣлами и чувственными разсѣяніями сея жизни всегда часто и живо въ своей душѣ хранить. Проницательнѣйшій разумъ подверженъ темнотѣ, и лучщая воля часто побѣждается отъ своей естественной лѣности, когда человѣкъ старается только представлять душевной предметъ. Однако сіе представленіе остается, хотя бы оно было еще столь трудно, когда оно иначе есть средствомъ къ добродѣтели, нашею всегдашнею должностію, и мы сіе напоминанію о Богѣ тѣмъ чаще должны возобновлять, чѣмъ легче исчезаетъ въ нашемъ духѣ. Сіи понятія должны быть не токмо живы; но и достойны Бога; высочайшія; чисты отъ умноженія человѣческихъ несовершенствъ; естьли они въ нашей добродѣтели сильно дѣйствовать должны. Ибо законамъ въ глазахъ того, который имъ повиноваться долженъ, что можетъ болѣе подать важности и величества, какъ представленіе высочества законодателя? и то, что онъ достоинъ нашей любви, и то правда; добродѣтель есть наше благополучіе, наша высочайшая выгода; а порокъ есть наше наказаніе, наше высочайше бѣдствіе. Но не всякая добродѣтель награждаетъ не посредственно, не каждый порокъ наказываетъ не посредственно. Исполненіе многихъ добродѣтелей можетъ на

нѣкото-

нѣкоторое время съ потерею и бѣдствіемъ, а учиненіе многихъ пороковъ съ видимымъ благополучіемъ соединено быть. Въ разсужденіи сего что человѣка, которой ни въ какую минуту не хочетъ пробыть безъ своего благополучія, и однако часто своего истиннаго благополучія не знаетъ, что его, когда его должность требуетъ земнаго благополучія въ жертву, и божественные законы его склонностямъ и желаніямъ сопротивляются, въ послушаніи къ симъ законамъ утверждать будетъ, какъ непревосходное изображеніе законодателя, которой ничего предписать не можетъ, какъ что мудро и хорошо, хотя бы наше сердце столь много тому противилось, и мы бы такъ же совсѣмъ не могли усмотрѣть причинъ его законовъ? самыя награды и наказанія, сильнѣйшія побужденія послушнаго сердца, получаютъ свою силу отъ представленія святости, благости и справедливости безконечнаго законодателя. Еще будущее вѣчное благополучіе, или вѣчное бѣдствіе, сколь мало будетъ трогать того, которой не видитъ обое сіе основаннымъ на непремѣнной любви и правдѣ вѣчнаго? сколь на конецъ не чисто и корыстолюбиво будетъ оставаться наше послушаніе къ божественному закону, когда оно не чрезъ разсужденіе божественныхъ совершенствъ оживляется; но только отъ божественной корысти происходитъ? наша добродѣтель будетъ невольничество; а не произволеніе души, которое предполагаетъ любовь, подобострастіе и благодарность, поелику взаимно сіи чувствованія, живое познаніе Бога въ нашемъ разумѣ предполагаютъ.

Сіе стараніе мыслящаго человѣка, Творца въ чудесномъ зданіи свѣта, въ толь безчисленныхъ благо-

благодѣяніяхъ, кои изъ его десницы проистекаютъ, въ правленіи, какъ нашей особенной, такъ и общей судьбины, въ содержаніи нашея жизни, учрежденіи нашей души; въ чувствованіяхъ совѣсти и изреченіяхъ разума, примѣчать и ему покланяться; сіе благоговѣніе сердца, поелико оно есть должность разумнаго и высочайшаго радость, есть притомъ, когда мы ее ежедневно продолжаемъ, сильнѣйшее средство, насъ содержать въ охотномъ покореніи закону Божію; и кто о Богѣ помышлять не можетъ, всегда при своей добродѣтели помышляетъ подло, или лучше сказать совсѣмъ не имѣетъ добродѣтели.

> Конечно онъ, котораго земной глазъ не достигаетъ,
> не несвидѣтельствованна оставилъ смертному существу. Взирай такъ видишь его; слушай свѣта только, ежели хочешь его слушать, въ громѣ говоритъ онъ и въ хорахъ птицъ. Гдѣ бы ты ни былъ, не можешь отъ него уйти, гдѣ ты, тамъ и Богъ есть, твой Богъ предъ тобою. Его Духъ творитъ, души лишаетъ и творитъ снова; онъ носитъ зданіе свѣта безъ труда, безъ раскаянія.

Вѣра предписываетъ *всегдашнюю молитву*, яко спасительное средство къ добродѣтели; и разумъ уже имѣетъ довольно просвѣщенія. Разсмотрѣть превосходство сего средства, и оное намъ выхвалить.

Тѣ, кои молитву замало почитаютъ, беспорно не знаютъ ее. Каждой день въ покойное и святое *время* съ желаніемъ почтенія исполненнаго сердца приближаться къ безконечному, свои мысли на него самого устремлять, ихъ отъ всѣхъ стран-

ныхъ

ныхъ представленій очищать, его яко источника всѣхъ благъ, просить о благословеніи и милости, его благодѣянія познавать и его усердно за оныя прославлять; свои недостатки и слабости въ свѣтѣ Бога и въ собесѣдованіи съ нимъ открывать и исповѣдывать, прощенія оныхъ въ вѣрѣ искать и получать; какое упражненіе можетъ быть почтенія достойнѣе и способнѣе, чтобъ добродѣтель слабаго человѣка сохранить и укрѣпить? Ето правда, что Богъ не имѣетъ нужды въ нашей молитвѣ. Онъ знаетъ тайнѣйшее желаніе нашего сердца, хотя бы мы его словами не открывали. Онъ склоненъ насъ сдѣлать счастливыми, хотя бы онъ сперва нашею молитвою къ тому побужденъ не былъ. Онъ есть всегда Богъ, безъ нашей молитвы. Но человѣкъ имѣетъ нужду въ молитвѣ и его добродѣтель оживляется, ежели смѣю такъ сказать, отъ молитвы. Она есть средство, приращеніе дѣлать въ премудрости и добродѣтели; и съ сей стороны должны мы разсуждать о молитвѣ. Ето правда, что мы для нашихъ душъ чрезъ разсужденіе о Божіихъ свойствахъ уже много пользы получаемъ; но сіе разсужденіе болѣе проницаетъ въ нашу душу, когда мы съ онымъ самую молитву соединяемъ.

Кто можетъ истинною молиться не искушая себя и свою внутренность притомъ? сіе искушеніе отъ тѣхъ, которыя мы выше похвалили, въ разсужденіи *силы* есть различно. Мы легко при общемъ искушеніи и пристрастно съ собою поступаемъ и ради малаго послушанія, и каждыхъ добрыхъ дѣлъ льстимъ себя именемъ добродѣтели. Самолюбіе покрываетъ, или умаляетъ наши пороки,

роки, когда мы сами съ собою считаемся. Но съ своимъ духомъ устремиться къ Богу, свободну быть отъ земныхъ представленій и безпокойныхъ страстей, въ дружественномъ собесѣдованіи съ безконечнымъ, который все знаетъ, который наше примѣчаетъ сердце, которой ни какимъ видомъ не ослѣпляется, ни какимъ пустымъ звономъ не побуждается; себя такъ искушать, сіе должно производить болѣе искренности при искушеніи, болѣе знанія самаго себя, болѣе раскаянія о своихъ порокахъ, сіе искушеніе укрѣпляетъ наше смиреніе, и утверждаетъ наши спасительныя намѣренія, повиноваться. Слѣдовательно молитва не есть ли для насъ благополучіе?

Кто стыдится должности молиться, тотъ стыдится другомъ быть божіимъ.

Кто можетъ истиною молиться, не возобновляя при томъ изображенія божественныхъ совершенствъ въ своей душѣ? и представленіе его благости, премудрости, святости и всемогущества, кое мы въ молитвѣ столь торжественно и единственно Богомъ заняты предпринимаемъ, не глубочае ли въ нашей вкоренится душѣ, нежели общее напоминаніе о Богѣ? сіи разсужденія, кои молитва частію предполагаетъ, частію притомъ въ себѣ заключаетъ, не будутъ ли чувствованія подобострастія и любви, благодарности и упованія на Бога возбуждать, оживлять и укрѣплять? и сіи чувствованія не суть ли высочайшая добродѣтель и источники всего послушанія? слѣдовательно молитва есть благословеніе для нашей добродѣтели, и согрѣваетъ подобно солнцу доброе сѣмя въ нашемъ сердцѣ. Потомъ, какъ можемъ просить о милости и

и любви Всемогущаго Отца, однакожъ намѣреніе имѣть, то оставлять, что насъ сей милости достойнымъ учинить можетъ? Наконецъ люди, кои предъ Богомъ свое недостоинство, свое безсиліе, свои пороки каждой день признаютъ, приходятъ и ищутъ прощенія оныхъ, могутъ ли попустить еще, чтобъ надъ ними господствовало гордость, и могутъ ли еще оставаться безъ смиренія и безъ любви къ членамъ сѣмейства божія, которому они, яко общему Отцу и благодѣтелю покланяются?

Пускай остроумная голова противорѣчитъ необходимости молитвы. Простѣйшей разумъ признаетъ, вѣрою просвѣщенной, признаетъ оную яко спасительнымъ и необходимымъ средствомъ къ достиженію добродѣтели, и къ приращенію во оной. Конечно, дражайшіе товарищи, сколь долго будемъ сію должность отъ искренности исполнять, столь долго можемъ надѣяться отъ своей добродѣтели много добра, а отъ Бога всего. Чѣмъ болѣе презрѣніе къ молитвѣ возрастаетъ, тѣмъ ближе мы къ порокамъ; мы сами себя ужè ощущаемъ и отвращаемся отъ очей того, который неправду запрещаетъ; мы желаемъ тайно, чтобъ онъ насъ не примѣчалъ, и ребяческимъ образомъ отдаляемъ отъ себя его смотреніе, какъ будто бы онъ насъ не видалъ, когда мы съ своимъ духомъ и молитвою не болѣе къ нему приближаемся, и половина молитвы, ежели смѣю сказать, рѣдко попуститъ сердцу совсѣмъ отпасть отъ добродѣтели. Я ссылаюсь, вмѣсто доказательствъ, смѣло на нашъ опытъ. Какія дни мы препроводили весьма легкомысленно, суетно, наказанія

казанія достойно, и какіе весьма осторожно и полезно? Сіи, когда мы поутру, или въ другихъ тихихъ минутахъ о Богѣ нашемъ, Создателѣ, Творцѣ, въ молитвѣ съ глубочайшимъ покореніемъ размышляли, себѣ свои должности живо представляли, ему свою ревность словесно обѣщали, его въ засвидѣтельствованіе нашихъ искреннихъ чувствованій призывали, и его всесильной помощи съ кротостію и упованіемъ просили? или оныя, когда мы свою должность совсѣмъ оставляли?

Знаю, что вамъ извѣстны сіи правила истинной премудрости, столько, какъ мнѣ они всѣ въ царствѣ разума и вѣры предъ нашими очами открыты, и ихъ не трудно видѣть. Но оныя исполнять, дражайшіе товарищи, есть Высочайшая премудрость; и къ сему же исполненію хочу васъ вохотно поощрить и привесть, и употребить ваше упованіе и себя достойнымъ онаго сдѣлать. Поступайте каждой день по правиламъ, которыя вамъ до сихъ поръ предлагалъ, и вы будете то чувствовать, сколь полезны они въ себѣ. Я весьма не многихъ знаю изъ васъ, и я можетъ быть въ нѣсколькихъ годахъ всѣхъ болѣе не увижу, и послѣ того никогда можетъ быть. Однако вы всѣ со мною надлежите до великаго семейства божія, котораго благополучіе дорого почитать, и окоторомъ я стараться всячески долженъ. Но о когда бы я сію должность въ сей часъ съ намѣреніемъ и дѣйствіемъ исполнилъ и получилъ, хотябъ одного только за благовременнаго почитателя добродѣтели, или къ ней ближе подвелъ; сколь бы счастливымъ я себя называлъ! Сіе единое дѣло не должно ли почитать достойнымъ цѣлой уже жизни?

Конечно

конечно я, дражайшие юноши, скоро поступлю по разсужденію человѣческому, и гораздо прежде съ позорища сея жизни сойду, нежели вы; только по нѣколикомъ времени (ибо что суть тритцать и пятьдесятъ лѣтъ скоро текущія?) опять насъ всѣхъ соединитъ вѣчность; тогда то намъ будетъ извѣстно, сколь счастливъ тотъ, которой заблаговременно предпріялъ съ Богомъ быть добродѣтельнымъ, или дѣлаться такимъ, когда онъ еще не бывалъ; тогда можетъ быть меня станетъ одинъ изъ васъ благодарить, поелику я буду благодарить того друга, которой меня привелъ на путь премудрости.

Тогда можетъ быть ко мнѣ, дай Боже, юноша воззоветъ: Блаженъ ты; ибо ты мою жизнь, ты мою душу избавилъ! о Боже сколько должно радоваться благополучію, быть избавителемъ душй!

ОСЬМОЕ УЧЕНІЕ.

Общее средство къ достиженію добродѣтели и къ умноженію ея.

Пятое правило } Чѣмъ менѣе, слышатели, сей свѣтъ, себя самихъ и другихъ людей познаемъ, тѣмъ болѣе нашъ разумъ находится въ опасности, погрузить себя въ заблужденія и предразсужденія, и тѣмъ болѣе наше сердце склонностямъ и страстямъ подвержено, кои сопротивляясь премудрости и добродѣтели не примѣтнымъ образомъ ведутъ на стезю легкомыслія и порока. Изъ сего слѣдуетъ необходимое правило:

Пятое правило. *Заблаговременно съ самыхъ своихъ первыхъ лѣтъ старайся познавать свѣтъ, людей и самого себя, и всегда обстоятельнѣе учиться познавать.*

Многіе часто, между всегда пребывающими разсѣяніями, проживаютъ половину своихъ лѣтъ не помышляя строго о томъ, что есть свѣтъ, и для чего они на свѣтѣ. Разсуждая о поступкахъ большей части людей и при томъ не самыхъ худыхъ, должно было бы думать, что они почитали себя отъ Бога на сей землѣ поставленными за тѣмъ, чтобъ ласкательствовать своимъ чувствамъ и воображенію, или силы своея души и тѣло такъ употреблять, что бы они могли похитить выгодность, излишество, честь, чины и достоинства. Мы рѣдко, или по крайней мѣрѣ поздо къ тому приходимъ, что бы о семъ свѣтѣ и о будущемъ яко о чемъ нибудь соединенномъ нашими мыслями разсуждать научились, слѣдовательно мы по крайней мѣрѣ, ежели хотимъ быть мудрыми съ младыхъ лѣтъ, должны привыкать къ такому размышленію: „Сей свѣтъ есть мѣсто пріуготовленія, сія жизнь состояніе искушенія, „гдѣ мы чрезъ послушаніе къ своему Создателю „должны себя дѣлать способными къ будущему „безконечно славному свѣту. Хотя люди здѣсь различны дарованіями, состояніями, упражненіями „и дарами счастія; однако всѣ имѣютъ одно званіе, „одну должность, то есть по жребію имъ опредѣленному оказывать свое послушаніе и любовь „къ провидѣнію. Сіе долженъ дѣлать высокой и „низкой, богатой и бѣдной, мудрой и простой, „ученой и мастеровой, счастливой и злосчастной,

„ въ сей точкѣ собираются всѣ черты круга свѣ-
„ та. Кто въ должности, въ коей онъ поставленъ,
„ вѣренъ и при сей вѣрности взираетъ на про-
„ мыслъ, тотъ имѣетъ наслаждаться его похва-
„ лою, его покровительствомъ; а въ будущей
„ жизни наградою за свой поступокъ: кто отре-
„ кается отъ своей должности, и сопротивляется
„ намѣреніямъ Божіимъ, тотъ противится сво-
„ ему собственному настоящему благополучію,
„ презираетъ Божескую милость, и спѣшитъ на
„ встрѣчу вѣчнаго наказанія „.

Сіе представленіе о свѣтѣ, ежели бы мы съ самыхъ первыхъ лѣтъ глубоко вкоренили въ своей душѣ и сдѣлали основаніемъ всѣхъ нашихъ нравственныхъ поступокъ, подкрѣпляло бы нашу добродѣтель, и ей помогало во всѣхъ обстоятельствахъ. Оно бы насъ въ счастіи умѣренности, въ несчастіи спокойствію, въ высочайшихъ достоинствахъ смиренію, въ самомъ низкомъ состояніи благородству, и вездѣ премудрости научило, чтобъ не такъ трудно было преодолѣвать препятствія добродѣтели, не допускать быть только чувствамъ нашими предводителями и своего счастія болѣе искать въ себѣ самихъ.

Мы при нашемъ вступленіи въ пространной свѣтъ вообще научаемся людей познавать въ весьма ложномъ свѣтѣ. Изъ сихъ представленій проистекаютъ различныя заблужденія и обманы воображенія, кои коварнымъ страстямъ, въ насъ уже находящимся будто какъ жизнь подаютъ и насъ къ глупому подражанію другимъ людямъ ведутъ.

Мы рѣдко различаемъ то, что человѣкъ дѣйствительно есть, отъ того, чѣмъ онъ быть кажется, и казаться старается. Что есть человѣкъ съ природы? Его разумъ чрезъ невѣжество и простоту помраченъ, его сердце злыми склонностями и не умѣреннымъ самолюбіемъ исполнено; и его тѣло есть тлѣнное, слабое и нездоровое жилище для души. И что есть большая часть людей, и въ то время какъ они чрезъ науку и художества исправлены? по большей части есть смѣшеніе слабости и крѣпости, мудрости и глупости, добродѣтели и порока, покоя и неспокойствія. Человѣкъ то видитъ свои недостатки души и тѣла, и скрываетъ ихъ; то не хочетъ онъ ихъ видѣть и лучшимъ казаться, нежели какъ онъ есть. Самолюбіе, гордость и собственная корысть, суть общіе источники его дѣйствій по крайней мѣрѣ въ такъ называемомъ пространномъ свѣтѣ. Изъ нихъ проистекаютъ какъ средства, кои онъ къ своему благополучію избираетъ, такъ способъ, какъ онъ ихъ употребляетъ, и порочная ревность, съ которою онъ при семъ употребленіи поступаетъ.

Человѣкъ желаетъ быть лучше, богатѣе, мудрѣе, превосходнѣе другихъ, потому, что онъ себя любитъ неумѣренно. Онъ хочетъ въ другихъ возбудить почтеніе и удивленіе потому, что онъ гордъ, потому, что сія гордость ласкательствуетъ его воображенію, потому, что почтеніе и удивленіе пріобрѣтаетъ ему покорныхъ, рабolѣпныхъ и невольниковъ его страстей. Что симъ намѣреніямъ споспѣшествуетъ, почитаетъ благоразуміемъ, и сему благоразумію мы слѣпо подражаемъ.

Кто не знаетъ, что одежда, шествіе, свита, званіе, родъ, взлядъ, разговоръ не есть самъ человѣкъ, существо человѣка, не есть истинное его достоинство, и слѣдовательно не есть такъ же его истинное благополучіе? и однако, сколь часто попускаемъ сему виду ослѣплять себя! сколь часто попускаемъ не только въ своихъ раннихъ; но и поздныхъ лѣтахъ нашему глазу, нашему уху о достоинствѣ человѣка и о его благополучіи разсуждать, и обманываемъ себя сновидѣніемъ воображенія и желаніемъ, наше благополучіе по сему сновидѣнію учреждать.

Мы вступаемъ въ великую бесѣду, въ бесѣду знатныхъ; и что тамъ усматриваемъ? Мудрыхъ, почтенія достойныхъ, добродѣтельныхъ, удивленія достойныхъ и счастливыхъ тварей, какими быть желаемъ, коихъ нравамъ подражаемъ, коихъ мнѣнія съ жадностію принимаемъ не изслѣдывая ихъ строго, и чтобы мы часто видѣли, когда бы не разсуждали по чувствамъ?

Дамисъ, сей великой, говоритъ. Всѣ слушаютъ его яко прорицателя. Онъ говоритъ о дѣлахъ государства съ краснорѣчіемъ исполненнымъ проницательства. Сколь пріятенъ и силенъ его голосъ, сколь живой и благородной его взглядъ. Все въ немъ благопристойность. Великолѣпіе его одежды возвышаетъ, его важность, и куды онъ шествуетъ, слѣдуютъ за нимъ почитатели и поклонники, вездѣ ему удивляются; ибо и малости удерживаютъ достоинство чрезъ него. Сей мужъ милостивой ко мнѣ являетъ видъ. Какое благополучіе? онъ приближается ко мнѣ,

 чтобъ

чтобъ со мною говорить. Мои отвѣты нравятся ему. Онъ похваляя меня треплетъ по плечамъ я трепещу отъ радости. Онъ публично хвалитъ мою скромность; онъ прославляетъ мою науку, обѣщаетъ мнѣ свою милость, въ скорости свое дружество. О сколь я счастливъ! и сколь достоинъ почтенія сей великой! обманутой молодой человѣкъ!

Кто есть великъ, тебя кто почитаетъ, скажи! онъ знаетъ ли цѣнить заслуги, представь его безъ высокаго званія; можетъ быть тогда его похвала тебѣ малою покажется, можетъ быть ты тогда то, чтобъ быть у него въ великой любви почтешь за безчестіе.

Сколь бы устрашился, ежели бы за симъ мужемъ потелъ во внутренность его сердца; отдѣли то отъ него, что не есть его, слѣдуй за нимъ въ его покой, гдѣ онъ свою кавалерскую ленту, свою сіяющую одежду, свои блистающіе алмазы кладетъ. Развѣ сіе тѣло останется еще достойнымъ удивленія? можетъ быть увидишъ тѣло чрезъ пороки и не порядки обезсиленное и обезчещенное. Можетъ быть украсилъ себя за тѣмъ, чтобъ утаить свои недостатки.

Слѣдуй за нимъ въ его душу, слушай его говорящаго и помышляющаго. Развѣ онъ мудръ, счастливъ, какимъ онъ себѣ быть кажется? заключившись въ своемъ покоѣ говоритъ о тѣхъ, коихъ онъ низвергнуть, и о тѣхъ, коихъ онъ для своей безопасности возвышать хочетъ, его политика есть многотрудное коварство себѣ у

Госу-

Государя любимымЪ, и свое собственное счастiе всегда большимЪ и крѣпчайшимЪ дѣлать!

> Что есть премудрость, чрезЪ которую его духЪ возвысился? не иное что, какЪ наука удовлетворять Государю чрезЪ явленiя гордой веселости его удачно развеселить, и чтобЪ видѣть себя великимЪ, быть рабомЪ Государя.

РазвѢ сiе есть мудрой и обоженной МинистрЪ? ОдинЪ изЪ его любящихЪ приходитЪ и возвѣщаетЪ ему нову жертву забавы. КакЪ? сей постоянной и почтенiя достойной мужь, развѣ есть невольникЪ подлѣйшей страсти? сей мужь хвалилЪ твою скромность; и есть самЪ онЪ любострастной? хвалилЪ твою науку, и первая книга, которую онЪ теперь беретЪ, есть скверной романЪ? чтобы ты, разсуждая по виду и рѣчамЪ, думалЪ объ немЪ, что онЪ вЪ своемЪ кабинетѢ на концѢ дня предпринималЪ? сей мужЪ развѣ не помышляетЪ о себѣ, о своемЪ званiи, о своей должности, о БогѢ? онЪ дѣлаетЪ противное; и слѣдовательно когда бы онЪ былЪ еще выше большимЪ МонархомЪ, кто онЪ? глупой, порочной, которой чрезЪ хитрость притворяется такимЪ, каковЪ онЪ вЪ самомЪ дѣлѢ не есть? бѣдной ДамисЪ!

> НевольникЪ, которой прахЪ отЪ твоихЪ ногЪ отметаетЪ, есть вЪ разсужденiи тебя БогЪ, когда онЪ добродѣтель почитаетЪ.

ВЪ сей же беседѢ видитЪ молодой человѣкЪ женщину, вЪ которой похваляютЪ премудрость, добродѣтель и просвѣщенiе. КакЪ блистаетЪ ея

одежда и болѣе, нежели всѣ ея драгоцѣнные камни, ея живой глазъ? все есть вкусъ въ ея платье и въ ея поведеніи. Она шутитъ, и удивляются ей, говорятъ нѣсколько минутъ о важныхъ приключеніяхъ, о воспитаніи молодой женщины, а изъ устъ сея проистекаетъ, премудрость и божественныя нравоучительныя притчи, и она дышетъ разумомъ; она танцуетъ и ея особа еще болѣе нравится, все есть свободно и велико. Она играетъ и дѣлаетъ сіе съ благопристойностію, которая игрѣ подаетъ важность благороднаго упражненія. Какая любви достойная особа женскаго изряднаго по́ла, разсуждаетъ молодый человѣкъ и называетъ ея супруга, на котораго она часто съ скромностію и мило глядитъ, блаженнымъ.

Но сія великая особа на позорищи свѣта, кто она удалившись отъ принужденія въ бесѣдѣ, совлекши съ себя прелестное убранство, свободившись оковъ состоянія и страсти нравиться, кто она въ своемъ покоѣ, при своихъ дѣтяхъ, при своемъ супругѣ, при своихъ служителяхъ?

Она спѣшитъ домой. О! какъ она умѣла чрезъ свой нарядъ столь многіе недостатки и пороки своего тѣла прикрыть, и чрезъ искусное намазываніе, блѣдное, сухощавое лице премѣнять въ веселое и здоровое! Слѣдовательно она хотѣла тѣмъ быть, чѣмъ она не была. Она изъ суеты глазъ обманывала. Сія разумная женщина съ своею служанкою о нѣкоторыхъ недостаткахъ, кои ея нынѣшняя имѣла, очень жарко говоритъ, и я бы повѣрилъ, что она теперь развѣдывала о поведеніи своихъ дѣтей. Она разсуждаетъ съ нею,

какое

какое платье должна надѣть завтра, и начинаетъ язвительно ругаться надъ Антеноромъ; ибо онъ въ игрѣ выигралъ у нея десять червонныхъ, напротивъ того Клитандру удивляться, и своему молодому сыну его природной остроты желать; ибо онъ превосходно танцовалъ. Развѣ это разумная мудрая Лесбія? Доримена, которая по случаю первое въ бесѣдѣ заняла мѣсто, есть теперь въ Лесбиныхъ устахъ, глупа и любовница. Лесбія говоритъ наконецъ ругательно о своемъ супругѣ, которой ея любитъ по посадски, недолжно ея поутру въ десятомъ часу будить и прежде полудня ни одного изъ ея дѣтей допускать предъ нея; потому что она въ первомъ часу одѣта быть должна. Посредѣ сихъ разсужденій спѣшитъ она къ покою, и приказываетъ своей служанкѣ читать предъ собою вечернюю молитву, чтобы притомъ можно было заснуть. Слѣдовательно сіе, не естьли достойная Лесбія, которая умѣетъ въ бесѣдѣ весть свой разумъ нѣкоторымъ искуснымъ образомъ, своему сердцу доброту странную, и своему виду такуюжъ странную дать пріятность? собственно не имѣетъ она ни разума, ни добродѣтели. Она величается нравоучительными отъ другихъ занятыми притчами и склонностями, кои она на свое сердце, какъ платье на свое тѣло надѣла.

Бесѣда, о которой мы говорили, есть въ домѣ знатнаго богача, и такого, который имѣетъ вкусъ, молодой человѣкъ изъ его великолѣпія, излишества, свиты, почтенія, которое ему другіе свидѣтельствуютъ, заключаетъ его благополучіе, пріемлетъ мнѣніе, кто такъ жить можетъ счаст-

ливо, какъ *Люпинъ* дѣйствительно ли онъ есть, или кажется быть такимъ? дозвольте намъ его описать, и его признанія послушать.

Смотрите здѣсь счастливаго Люпина! онъ блистаетъ и все въ его домѣ около его блистаетъ. Онъ самъ меня вездѣ водитъ. Не можно смотрѣть, болѣе художества, болѣе вкуса изобрѣтеннаго къ восхищенію. Здѣсь господствуетъ выгодность соединенная съ мудрымъ великолѣпіемъ; что художникомъ удается посредствомъ ихъ остроты, что живописцовъ вѣчными дѣлаетъ, чего вкусная забава требуетъ, то со мною встрѣчалось, и ничего не доставало въ томъ, чегобъ люди желали. Сколь счастливы, началъ я, сколь счастливы вы Люпинъ! и у Люпина на лицѣ появилась краска. Чего еще болѣе продолжалъ я, желать можно, какъ сего? я счастливъ! сказалъ Люпинъ, и уже стали слёзы течь. Мой сынъ злодѣй, котораго я исправить не могу; моя жена, которая меня не любитъ. О я несчастливѣйшій человѣкъ! что помогаютъ мнѣ мои палаты? что миліоны? ябъ хотѣлъ жить въ шалашѣ съ тѣмъ только, чтобъ быть свободну отъ сего бѣднаго состоянія.

Однако же, сколь часто, ослѣпившись внѣшнимъ блистаніемъ, такихъ Люпиновъ счастливыми называемъ, и домогаемся ихъ благополучія, яко величайшаго удовольствія жизни? сколь трудно бываетъ намъ *добродѣтель въ пыли и заслугу въ хижинѣ* познавать и почитать, когда мы пріобучили себя, обое только во внѣшнемъ блистаніи и въ преимуществѣ званія и достоинствѣ искать? сколь трудно бываетъ думать, безъ великолѣпія и богатствѣ и избранныхъ выгодностей, безъ славнаго стола, безъ достоинствъ, безъ сви-

ны и удивителей, безъ палатъ, безъ внѣшняго знака заслугъ весьма спокойнымъ и счастливымъ быть не можно! сколь трудно бываетъ увѣреніе, что богатой часто бѣденъ при своемъ богатствѣ, и бѣдной богатъ при своей бѣдности (*), *что на всяко время очи злыхъ пріемлютъ злая: добріи же безмолствуютъ присно*, что путь добродѣтели есть радость благочестиваго и въ пыли; и что порочной хотя окруженъ всѣмъ счастіемъ высоты, однако *бѣденъ и робокъ*! сколь трудно себя увѣрить, что неизвѣстная жизнь гораздо естественнѣе и выгоднѣе, нежели великая слава; что тотъ, которой продирается въ чины и достоинства, и власти у Короля домогается, часто старается только о оковахъ невольничества. „Что какъ говоритъ Іунгъ: въ „своемъ сочиненіи о истинномъ достоинствѣ чело„вѣческого тѣла, зависть, поревнованіе къ тѣмъ, „кои намъ счастливыми кажутся, есть сугубое „дурачество; дурачество яко грѣхъ, дурачество „яко заблужденіе; потому что совсѣмъ не было „бы зависти на землѣ, ежели бы мы знали, „сколь мало другіе люди владѣютъ, или наслаж„даются; сколь трудно можно себя удостовѣ„рить, что истинное величество и высота чело„вѣка невидимы, неподвержены чувствамъ, и „совсѣмъ только надлежатъ до ока разума; что „премудрость, благость, правда и познаніе той „истинны, которая насъ научаетъ справедливо „познавать и почитать Бога, Его совершенство, „Его святыя намѣренія и пути, что споспѣшествованія истинному, всегда пребывающему благосостоянію разумныхъ тварей, избавленіе человѣ-

(*) Притч. сол. 15. 15.

ка отъ его погибели: что сіе одно великіе и истинно высокіе предметы и благіе душевные; а что все другое въ сравненіи съ ними, все внѣшнее блистаніе есть мало и ничто, не заслуживаетъ почтенія и истиннаго высочества, подать не можетъ!

Сей же молодой человѣкъ, о которомъ мы говорили, изъ того села, гдѣ была бесѣда, идетъ въ хижину престарѣлаго, о которомъ онъ слышалъ, что онъ девяносто лѣтъ имѣетъ и всегда спокоенъ.

Но его хижина отъ прилѣжныхъ рукъ его престарѣлой хозяйки только по деревенски убрана, какое различіе въ разсужденіи за́мка, которой онъ теперь оставилъ! Онъ говоритъ съ старикомъ, и спрашиваетъ его, что онъ дѣлаетъ. Я отвѣтствуетъ старикъ, развожу и очищаю дерева̀ въ саду моего господина, пока меня мои дряхлыя ноги держатъ; кромѣ сего, по большой части я сижу здѣсь на своемъ стулѣ, на которомъ я ужѐ какъ отрокъ сидѣлъ, разсуждаю о своей смерти, и ожидаю ея всякой часъ, и благодарю небеснаго Бога, что мнѣ въ моей жизни столько добра явилъ. Въ чемъ же ваше состояло добро, любезный старикъ? въ томъ что я съ младенчества былъ здоровъ, и даже до девятидесяти лѣтъ работать могъ, что я свой хлѣбъ даже до сего дня имѣлъ часто; такъ же ободреніе; что мнѣ Богъ благоволилъ найти благочестивую жену, которая спокойна со мною идетъ во гробъ и на небо, которая любитъ меня, печется обо мнѣ, и отъ которой я двухъ дѣтей добродѣтельныхъ имѣлъ,

коихъ

коихъ Богъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ взялъ. На конецъ любезный господинъ, мое величайшее благополучіе есть на землѝ сіе, что меня Богъ отъ грѣховъ противъ совѣсти предохранялъ, и мнѣ довольное даровалъ сердце и надежду всякаго блаженства. Я охотно умираю, и не имѣю другой печали, какъ что моя престарѣлая жена обо мнѣ весьма будетъ скорбѣть.

Старикъ, размышляетъ молодый человѣкъ, когда онъ ему подаетъ благодѣяніе, есть при всей своей низкости не несчастливъ. Но малая хижина, глиняная посуда, льняной кафтанъ руками своей женѝ сдѣланной, блюдо съ молокомъ, съ чернымъ смѣшеннымъ хлѣбомъ, кои онъ ѣстъ, чистая хотя, но простая постеля престарѣлаго, его въ трудахъ препровождяемая жизнь даже до девятидесяти лѣтъ, его отъ солнца загорѣлое лице, его рука отъ работы ожестѣлая, его трясущаяся голова у благополучія и добродѣтели престарѣлаго, много достоинства отнимаютъ въ глазахъ молодаго человѣка. Ибо что суть, всѣ сіи предметы для чувствъ? что, такъ разсуждаетъ его воображеніе, есть спокойная жизнь безъ выгодности, изобилія и просвѣщенія? однакожъ сей старикъ которой послѣ, какъ ушелъ юноша, на объятіяхъ своей женѝ спокойно засыпаетъ, есть одинъ изъ благополучнѣйшихъ, мудрѣйшихъ, поелику мы его себѣ представимъ, послѣ смерти.

Сколь мало мы съ младыхъ лѣтъ приводимы бываемъ къ тому, чтобъ *учиться познапать самихъ себя*, наши любимыя склонности, слабости и хорошія спокойства, силы, кои мы получили

для

для упражненій житейскихъ, злоупотребленіе оныхъ, которому столь рѣдко подвергаемся, особенной родъ жизни, которой избирать должны, которой и по крайней мѣрѣ великое вліяніе въ наше благополучіе, или несчастіе, имѣть будетъ, какъ оной мы разумно, или обманчиво избираемъ, сіе опытомъ весьма доказано. Что и сколь мало мы сей порокъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда уже нашъ разумъ къ неправедному способу привыкъ, и наше начертаніе чрезъ порочное воспитаніе и чрезъ неосторожное обхожденіе съ свѣтомъ худо изображено, сколь мало мы сей порокъ тогда исправляемъ, или находимся въ состояніи исправлять. О когда бы сіе не было по крайней мѣрѣ столь извѣстной опытъ!

Исторія, когда мы въ ней мудрымъ способомъ упражняемся, сокращаемъ долгой и многотрудной путь, учиться познавать человѣка и себя самихъ. Человѣкъ во всѣхъ вѣкахъ, только подъ различными видами, есть тотъ же. Его склонности и чувствованія можно изобразить по его дѣламъ и поступкамъ; и сіи изъ оныхъ объясняются, но сколь часто учимъ исторію только для памяти; по крайнѣй мѣрѣ для употребленія разума, и для украшенія! сколь рѣдко для нашего сердца! сколь рѣдко съ стороны того, гдѣ она, зеркало божескаго промысла, и истолковательница всего того, чему насъ вѣра о качествѣ человѣческаго сердца научаетъ!

Сколь бы полезно было нашему намѣренію, ежели бы мы обстоятельныя, и высокимъ разумомъ сочиненныя жизни описанія не только знатныхъ;

но

но и примѣчанія достойныхъ посредственнаго, и добродѣтельныхъ низкаго состоянія могли читать. Но сіи описанія жизни, должны намъ показывать великихъ не на своихъ только блистающихъ престолахъ, не въ ихъ только полученныхъ за побѣды лавровыхъ вѣнцахъ; *Политиковъ* не въ ихъ только кабинетахъ, какъ они заняты разсужденіями ученыхъ, не въ ихъ только покояхъ, какъ они сами собою жертвуютъ наукамъ. Они должны такъ же, чтобъ научиться познавать ихъ нравственное начертаніе, показывать, въ дѣлахъ домашнихъ и внутреннихъ своего сердца, въ дружескомъ обхожденіи съ своими пріятельми и съ фамиліею, въ поступкахъ въ разсужденіи своихъ подданныхъ, въ тайныхъ роляхъ; кои они свободны будучи отъ всего притворства въ счастіи и несчастіи играли, въ порокахъ любимцовъ, съ коими они то удачно, то не удачно боролисъ. Мы должны бъ были въ томъ, безъ витийственнаго увеличиванія ихъ хорошихъ свойствъ на нихъ въ столь справедливыхъ портретахъ взирать, какъ намъ священное писаніе своихъ великихъ мужей пишетъ, кои при всякомъ благочестіи всегда еще люди несовершенные; однако въ добрѣ подражанія достойные примѣры. Такія повѣствованія были бы полезны намъ, познаніе человѣка сдѣлать легкимъ и показать наше собственное изображеніе въ другихъ.

Ежели бы великіе и непорочные мужи искренніе, особенныя извѣстія своей тайной жизни записывали, и они въ руки своихъ пріятелей предавали, изъ коихъ оныя въ самое время, когда то благоразуміе дозволяло, потомству сообщаемы были, сколь бы учительны были для размышляю-

щаго читателя, и сколь бы часто укротительны для него! сколь блистающъ Лудвигъ великой, когда намъ его исторія издалека на престолѣ, въ его завоеваніяхъ, и на позорищи Царскихъ пріуготовленій показываетъ! Сколь счастливъ онъ быть кажется! Однако сколь онъ намъ кажется человѣкомъ, сколь малымъ, сколь несчастливымъ дѣлается, когда мы его вблизи, въ его покоѣ, во власти притворныхъ любимцовъ, въ сторонѣ несчастливыхъ дѣтей, подъ бременемъ его страстей, въ оковахъ сластолюбія, между восклицаніями ласкателей, между неспокойствіемъ его свободныхъ часовъ, и наконецъ въ рукѣ Ментеноны исполненнымъ стыда въ его пагубахъ усматриваемъ, и видимъ его въ ложномъ мнѣніи вѣру защищать, противъ чистосердечнѣйшихъ ея исповѣдователей съ кровожаждущимъ мечемъ неистовствующаго, съ тѣмъ, чтобъ господа всѣхъ господей сдѣлать своимъ другомъ? его съ первой стороны познавать, значитъ по обманчивому виду познавать: съ другой, познавать, должно Принца научитъ премудрости и познанію самаго себя. *Расина*, *Аддисона* только какъ стихотворцевъ познавать есть мало; его яко друга, отца, яко молодаго человѣка, яко мужа при дворѣ, какъ христіанина, его въ смерти познавать, сіе есть познаніе для сердца. Когда молодой человѣкъ въ житіи Аддисона читаетъ, какъ Аддисонъ отказался отъ лекарей и всей надежды, приказалъ „онъ молодаго близкаго сродника, которому онъ „еще умирая хотѣлъ пользу сдѣлать, къ себѣ „позвать, сперва замолчалъ умирающій Адди„сонъ, послѣ кроткаго и благопристойнаго мол„чанія сказалъ молодой человѣкъ: дражайшій го-

„сударь,

„сударь, вы приказали меня позвать: я думаю „и надѣюсь, что вы мнѣ нѣчто хотите приказать. Я ваше приказанїе буду свято наблюдать. „Потомъ Аддисонъ взялъ молодаго за руку, жалъ „ея и говорилъ тихо къ нему: *Смотри, въ какомъ покоѣ Христїанинъ умирать можетъ?* „онъ сїе съ трудомъ выговорилъ и вскорѣ потомъ „умеръ„. Когда молодой человѣкъ сїю повѣсть „читаетъ, то не долженъ ли онъ въ своемъ сердцѣ возбудить желанїя и когда нибудь столь блаженно и поучительно умереть и каждой день такъ жить, чтобы онъ когда нибудь симъ образомъ умереть могъ? Сїе повѣствованїе вкорените глубоко въ вашемъ сердцѣ, дражайшїе сотоварищи! въ семъ покоѣ умирать, есть истинное высочество человѣка и Христїанина, есть слава и блаженство.

* *

ДЕВЯТОЕ УЧЕНІЕ.

Всеобщее средство къ достиженїю добродѣтели и къ умноженїю ея.

Шестое, седьмое и осьмое правило.

Страсти суть сильное препятствїе премудрости и добродѣтели. Они происходятъ отъ естественныхъ желанїй блаженства. Они чрезъ чувства, чрезъ воображенїе, чрезъ внутреннїя прїятныя чувствованїя, чрезъ ложныя представленїя нравственнаго достоинства и недостоинства, которое мы съ *предметами соединяемъ*, возбуждаются и питаются. Кто не

может из сего произвесть *правило*, которое нам все нравоучители похваляют, что Шестое правило. *должно препятствовать впечатлениям чувств, прелестям воображения, умерять свои склонности, кои сами в себе позволены, непозволенныя скорости удерживать, и несправедливым представлениям, кои страсти оживляют, разумом сопротивляться.*

Всякой знает худыя следствія жестоких страстей. Он видит и чувствует, что они ослепляют разум, волю делают невольницею, что они чрез удовольствованіе почти неукротимы бывают, что они жизни и здоровью, чести, обществу, и благополучію других вредят; однакож не многим удается чрез сіи причины от них свободиться. Верное доказательство, что наше естество претерпело общую погибель, потому, что обыкновенныя средства столь мало действуют, чтоб исправить оное.

Главныя причины, для которых весьма мы сильно желаем, или отвращаемся, суть чувственность воображенія, и соединеніе некоторых присовокупленных понятій о превосходстве и нравственном добре, кои мы неприметно приписываем предметам чувств и воображенія.

Первая из сих причин есть *чувственность*, или твердое впечатленіе, которое настоящіе предметы имеют в нашем чувствованіи. Мы в первых летах нашея жизни почти ничто иное, как чувство. Сколь долго еще наш разум не про-

не пробуждается, чувствованіе заступаетъ мѣсто разума; когда сей дѣйствовать начинаетъ, ужѐ оное у многихъ свое господство востановило. Въ младенствующемъ разумѣ, когда тѣ, кои о нашемъ воспитаніи пещися имѣютъ, наши желанія наставлять, и насъ пріобучить должны были бы, воздержно и праведно чувствовать, намъ особенно такіе предметы показывать должны были бы, отъ которыхъ бы мы благородное впечатлѣніе принимать могли: то мы напротивъ того предаемся чувствамъ и ихъ власти. Примѣры наставляютъ насъ молчаливо, бываютъ Философіею нашихъ страстей, и заражаютъ насъ многими ложными понятіями удовольствія и неудовольствія. Такимъ образомъ пролетаютъ наши первые годà, потóмъ бываетъ намъ трудно помышлять о дѣлахъ разума, когда мы столь долго ни о чемъ другомъ не помышляли, какъ о предметахъ чувствъ, и мы только трогаемы были, мы симъ разумомъ трудно можемъ владѣть, когда имъ владѣть должно. Мы доброту нашихъ чувствованій не иначе умѣемъ опредѣлять, какъ по *пріятному*, или *противному* впечатлѣнію, которое чувства возбудили; и *пріятныя* чувствованія кажутся намъ быть только хороши. Всѣ желанія чрезъ то возрастаютъ, что они часто бываютъ удовольствованы; и такимъ образомъ возрастаетъ сила чувственности; размышленіе бываетъ трудно; и мы разсуждаемъ о достоинствѣ, или недостоинствѣ вещи по глазу, уху, чувствію.

Какія суть основанія, по которымъ мы поступаемъ во время нашихъ первыхъ лѣтъ? Что ненаставленный молодый человѣкъ почитаетъ за

хорошее, за благородное, за нехорошее, за вредное? Какъ разсуждаетъ онъ? По разуму ли?

Печальный разумъ! какъ бы могъ сему радоваться? премудрость, кою онъ познаетъ, есть возмущеніе, игра и вино. Мы, вопіетъ онъ, съ радостію препроводимъ времена; и не попустимъ, чтобъ жизненные наши духи выходили безъ забавы, розами, кои мѣсяцъ Май позволяетъ молодымъ людямъ, а старикамъ только запрещаетъ, увѣнчаемъ главу. Старикамъ ругаемся, и ругаемся ихъ ученік; они философствовали бы, ежели бы не такъ стары были?

И какъ разсуждаетъ старикъ? что суть его желанія; и какое есть добро, кое онъ почитаетъ достойнымъ исканія, и о которомъ онъ съ такою забötою и трудомъ старается? Не богатства ли и выгоды житейскія, великолѣпіе и власть, честь и достоинство?

Сила *воображенія* такъ же бываетъ великимъ препятствіемъ премудрости и добродѣтели. Наши пріятныя, или непріятныя чувствованія въ воображеніи сохраняются; и сколь часто намъ вещь, или часть и обстоятельство оныхъ попадается, возобновляетъ такъ же воображеніе, полученныя притомъ удовольствія, или неудовольствія. Мы усматриваемъ въ естествѣ, или въ мысляхъ мѣсто, гдѣ мы радость, или печаль чувствовали; и уже и то и другое приходитъ намъ на умъ съ своими причинами, или слѣдствіями, и желаніе того, или отвращеніе нечаянно въ почь пробуждается. Сіи образы воображенія по большой части весьма невѣрны; почему и чувствованія,

чрезъ

чрезЪ оныя возбуждаемыя вЪ невѣрности имЪ суть подобны. Мы вЪ воображенiи увеличиваемЪ прелесть предмета, которая насЪ тронула прiятно, и уменьшаемЪ ея недостатки. Мы не примѣтно увеличиваемЪ досадное вЪ вещи, которая намЪ непрiятна была, уменьшаемЪ добро, которое она вЪ себѣ имѣла, или имѣть могла: словомЪ, наша сила воображенiя, повредившись отЪ нашихЪ склонностей, присовокупляетЪ кЪ своей живописи и отнимаетЪ подобно ласкательному и невѣрному живописцу. АминтЪ за нѣсколько предЪ симЪ времянемЪ былЪ вЪ бесѣдѣ, гдѣ его похвальными рѣчми и свидѣтельствованiемЪ почтенiя осыпали. Воображенiе честолюбивому Аминту представляетЪ теперь сiе явленiе удовольствованiя, оно живо изображаетЪ ему прiятные и почтительные виды ему удивляющихся; ихЪ стремленiе нравится; оно возобновляетЪ звукЪ громкой похвалы вЪ его ушахЪ. Сiе представленiе какого ему не приноситЪ удовольствiя! Но сей образЪ, которымЪ его воображенiе восхищаетЪ, и его желанiе сей бесѣды, и полученiя похвалЪ воспламеняетЪ, развѣ вѣренЪ? Ни какЪ, оно подавляетЪ досадныя обстоятельства, и увеличиваетЪ прiятныя. Бесѣда ему удивлялась, это правда. Но и это правда, что онЪ вЪ сей бесѣдѣ себѣ дѣлать много принужденiя, вкрадываясь принаравливаться ихЪ мнѣнiямЪ и своенравiю, и многiя ложныя разсужденiя, о порокахЪ и заслугахЪ другихЪ, слушать былЪ долженЪ. Воображенiе, сiи черты опускаетЪ вЪ своемЪ образѣ. Оно показываетЪ Аминту похвальныя рѣчи, яко произвольной подарокЪ, и опускаетЪ, чтобЪ онЪ себѣ большую часть оныхЪ чрезЪ взаимную похвалу и смиренныя благода-

ренія покупалъ. Оно показываетъ ему его полученное одобреніе, яко справедливую дань его заслугъ, и въ представленіи опускаетъ то, что онъ по крайней мѣрѣ самъ въ бесѣдѣ чувствовалъ, что сіи особы лишно ему удивлялись и нѣкоторыхъ одолженій отъ него желали. Оно показываетъ ему только *выгодную* сторону, и оставляетъ *скучныя обстоятельства* при семъ бывшемъ счастіи, утруждающія учтивыя рѣчи, продолженіе стола, безрасудныя рѣчи, къ которымъ честолюбіе Аминта Вело, гордость, которою сія бесѣда его сердце уязвляла, потерянные часы, кои онъ гораздо разумнѣе употребить бы могъ. Все сіе оно опускаетъ, чрезъ сей невѣрной образъ пробужается въ немъ желаніе къ возобновленію похвалы, и желаніе къ прежнему, или оному подобному случаю. Чѣмъ чаще сіи представленія въ немъ имѣютъ мѣсто, тѣмъ охотнѣе онъ себя имъ поручаетъ; тѣмъ болѣе умножается его желаніе къ похвалѣ, такъ что онъ восходитъ даже до степени *страсти*. Сіи обманы воображенія, кои намъ какъ въ дѣла, такъ въ увлеченіе послѣдуютъ; кои намъ всегда болѣе показываютъ, нежели мы въ наслажденіи вещи находимъ; кои въ насъ возбуждаютъ болѣе вниманія къ *силѣ* удовольствія, нежели къ его *продолженію*; кои намъ только изображаютъ *скоропреходящую* веселость, а нечувствованія душй, которыя слѣдовали за ложнымъ удовольствіемъ; кои намъ только *настоящее зло* въ вещи, а не *будущее добро*, только печаль не мстить за обиду, а не честь, мщеніе преодолѣть показываютъ. Сіи обманы воображенія, говорю я, суть всегдашнія теченія непорядочныхъ вожделѣній. И сіи же обманы должны

жны мы чрезъ свѣтъ разума разгонять, ежели въ премудрости возрастать и непротивъ нашего счастія *желать*, или *отвращаться* хотимъ. Во время жестокой страсти, происходящей чрезъ воображеніе, или чрезъ предметъ, которой на наши чувства дѣйствуетъ, разумъ теряетъ свои силы, пріятное чувствованіе, или непріятное принуждаетъ его подавать согласіе на желаніе нашего сердца. Слѣдовательно *первому чувствію заблаговременно чрезъ основанія премудрости и добродѣтели должно сопротивляться*, научаться изъ своего собственнаго опыта, или изъ другихъ примѣровъ, сколь обманчиво разсужденіе чувствъ и силы воображенія. Во время *покоя* и *свободы* должно себя вооружать *размышленіемъ* и *разсужденіемъ*, когда о случаяхъ и опасностяхъ, кои на насъ нечаянно напали, или могли бы напасть, разсуждаемъ, случаи, кои съ нами сего дня или завтра встрѣтиться могутъ, представляемъ и премудрости изъ того научаемся, какъ при томъ поступать надлежитъ. Ничемъ не менѣе должно намѣреніе, чтобъ слушаться сей премудрости, часто въ себѣ возбуждать, и сколь скоро случай бываетъ, оное *твердо*, *хотя бы оно сердцу было трудно*, исполнять. Почему привыкнемъ всему, *чему мы не искусились не вѣрить* и сколь скоро возмущеніе страсти примѣтимъ, себя отъ оной свобождать. Вино, которое я теперь предъ своими глазами вижу, или которое мнѣ воображеніе показываетъ, возбуждаетъ во мнѣ представленіе пріятнаго чувствія, которымъ оно ободряетъ, я его вкушаю напередъ; но я знаю, что оно моему здоровью, или по крайней мѣрѣ вредно моему сердцу. Оно ведетъ меня къ безразсудности, къ невоздержно-

сти и безпорядочнымъ желаніямъ; мое воображеніе говоритъ правду, когда оно мнѣ его удовольствіе похваляетъ; но мой разумъ скрываетъ, что отъ сего удовольствія гораздо большее потеряю, кому мнѣ вѣрить? И такъ воспомнимъ, ежели мы безрасудно попускаемъ себя восхищать жестокой склонности, о *большемъ и продолжительнѣйшемъ добрѣ*, которое чрезъ *скоропреходящее удовольствіе* страсти потеряли, о внѣшнемъ и внутреннемъ злѣ, которое чрезъ то привлекли, о томъ, чтобъ должности кратчайшимъ удовольствіемъ жертвовать, или что малѣйшей болѣзни въ честь большаго добра, стерпѣть не хотѣли. Необузданный гнѣвъ какую въ тебѣ, или другихъ скуку и неспокойствіе возбудилъ! Удовольствіе ласкательствующаго сластолюбія, какими попреками тебя, или другихъ наказало? какой непорядокъ въ твоей жизни, и въ твоемъ сердцѣ, какое зло въ бесѣдѣ произвело, и съ такимъ бесчестіемъ тебя предъ твоимъ Творцомъ открыло, что суть слѣдствія чувственнаго нерадѣнія, которому ты себя предаешь, беспрестанныхъ разсѣяній въ новое удовольствіе, за которымъ ты поспѣшаешь, праздности, которой ты себя вручаешь, не суть ли они безчестіе, недостатокъ, удовольствіе тобою самимъ, и наставленія къ новымъ глупостямъ и порокамъ.

Но это столь извѣстно, что непорядочныя склонности и желанія чрезъ обманы воображенія, и несправедливыя представленія разума сохраняются и утверждаются: такъ же и то извѣстно, что сіи представленія чрезъ оныя часто, и можетъ быть всегда, вопервыхъ раждаются. Прежде нежели

жели еще разумъ способенъ есть, попускать себя ослѣплять чрезъ ложныя представленія, ужѐ выходятъ наружу *непозволенныя желанія*, и нѣкоторыя склонности родителей размножаются по большей части въ сердцѣ дѣтей. Такимъ образомъ не рѣдко получаютъ дѣти въ наслѣдство гнѣвъ, сребролюбіе, мщеніе, сластолюбіе. Дѣйствій молодыхъ дѣтей, кои еще помышлять не могутъ, не измѣняютъ ли злыя склонности? Можно наконецъ памятозлобиваго, сластолюбиваго, сребролюбиваго легко уличить, что онъ виду вообраЖенія обманывать себя попускаетъ; но для того перемѣнится ли онъ въ кроткаго, щедроподательнаго и воздержнаго человѣка? и какъ долго сіе увѣреніе удерживаетъ свою силу? Онъ не знал чрезъ что опять впадаетъ въ свои прежнія оковы. Слѣдовательно сперва должно нападать не только на *наши ложныя мнѣнія*, но часто на наши *ложныя желанія*, кои тѣ же погрѣшительныя представленія оживляютъ такъ, какъ сіи подкрѣпляютъ оныя обратно.

Соединеніе нѣкоторыхъ *присовокупленныхъ понятій о превосходствѣ и нравственномъ добрѣ*, или такое о противномъ сему, кои мы приписываемъ чувственнымъ и другимъ предметамъ воображенія, и кои мы частію чрезъ воспитаніе, частію чрезъ обхожденіе съ свѣтомъ получили: сіе соединеніе, говорю, есть новая пища многихъ неправедныхъ желаній и страстей.

Для чего мы столь сильно желаемъ богатства, изобилія, власти, великолѣпія, выгодности, драгоцѣннаго въ кушаньѣ, платьяхъ и другихъ

 вещахъ?

вѣщахъ? для чего почитаемъ оныя за счастіе? для чего противное сему низкое незнатное состояніе, бѣдность и скудность почитаемъ за бѣдствіе? Первое само по себѣ по своему ли естеству счастіе, или по употребленію? другое само по себѣ, по своему ли естеству бѣдствіе, или только по тому, какъ мы его сносимъ? Мы соединяемъ понятія о *нравственномъ достоинствѣ*, или *недостоинствѣ* съ сими предметами, которое имъ *существенно не принадлежитъ*.

Это правда, что богатство есть изрядное средство, много дѣлать добра: но употребляемъ ли мы его на сей конецъ? желаемъ ли мы его столько для того? Мы желаемъ болѣе его изъ корыстолюбія; мы признаемся, что его стяжаніе не дѣлаетъ счастливымъ; что оно не надежно; что оно не столь любви достойно; но мы притомъ темно помышляемъ *о похвальномъ употребленіи*, купно съ его стяжаніемъ, и разжигаемъ и оправдываемъ чрезъ то наши *желанія къ богатству*.

Сіи *темныя понятія о нравственномъ превосходствѣ*, или *нравственномъ злѣ* суть часто тайныя пружины нашихъ жестокихъ желаній. Мы видимъ, что богатыхъ и знатныхъ болѣе почитаютъ, нежели другихъ: и такимъ образомъ понимаемъ богатство и высокое состояніе, яко *соединенное съ нравственнымъ добромъ*; соединенное съ заслугою, съ проницательнымъ разсужденіемъ, съ просвѣщеніемъ, съ добродѣтелію, съ высочествомъ души.

Мы домогаемся чести; и понеже честь предполагаетъ заслугу: то понимаемъ заслугу съ честію, яко соединенную, которую однако рѣдко

въ

въ чести найти можно. Сей славный мужъ сдѣлалъ столь многія похвальныя дѣла. Ты такъ же хочешь сдѣлаться славнымъ; слава есть нѣчто превосходное, но собственно трогаетъ насъ только прелесть славы, а не ея истинное достоинство.

Врастъ ничего столько не ищетъ, какъ великолѣпія. Развѣ не знаетъ Ерастъ, что великолѣпіе само по себѣ не есть добро? Онъ знаетъ это; но онъ понимаетъ великолѣпіе не съ стороны только выгодности и блистанія. Онъ понимаетъ какъ оно пріобрѣтаетъ друзей, и удивителей, намъ славу вкуса, просвѣщенія снискиваетъ, славу разума; какъ столъ, за которымъ своихъ гостей подчиваемъ, производитъ славу быть щедрополателемъ, и обращаться въ знатномъ свѣтѣ. Вмѣсто того, чтобъ онъ сіи пріобрѣлъ свойства, желаетъ онъ ихъ спокойно и безъ труда получить и въ великолѣпіи находитъ. Сіи ложныя понятія принялъ онъ изъ обхожденія не изслѣдывая оныхъ надлежащимъ образомъ.

Котиллъ соединяетъ съ представленіемъ о красотѣ женщины, которую онъ сильно любитъ, различныя понятія о нравственномъ добрѣ, которыя его любовь столь горячею и въ его глазахъ столь благородною дѣлаютъ. Онъ съ понятіемъ красоты купно представляетъ, что веселой и любезной видъ предполагаетъ кроткое и благосклонное сердце, что тамъ больше разума есть, гдѣ пріятность и прелесть, что знатное состояніе и имѣніе его любезной, его любовь тѣмъ паче славною, и его тѣмъ паче счастливымъ дѣлаетъ; что другія изъ любви къ сей особѣ о его вкусѣ, разумѣ, преимуществѣ заключать будутъ.

Не-

Неранъ свое низкое состоянie почитаетъ за бѣдствie. И для чегожъ? развѣ не можетъ онъ въ семъ состоянiи дѣлать добра? развѣ его домъ не есть свѣтъ довольной для него, которой онъ каждой день обязывать можетъ? развѣ тотъ только имѣетъ честь, кто свѣтъ великими дѣлами и великимъ именемъ наполняетъ? тихая похвала непорочныхъ и немногихъ мудрыхъ, основанная похвала нашего сéрдца, не гораздо ли большее имѣетъ достоинство, нежели шума исполненное ненадежное восклицанie свѣта? и похвала божества не высочайшая ли слава, которой искать можно? Развѣ его состоянie есть бѣдно въ разсужденiи чувственныхъ и другихъ веселостей? Неранъ, при умѣренномъ наслажденiи самой простой пищи, не можетъ ли ощущать веселости чувствъ? только ли дорогiя кушанья принадлежатъ ко вкусу? часто не болѣе ли, когда онъ умѣетъ своимъ удовольствieмъ содержать домъ, удовольствiя будетъ имѣть нежели знатной? продолжительность его удовольствiя развѣ не награждаетъ степени чувствительности, которой онъ, кажется не имѣетъ, провидѣнie развѣ не учредило такъ, чтобъ естественное стремленie сохранять самаго себя легко и вездѣ могло быть удовольствовано?

Развѣ всеобщее удовольствie, кое изъ взиранiя на естество, и разсужденiя объ немъ въ насъ втекаетъ, Нерану не столько и не болѣе открыто, нежели знатнымъ?

Долженъ ли онъ вещи, въ коихъ искусство и великолѣпie видны, самъ для того имѣть, чтобъ оными себя довольствовать? стяжанie и наслажде-

ніе ежедневное развѣ не дѣлаютъ сердце безъ чувственнымъ въ разсужденіи такихъ прелестей?

Неранъ развѣ не можетъ веселіе дружества и любви благотворительства и благодарности, сихъ благороднѣйшихъ и притомъ чувствительнѣйшихъ склонностей; не можетъ онъ тайныя и высокія веселія вѣры и ея столь сильныя утѣшенія чувствовать? Долженъ ли онъ для того высокаго достигнуть званія?

Неранъ въ мысляхъ съ низкимъ состояніемъ, съ бѣдностію, соединяетъ нѣкоторое нравственное зло, малое почтеніе отъ другихъ, попреканіе, что не довольно имѣетъ заслугъ, недостатокъ въ друзьяхъ и благодѣтеляхъ, недостатокъ въ случаяхъ благородныя дѣла производить. Онъ думаетъ, что его хорошаго се́рдца не примѣтятъ; и многія такія представленія, кои по большей части изъ неумѣреннаго самолюбія проистекаютъ, помогаютъ ему болѣе самаго себя обманывать, что Моруллъ можетъ воспитывать своимъ имѣніемъ сироту, и что на ето другіе, яко на доказательство его добраго се́рдца взираютъ. Сіе соединяетъ онъ съ понятіемъ богатства; но развѣ сіи благородныя чувствованія и дѣла невмѣстны? Сигмундъ, которой ходитъ за лошадьми Моруллевыми, зоветъ сироту, котораго онъ каждой день на улицѣ безъ призрѣнія и безъ воспитанія подрастающаго видитъ, тайно въ конюшню и научаетъ его читать и писать, и преподаетъ ему основаніе вѣры, и проситъ своего товарища для воспитанія сего отрока. Кто поступаетъ благороднѣе, Моруллъ въ своемъ высокомъ состояніи, или Сигмундъ въ низкомъ.

Трудно

Трудно сіе соединеніе понятій, къ которымъ мы съ младыхъ лѣтъ пріучаемся, и по которымъ непримѣтнымъ образомъ обыкновенно опредѣляемъ достоинство предметовъ, истребить; однако же это есть должность человѣка чрезъ размышленія и искушенія противнаго тому, сіи *представленія, кои только случайно между собою сопряжены*, другъ отъ друга отдѣлить, когда мы *неправильно* разсуждать, не *по ложному изображенію желать* и предметы не господствующими страстями получить хотимъ.

Какъ скоро не правильно и не истинно разсуждать станемъ: то не правильно и ложно желать и чувствовать должны; но мы должны чувствовать и наше сердце не можетъ быть празднымъ. Ежели оно забываетъ свое опредѣленіе къ благороднымъ и лучшимъ предметамъ: то неблагородные должны имъ овладѣть. Сердце любитъ, хвалитъ, ищетъ тогда того, что чувства, общее обыкновеніе, примѣры знатнаго свѣта, бѣдныя разсужденія тѣхъ, коимъ нравится, похваляютъ. Иначе какъ бы могли охота, плясаніе, ѣзда и нѣкоторыя другія упражненія тѣла, нѣкоторыя употребленія и обряды, часто совсѣмъ къ себѣ привлекать склонности, младости и старости? Какъ бы можно было рѣшить, чтобъ разумные свое достоинство въ способности много пить, въ искусствѣ себя бить, въ преимуществѣ себя богатѣе, нежели другія одѣвать искали; когда мы въ мысляхъ съ сими вещами не соединяемъ *нравственнаго* достоинства, котораго оныя однако рѣдко имѣютъ.

И такъ вообще научимся благородной неимовѣрности на свое разсужденіе и на свои удовольствія, и на то, чего гнушаемся, предпишемъ своимъ чувствамъ, сопротивимся чувствіямъ чрезъ силы разума, и не только воззримъ на *степень*, но и болѣе на *продолжительность* удовольствія, или неудовольствія. Почтемъ достоинство добра, или его недостоинство всегда такъ, чтобъ мы удовольствіе, которое за тѣмъ слѣдуетъ, или бѣдствіе, кое съ нимъ соединено, такъ же привели въ сумму. Наконецъ часто помыслимъ, сколь ненадежны и непостоянны всѣ удовольствія, кои отъ внѣшнихъ вещей зависятъ, что мы никогда не можемъ избѣгнуть всѣхъ печалей, ни тѣхъ, кои насъ особенно, ниже тѣхъ, кои насъ въ союзѣ съ другими касаются, и что мы безъ вѣры никогда спокойны не бываемъ (*).

Седмое правило. *Себя по увѣреніи о превосходствѣ добродѣтели утверждать, и нашу силу къ добродѣтели умножать, все мы имѣемъ надежной путь*,

(*) Средства противъ непорядковъ, кои отъ страстей проистекаютъ.

I. Противъ непорядковъ въ разумѣ:

1) Должно удаляться торопливости и не быть весьма скору своимъ разсужденіемъ.
2) Должно доходить даже до источника своего воспитанія, чтобъ пороки онаго открыть и предразсужденія, къ коимъ чрезъ оное привыкли, тѣмъ охотнѣе отвергать.
3) Должно себѣ избирать друга, которой довольно разуменъ, чтобъ познать истинну, довольно великодушенъ оную открыть.

II.

путь, путь внутренняго опыта, и продолжаемаго исправленія своихъ должностей; слѣдовательно, что будетъ извѣстнѣе, какъ что мы симъ путемъ итти должны.

Наше сердце имѣетъ *начальное чувствіе добра и зла*, позволеннаго и непозволеннаго, которое есть вѣрнѣе, нежели всѣ доказательства. Но какъ ты можешь свѣту разума сопротивляться, и оной помрачать: то можетъ и внутреннее нравственное чувствіе ослабить и удержать. Какъ мы

II. Противъ непорядковъ въ чувствахъ:
1) Должно себя предостерегать, чтобы вещи, кои возбуждаютъ страсть, часто не повторять.
2) Должно удаляться праздности.
3) должно нѣкоторое насиліе причинять чувствамъ.

III. Противъ непорядковъ въ воображеніи:
1) Должно нѣкоторыя начертанія воображенія впечатлѣть, которое можно призывать въ помощь, когда страсть въ насъ изображенія возбуждаетъ, кои ко злу прельщаютъ.
2) Для того должно себѣ изъ истинной вѣры тѣ начертанія изыскивать, кои намъ кажутся быть наиспособнѣйшими защищать господство надъ душею, на пр. часто должно помышлять о смерти, судѣ, вѣчности, какъ блаженной, такъ несчастливой, о вездѣсущіи Бога.

IV. Противъ непорядковъ въ сердцѣ:
1) Должно неспокойствіе и ненасытимость своего сердца новымъ предметомъ чрезъ то врачевать, чтобъ мы всѣ твари, коихъ мы чрезмѣрно почитаемъ, и часто такъ забошно желаемъ, полагали въ числѣ суеты.
2) Чаще должно отъ тварей восходить къ Творцу и пріобучать себя, вездѣ Бога находить.

Саврин. пропив. 11. часть IX. проп.

мы должны смотрѣть на изреченіе разума: то должны смотрѣть на похвалу или непохвалу нашего сéрдца, или совѣсти. Ея побужденіямъ къ добру сопротивляться, ея попрековъ за зло не слушать, значитъ сердце въ разсужденіи добра и зла нечувствительнымъ, и себя вѣрнѣйшаго совѣтника недостойнымъ и лишеннымъ дѣлать. Не хотѣть знать, что въ нашемъ сердцѣ дѣлается, наконецъ туда насъ ведетъ, что мы того знать не можемъ; и въ рукѣ безпечности и разсѣяніи до того доходить, и чувствіе добра въ себѣ не возбуждать, есть столько же, сколько оное подавлять и уничтожать. Ежели можно чувствовать достоинство добродѣтели, и сіе чувствованіе есть сильнѣйшое побужденіе къ добродѣтели: то нѣтъ надежднѣйшаго средства, сіе блаженное чувствіе утверждать, какъ чтобы мы не пренебрегали *случая, свою должность отправлять* и о внутренней похвалѣ свѣдущими дѣлаться. Благополучной успѣхъ нашей должности, которой насъ собою самими довольными дѣлаетъ, умножаетъ нашъ вкусъ въ добродѣтели, подаетъ намъ бодрость и охоту къ новымъ предпріятіямъ, и возбуждаетъ притомъ омерзѣніе ко злу. Чрезъ то умножается сила справедливо поступать, трудъ всегда бываетъ легче, и должность, которая насъ похвалою сéрдца награждаетъ, пріятнѣе. Мы опытомъ познаéмъ, что путь должности, есть путь къ спокойствію; и чрезъ сіе самое же путь божественной; и чрезъ сіе увѣреніе пробужается намѣреніе, всегда новыми утвержденіями въ нашемъ сердцѣ по немъ безъ изъятія ходить. Злую склонность попрать, страсть побѣдить, непозволенное дѣло оставить, и тогда радость о своей побѣдѣ ощущать и безче-

стное, кое чрезъ все побужденіе порока проницаетъ, въ своей душѣ чувствовать, сіе безспорно увѣряетъ, что добродѣтель есть отъ Бога, и возобновляетъ мнѣніе, себѣ наказанія достойныя склонности ни чрезъ воображеніе, ни чрезъ исполненія не позволять. Сердце получаетъ силы, неблагороднаго движенія не терпѣнь, потому что оно чувствуетъ, что чрезъ сіе терпѣніе растетъ склонность къ пороку, и что страсти, кои мы часто и безъ сопротивленія чувствуемъ, чрезъ тоже сильнѣе и чрезъ исполненіе еще не насытнѣе становятся. Ежели бы мы вскорѣ *съ первыхъ лѣтъ* нашея жизни о себѣ чистосердечно старались, склонность къ чувствительности и сластолюбію, къ корыстолюбію, къ неумѣренности, къ гордости, къ зависти, къ неправдѣ, къ лютости и жестокости удерживать, сколь бы *достойнѣе* любви была намъ добродѣтель, сколь бы порочныя дѣйствія нашей будущей жизни чрезъ то были препятствуемы, и сколь бы твердо въ насъ говорилъ гласъ добра! должны ли удивляться, что мы *въ мужескомъ* возрастѣ столь мало чувствуемъ склонности къ добродѣтели, когда мы въ младыхъ лѣтахъ объ оной не старались, или чрезъ *непорядки совсѣмъ попрали*? должны ли удивляться, что намъ *должности мужа* несносными бываютъ когда мы *должности молодаго человѣка* не исправили? не умѣншается ли любовь къ добру чрезъ оставленіе добра? не умножается ли склонность ко злу чрезъ исполненіе? не бываетъ ли привычка къ закону естества? по чему *помышляй*, молодой человѣкъ, *о твоей должности*, *въ твоей молодости*, прежде нежели злые дни придутъ, силы душевныя умалятся, живность твоего духа по

гаснетъ,

гаснетъ, сердце чрезъ привычку во злѣ ожесточится. Что прекраснѣе, какъ совѣстной юноша, которой весну своей жизни *невинностію* украшаетъ, и добродѣтель *за благовременно любить* научается? его наука есть *радость*, и его искусство *скромность*; ибо радость провождаетъ охотно его сердце, которое праведно поступаетъ. Сколь далеко онъ въ своихъ мужескихъ лѣтахъ на пути добродѣтели простирается, и сколь счастливъ будетъ старикомъ, когда онъ на прошедшія лѣта своей жизни не только безъ страха и ужаса, но съ радостію душевною и похвалою вѣчнаго законоположителя взирать можетъ? что насъ по большей части трогаетъ въ лицѣ пріятной особы обоего пола? не суть ли это чувствованія *невинности, чистоты и доброты сердца*, кои на лицѣ изображаются, и намъ описываютъ сокровенную душу, слѣдовательно сколько добродѣтель должна украшать душу, когда она есть украшеніе лица, и сколько порокъ долженъ безобразить душу, когда его худыя черты, на лицѣ изображенныя, глазъ исполняютъ отвращеніемъ!

Ложное размышленіе, которое столь многихъ отъ своей должности отдаляетъ, такъ, какъ бы *добродѣтель истребляла радость жизни, и надлежалобъ перестать быть человѣкомъ*, чтобъ жить добродѣтельно, не можно счастливѣе опровергнуть, какъ чрезъ внутреннее чувствованіе добра, въ которомъ твердо и продолжительно упражняется. Такъ же ложная есть стыдливость, когда при своей должности опасается попрековъ своихъ товарищей и ихъ презрѣнія; когда при строгой добродѣтели самихъ себя спрашиваемъ: „Но что

 „будетъ

„будетъ думать о тебѣ свѣтъ, не будетъ ли „онъ тебя почитать нелюдимымъ, Ипохондри„комъ и лицемѣромъ"? Сія обманчивая стыдливость часто уже молодаго человѣка совращала, и сердце мужа дѣлало колеблющимся. Она такъ же можетъ лучше удержана быть чрезъ противное, чрезъ чувствованіе достоинства добродѣтели, кое мы изъ долговременнаго опыта познаёмъ. Можно чувствовать, что истинная честь состоитъ въ похвалѣ нашей совѣсти; а не въ обманчивыхъ разсужденіяхъ другихъ. Чрезъ сердечное наблюденіе своихъ должностей можно достигнуть чувствованія высочайшей радости и утѣшенія, что Всемогущій нашъ есть другъ, и сіе утѣшеніе не будетъ ли намъ подавать бодрости къ постоянному пребыванію въ добродѣтели?

Осмое правило. *Примѣры имѣютъ удивительную силу въ нашемъ разумѣ и въ нашемъ сердцѣ и потому представленіе оныхъ и обхожденіе съ непорочными людьми есть сильное средство, насъ въ премудрости и добродѣтели утвердить и сохранить.*

Мы всѣ съ природы съ охотою подражаемъ, и непримѣтно принимаемъ склонности и чувствованія тѣхъ, коихъ высокопочитаемъ и съ коими обходимся, и какъ мы отъ лучей солнца при которомъ ходимъ, получаемъ цвѣтъ и теплоту, не думая о томъ: то изображаетъ и обхожденіе, хотя мы о томъ не думаемъ, нашъ вкусъ и нравы: *ходяй съ премудрыми, премудръ будетъ, ходяй же съ безумными, познанъ будетъ* (*). Изъ всѣхъ

(*) Прит. Сол. 13. 20.

всѣхъ искушенiй, кои насъ отъ добродѣтели отвлекають, и непримѣтнымъ образомъ къ пороку приводить могуть, злая бесѣда есть наиопаснѣйшая, и для того должность, себя отъ оной предостерегать, и ея отрекаться есть велика. Никто такъ же не ласкательствуй себѣ, будто онъ имѣетъ истинное намѣренiе быть добрымъ, или становиться, и себя отъ порока предостерегать, которой тщательно не удаляется искушенiй и случаевъ къ онымъ. Ежели уже мы въ худыя бесѣды попались: то хотя избѣжанiе весьма трудно; однако весьма нужно. *Не иди въ путь съ ними молодой человѣкъ, уклони ногу твою отъ стезь ихъ; ибо путiе нечестивыхъ темны, не вѣдять како претыкаются* (*). Напротивъ того єто вѣроятнѣе всего, что мы въ хорошихъ бесѣдахъ менѣе случая къ искушенiямъ, а чаще къ добрымъ поступкамъ находимъ. Одна сiя выгода должна уже сильною быть насъ къ тому склонить, что бы мы бесѣды *разумныхъ и непорочныхъ* искали, и всячески старались достойными дѣлаться ея благоволенiя.

Сюда принадлежитъ особенно непорочной и добродѣтельной другъ, которой намъ во взаимной любви и годахъ равняется. Какая выгода въ его рукѣ любовiю быть провожаему, чрезъ его примѣръ ободряему, чрезъ его похвалу награждаему, чрезъ его совѣтъ подкрѣпляему, чрезъ его прозьбу часто, чрезъ его взглядъ угрожаему и утверждаему, чтобъ можно было на пути добродѣтели простираться! найти *мудраго и благочестиваго друга*, есть неоцѣненное благополучiе, одно изъ

(*) Прит. Сол. 1. 15. 4. 19.

величайшихъ благодѣяній, кои намъ промыслъ на свѣтѣ оказываетъ, но такого друга искать есть одна изъ наивеличайшихъ должностей, его почитать и ему подражать, единая истинная благодарность, чрезъ которую мы можемъ себя сдѣлать достойными такого счастія.

На конецъ себѣ вообще хорошіе примѣры своихъ, или протекшихъ временъ, часто представлять, онымъ обучаться, и чрезъ оныя къ подобной ревности въ добрѣ себя наставлять, часто воспоминать о примѣрахъ тѣхъ, кои чрезъ порокъ видимо наказаны, и въ ихъ несчастіи учиться познавать и чувствовать бѣдствіе порока; кто не познаетъ сего средства къ премудрости, и кто не можетъ онаго употреблять! Каждое состояніе, каждой возрастъ, каждой полъ имѣетъ свои примѣры къ добродѣтели; но такъ же извѣстны ихъ опасные примѣры, кои намъ сказываютъ, какими мы быть не должны. Сіи примѣры дѣлать себѣ полезными какъ всегда, такъ особенно въ нашихъ младыхъ лѣтахъ, есть счастіе для нашихъ нравовъ, и величайшая похвала нашего начертанія. Плиній прославляетъ въ одномъ письмѣ съ сей стороны нѣкотораго молодаго человѣка Юніа Авита, котораго у него отняла смерть. „Его „великое благоразуміе (говоритъ онъ: какъ онъ „прежде оплакивалъ свою потерю), состояло въ „томъ, что онъ другихъ разумнѣе, нежели себя „самаго почиталъ, и его особенное ученіе въ „томъ, что онъ отъ другихъ хотѣлъ научиться. „Всегда онъ спрашивалъ о томъ, что касалось либо „до наукъ, либо до должностей жизни. Такимъ „образомъ всегда возвращался лучшимъ отъ того,

„что

„ что онъ слышалъ, или о чемъ спрашивалъ„ (*). Въ разсужденіи сего изображенія отъ руки весьма ученаго и благонравнаго политика, не можете вы слушатели быть безчувственны. И ежелибъ ето дозволено было публично сказать, что въ дружескомъ письмѣ безъ погрѣшности смѣемъ сказать, тобъ я великую часть сея похвалы употребилъ на одного молодаго Авита, исполненнаго славы, котораго я не давно, и въ которомъ можетъ быть многіе изъ васъ изряднаго друга лишилися, то есть Браве. Остановимся на его напоминовеніи!

ДЕСЯТОЕ УЧЕНІЕ.

Всеобщее средство къ достиженію и умноженію добродѣтели.

Девятое правило. Мы въ сіе время окончиваемъ ученіе о всеобщихъ средствахъ разума къ достиженію добродѣтели, кой мы прежде въ нѣкоторыхъ правилахъ предложили, послѣднее касалось до силы примѣровъ и обхожденія съ непорочными людьми. Къ сему обхожденію причисляю я *обхожденіе съ хорошими сочиненіями для разума и сердца*, въ которыхъ проницательство и краснорѣчіе совокупляются, чтобъ защищать истинну и добродѣтель, и въ читателѣ возбудить вниманіе.

Излишно будетъ вамъ слушатели, вопервыхъ одобрять сочиненія мудрыхъ въ древности, писанія Платона, Ксенофонта, Теофраста, Цебета, Епиктета, Антоника, сочиненія Цицерона и Сенеки.

(*) Плин. письм. кн. 8. письм. 23.

неки. Они болѣе нежели съ одной стороны драгоцѣнны, то какъ почтенія достойные остатки здраваго разума, то какъ доказательства слабости разума, когда оной не подкрѣпляется откровеніемъ. Ревность изобрѣтать истинну и добродѣтель, о которой сіи сочиненія свидѣтельствуютъ, прилѣжность, краснорѣчіе и естественная доброта сéрдца, съ которыми они почти всегда писаны, заслуживаютъ и награждаютъ вниманіе читателей. Но посредѣ стараній насъ сдѣлать мудрыми и добродѣтельными, легко могутъ они намъ вмѣсто добродѣтели, вдохнуть гордость, которая видомъ только добродѣтели украшается. Сіе особенно касается до Стоическаго нравоученія. Его великолѣпныя прáвила надуваютъ слабое сéрдце, ласкательствуютъ ему крѣпостію, которой оно не имѣетъ, и поручаютъ его естественной своей нéмощи.

Мы въ наши времена имѣемъ гораздо превосходныя до нравовъ касающіяся сочиненія, гдѣ свѣтъ вѣры съ свѣтомъ разума соединяются, или гдѣ вѣрою просвѣщенный разумъ насъ наставляетъ и трогаетъ, я намѣренъ нѣкоторыя изъ оныхъ избрать, не такъ какъ бы я думалъ, что они вамъ были совсѣмъ неизвѣстны; но чтобъ ваше почтеніе къ симъ сочиненіямъ, чрезъ мое одобреніе утвердить, и вамъ малую и недорогую нравственную библіотеку изобразить, и похвалить.

Мосгеймово *нравоученіе* по моему чувствованію есть очень драгоцѣнное сочиненіе; при премудрости вѣры, купно исполнено основательной мудрости разума, и исполненно превосходныхъ

толко-

толкований изъ царства наукъ; и съ познанiемъ человѣческаго сердца, которое въ томъ господствуетъ, исполнено купно краснорѣчiя, которое читателя приводитъ въ забвенiе того, что онъ пять великихъ книгъ читаетъ, и его почти на концѣ недовольнымъ дѣлаетъ, что еще болѣе ихъ нѣтъ; сочиненiе остроумiя и учености, сочиненiе такого мужа, которой былъ честiю нашего столѣтiя, и которымъ вѣки еще пользоваться, и коему удивляться станутъ, котораго именемъ можетъ быть наши потомки, когда они вѣкъ хорошаго вкуса въ Нѣмецкомъ краснорѣчiи опредѣлить хотятъ, оное будутъ называть Мозгеймовымъ, какъ обыкновенно изрядной Перiодъ Греческой Философiи называется сократовымъ. Я особенно ободряю тѣхъ изъ васъ, кои себя посвящаютъ проповѣдническому мѣсту, чтобъ нравоученiе сего мужа читать рачительно, и себѣ такъ же изъ того дѣлать перечень. Да и я прошу васъ неотступно, оное впредь при публичныхъ должностяхъ вашихъ еще дѣлать, и его проницательствами, ученостiю, его основательными изслѣдованiями С. Писанiя, его познанiемъ человѣка, и его краснорѣчiемъ и прiятностiю свое проницательство и краснорѣчiе питать. Покойной *Геснеръ* называетъ сiе сочиненiе по справедливости сокровищемъ для духовныхъ витiй. Кто оное съ большею пользою читать хочетъ, тотъ прежде хорошо знать долженъ главной Перечень Господина Доктора *Миллера*.

Баумгартово и Крузiево *нравоученiе* хотя оба только на языкѣ ученомъ, которой часто еще изустныя толкованiя предполагаетъ, сочинены,

ны, и не собственно принадлежатъ къ нашей запискѣ: однако оныя многія имѣютъ заслуги основанія, совершенства и доброты се́рдца, такъ, что я не могъ не одобрить. Они особенную будутъ пользу приносить тѣмъ, кои другихъ о должностяхъ разума и вѣры наставлять хотятъ.

Гутхесово и Фордиково *нравоученія разума.* Сіи оба Агличане объясняютъ и защищаютъ право добродѣтели, требованія совѣсти и разума весьма удобопонятнымъ способомъ. Они вездѣ человѣка ведутъ къ любви общаго совершенства, къ поклоненію и любви Бога, яко къ его высочайшему закону, и къ его свойственному счастію. Свойство ихъ особенно состоитъ въ томъ, что они какъ должность и се́рдце человѣка изъ основательныхъ положеній, такъ гораздо болѣе его должность и добродѣтель изъ начертанія се́рдца, изъ его нравственныхъ чувствованій добра и зла объяснять, и подобно испытателямъ естества изъ наблюденій и опытовъ нравственнаго состава учреждать старались. Но оба особливо первой, свое нравоученіе больше нежели какъ должно основываютъ на нравственномъ вкусѣ, которой Шафтсбури сперва чрезъ свои сочиненія у Агличанъ ввелъ въ употребленіе. Фордикъ былъ Гутхесоновъ ученикъ, и его сочиненіе кажется имѣетъ въ разсужденіи краткости преимущество предъ сочиненіемъ учителя, Гутхесонъ короче нравоученіе написалъ и на Латинскомъ языкѣ, которое бы я желалъ предпочесть его пространнѣйшему сочиненію.

Рихарда Луки надежной путь къ истинному блаженству съ Аглицкаго переведенный, въ 3

частяхъ,

частяхъ, поучительное сочиненіе, которое лучше называть пространнымъ, нежели недостаточнымъ.

Базедова Профессора Алтонскаго практическая Философія, для всякаго званія полезная и хотя не для ученаго, однако знать желающаго читателя, въ многихъ словахъ очень достойная книга. Онъ наставляетъ свѣтъ, его должностямъ столь же легко, сколь основательно, и знаетъ чрезъ различіе и важность матеріи, чрезъ плодовитость и краткость, чрезъ простое предложеніе глубокомысленныхъ основаній, чрезъ живой штиль, чрезъ блистающую вездѣ ревность къ истиннѣ и добродѣтели, къ должности и вѣрѣ, къ пользѣ свѣта, пріобрѣтать вниманіе читателя и хранить. Придворной, купецъ и мѣщанинъ, и самой другой родъ могутъ много пользы получить изъ сего сочиненія. Онъ часто изобрѣтаетъ самъ, часто вновь, иногда смѣло, но онъ и не стыдится быть ученикомъ *Пуффендорфа*, *Баумгарта*. *Мосгейма*, *Крузія*, *Гутхенсона* и *Монтенскія*, Можетъ быть онъ могъ бы въ порядкѣ вещей къ ситемѣ, безъ всякой заботы ближе подойти наибольшихъ начертаній *Туссента* не имѣть, штиль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить, и нѣкоторыя жестокія положенія попрать. И сколько бы онъ нѣмецкое общество обязалъ, ежели бы вмѣсто своего столь соблазнительнаго Филалетіа свою практическую философію передѣлалъ, которую предъ нимъ никто столь полезно не расположилъ. Еще полѣзнѣйшее для молодыхъ людей есть *нравоученіе изъ естественнаго познанія Бога* и *свѣта*, которое онъ для своего сына 1768 сочинилъ, и въ которомъ сочиненіи еще присовокупилъ

купилъ *всю естественную мудрость*, *въ приватномъ состояніи благонравныхъ* гражданъ.

Главнѣйшія истинны естественнаго закона въ десяти толкованіяхъ удобопонятно защищены и объяснены, сочиненіе покойнаго Профессора Реймара въ Гамбургѣ, которое похвально по добротѣ содержанія, или штиля. Такъ же Бутлера Епископа *Дергамскаго сходство естественнаго и откровеннаго закона изъ обыкновеннаго теченія естества*, по причинѣ новости доказательства для христіанскаго закона, которой онъ изъ сходства съ естествомъ производитъ, есть чтенія достойно, и при всемъ глубокомысліи, съ которымъ въ немъ употреблено разсужденіе, и безъ всякой красоты штиля, которая здѣсь не могла имѣть мѣста, однако столько же увеселительно, сколько поучительно для внимательнаго читателя. И когда то особенно не только высокая, но и высочайшая должность нашего разума себя изъ основаній увѣрять о истиннѣ и надежности божественнаго откровенія, чтобъ оное съ почтеніемъ принять яко правило нашей вѣры и поступка во всей нашей жизни; то къ нашей библіотекѣ собственно принадлежатъ нѣкоторыя изъ превосходныхъ сочиненій сего рода, изъ коихъ я вамъ теперь только два не большихъ похвалю т. е.

Докт. Самуила Сквира *представленіе надежности, важности и согласія естественнаго и откровеннаго закона* Господиномъ Цолликоферомъ 1764. здѣсь въ Леипцигѣ переведено, и еще болѣе одобряю вамъ.

Г. Докт. Нессельта въ Галлѣ *сокращенiе защищенiя, истинны и божественности христiанскаго закона.* Вы едва ли въ семъ родѣ что найдете основательнѣе и короче, понятнѣе и прекраснѣе помянутаго сокращенiя и большаго сочиненiя сего же остроумнаго богослова.

Лавовы *ко всѣмъ христiаномъ поощренiя къ благочестивой и блаженной жизни*, я называю сiю книгу особенно для удачливаго способа, которой употребилъ сочинитель, чтобъ чрезъ начертанiе и изображенiе христiанское нравоученiе изъяснить и для жизни употребить. О когда бы по крайней мѣрѣ нравоучители, кои пишутъ для свѣта, а не для школъ, симъ изряднымъ путемъ пошли за нимъ въ слѣдъ! мы часто всеобщiя правила добродѣтели знаемъ обстоятельно, однако ихъ пространство и ихъ употребленiе познаемъ мало. Мы часто знаемъ глупости и порокъ людей вообще, однако не знаемъ въ различныхъ видахъ, кои они въ жизни принимаютъ, въ тайныхъ и не прямыхъ проходахъ, чрезъ кои они своей мѣты достигнуть стараются. Я признаюсь, что непорочной Лавъ въ своемъ нравоученiи требуетъ нѣкогда лишняго, и строжайшее уединенiе чрезмѣрно похваляетъ; но сей порокъ его сочиненiя, многими онаго заслугами награждается. Я къ сему писанiю еще прилагаю сочиненiе извѣстнаго Аглицкаго Богослова.

Додрингово *начало и продолженiе истиннаго въ человѣческой душѣ* благочестiя, сiя книга заслуживаетъ почтенiе не столько въ разсужденiи силы красноречiя, сколько въ разсужденiи силы къ созиданiю его, ясное и краткое наставленiе сходно съ начертанiемъ и обстоятельствами всѣхъ

Чита-

читателей, кои суть чистосердечны, и желаютъ быть благочестивыми, и всегда болѣе такими дѣлаться. Это переведено на всѣхъ почти живыхъ языкахъ: но пускай будетъ сія, или другая книга, которая нашему вкусу еще болѣе нравится, (и сколь бы превосходно было сочиненіе покойнаго Арнда, въ семъ концѣ ежели оно всегда съ такою же точностію было писано!) какъ оно благочестивымъ сердцемъ написано: пускай будетъ, говорю; сіе или другое сочиненіе, на пр. *цѣлая должность человѣка.* Бернардово *толкованіе о превосходствѣ христіанскаго закона*, славная книга на способныя части раздѣленная; Крамеровы *набожности, въ разсужденіяхъ, молитвахъ и пѣсняхъ о Богѣ, его свойствахъ и дѣлахъ*; или Сейлеровъ *духъ и чувствованія съ разумомъ согласнаго христіанства*, хорошее сочиненіе къ созиданію, недавно (1769) появившееся, то хотя не ежедневное; однако частое употребленіе поучительной и созидательной книжки, есть спасительнымъ средствомъ къ утвержденію въ вѣрѣ и добродѣтели.

Поутру когда душа еще свѣтлѣе и подобно какъ чрезъ сонъ обновлена, принимаетъ представленія, и впечатлѣнія истинны и добра, тѣмъ охотнѣе и живѣе; и въ сихъ впечатлѣніяхъ каждой день имѣемъ нужду. Оныя должны всегда въ насъ возобновляемы быть, чтобъ всегда были у насъ въ мысляхъ, когда лѣнивыми становимся въ нашихъ должностяхъ, или въ искушеніе преступленій впадаемъ, и правило для изображенія и попеченія о своемъ сердцѣ, и для созиданія лучшіе полчаса свѣтлаго утра и тихой ночи употребить, развѣ строгое есть правило? каждое утро

для

для насъ есть новое востаніе къ жизни. Сколь будетъ спасительно пробудившуюсь душу утверждать въ премудрости и добродѣтели, ея во увѣреніи о истиннѣ ея вѣры, о ея искупленіи, о прощеніи грѣховъ, о святости и благотворительствѣ ея должностей, укрѣплять? каждой исполнившійся день, есть краткая исполнившаяся жизнь душй. Сколь спасительно будетъ отъ нея требовать отчета, и ея премудростію питать, которая насъ совѣстными и къ вѣчности способными сдѣлать должна? Каждая ночь есть для насъ явное подобіе смерти, мы живемъ чтобъ умереть, каждое утро есть явное подобіе воскресенія; мы умираемъ, чтобъ опять ожить. Сіи времена по преимуществу неспособны, нашъ духъ въ различныхъ явленіяхъ жизни къ своимъ должностямъ утверждать и къ послѣднему и величайшему важно и торжественно предуготовлять. Хорошая книга, которая въ семъ насъ стараніи подкрѣпляетъ, съ сей стороны разсуждаемая есть еще болѣе, нежели мудрой пріятель. Сего не всегда, не прямо въ лучшіе часы можно имѣть. Какое Божеское благословеніе для душй въ такихъ минутахъ многія изъ нашихъ духовныхъ пѣсень, а особливо древнихъ! сколь кратко и означительно увѣщеваютъ разумъ, и какъ утверждаютъ они сердце къ успѣху въ добродѣтели, и къ побѣдѣ во время искушенія!

Нѣкоторыя сочиненія, кои къ познанію и почитанію Бога изъ естества приводятъ.

Дергамова *Астротеологія* и *Физикотеологія*, хотя штиль сихъ двухъ сочиненій не имѣетъ особенной пріятности: однако читателя любопытнаго

пытнаго могутъ весьма наставить, и его сердце отъ чудесъ естества къ почитанію своего Создателя и Содержителя приводить. Покойный Фабрицій оныя перевелъ, и пространною запискою сочиненій сего ро́да обогатилъ, кои однако по большей части только для любопытства ученыхъ написаны.

Позорище естества Игумена Плюша; по большей части полезная книга. Еще полезнѣе было хорошее сокращеніе оной.

Сулцеровы *нравственныя разсужданія о дѣйствіяхъ естества*, *и его разговоры о красотѣ естества*. Малая краснорѣчиво и вкусно сочиненная книга, каковыхъ мы болѣе имѣть должны.

Герфейевы *созидательныя разсужденія о великолѣпіи творенія они бы можетъ быть*, большее дѣлали впечатлѣніе, ежели бы расположены были основательнѣе и аллегоріевъ менѣе имѣли.

Ніевенгига *справедливое употребленіе разсужденія о свѣтѣ, для познанія могущества, премудрости и благости Божіей*; Профессоромъ Сегнеромъ 1747 свободно переведенное. Сіе сочиненіе нѣкотораго Голландца при всей своей величинѣ гораздо пріятнѣе читать, нежели Аглічанина Рая, *Зеркало премудрости и могущества Божія*, которое хотя много доброты въ разсужденіи матеріи, но много и излишной учености скучнаго штиля имѣетъ. Сіе послѣднее уже 1717

на

на нашъ языкъ переведено. Такимъ образомъ и Волфа *сочиненія о концахъ естественныхъ вещей и о употребленіи частей въ человѣкѣ, въ животныхъ*, растѣніяхъ могутъ насъ полезными проницательствами въ естество обогатить; но еще болѣе

Боннета *разсужденія о естествѣ* госп. Проф. Тиціемъ переведенныя (*Лейпциг.* 1766). Сіе сочиненіе нѣкотораго еще славнаго живаго испытателя природы въ Швеціи, есть изъ наиполезнѣйшихъ, понятнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ своемъ родѣ. Оно состоитъ въ нѣкоторомъ числѣ изображеній тварей земныхъ въ меньшей мѣрѣ написанныхъ; и сочинитель описываетъ здѣсь подобно, какъ краткую всеобщую исторію естества, и его главное намѣреніе есть то, чтобъ великой союзъ всѣхъ натуры дѣйствій, всегдашнюю цепь и точное единообразіе оныхъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ читателю представить, и ему вездѣ могущаго и мудраго начальника показывать, и заставлять его почитать онаго. Оно возбуждаетъ любопытство читателя, не утруждая его, и не принуждая весьма его вниманіе.

Вообще ябъ желалъ весьма изрядной натуры катихизисъ для свѣта, т. е. краткое понятіе о чудесахъ естества, и введеніе, какъ бы каждой разумной зритель естества своими собственнаго глазами ея мудрость, порядокъ, красоту и великолѣпіе изслѣдывать, и себя отъ обыкновеннаго порока нечувствительности освобождать могъ; въ которой мы при естественномъ разсматриваніи чудесъ, неба и земли обыкновенно впадаемъ. Плю-

ша *позорище естества* есть может быть великой уже катихизисъ, по крайней мѣрѣ есть сочиненіе въ восьми книгахъ состоящее. Ябъ лучше желалъ малѣйшее живымъ духомъ Фонтенелла, и блаженнымъ сердцемъ Дергама написанное. Крамеръ въ своихъ на *божныхъ разсужденіяхъ* отъ части сіе *желаніе* исполнилъ. Въ *царствѣ естества* и *нравовъ* и въ *прочѣ многія находятся* разсужденія и раздѣленія дѣйствій натуры, кои для простаго разума понятны и поучительны.

Каждыя порознь нравоучительныя писанія, *кои* по большей части съ великимъ сочинены остроуміемъ.

Строгость нравоученія не всю пріятность остроумія отвергаетъ. Оно, чтобъ пріятнѣе казаться, часто принимаетъ пріятной видъ, и одѣваетъ свой штиль въ прелесть. Оно наставляетъ краткими, остроумными положеніями, то начертаніями, и нравственными вымыслами, то сатирическими изображеніями, то краткими толкованіями, гдѣ оно полезное соединяетъ съ пріятнымъ, и сухое, которое основательность съ собою обыкновенно приводитъ, чрезъ живность скрываетъ; дозвольте намъ нѣкоторыя изъ такихъ сочиненій именовать.

Начертанія Дела Брюера, почтеніе къ нимъ уже почти цѣлой вѣкъ *продолжается*. Такъ же Аббатта Трюблета *опыты, просвѣщенія и нравоученія* въ разсужденіи различныхъ не большихъ нравственныхъ сочиненій, еще суть чтенія достойны.

Мѣры

Мѣры Г. де Рошефукольта *и Маркизы* дела Сабли. Хотя первые суть остроумны; однако были бы полезнѣе, ежели бы остроуміе сочинителя не столько трудилось, человѣческую добродѣтель унижая только до честолюбія и собственной корысти. *Мадамъ* дела Сабли, справедливѣе разсуждаетъ, нежели Рошефуколтъ хотя не столь остроумно.

Опредѣленіе человѣка Господина Пробста Спалдинга небольшая теорія нравоученія прекрасная въ разсужденіи простаго расположенія, и живности и штиля; нравоученіе разума, которое отчасти почерпалъ изъ нравоученія вѣры.

Рабенера *Сатиръ* а особливо первая, вторая и четвертая часть. Начертаніе сего мужа столько же много заслуживаетъ почтенія, сколь его природная острота. *Учитесъ* отъ его примѣра, чтобъ можно быть первоначальнымъ писателемъ, однакожъ притомъ для дѣлъ отечества, трудолюбивѣйшимъ и полезнѣйшимъ мужемъ.

Томасъ Аббатъ *о заслугѣ* (въ Берлинѣ: 1765. 8) сіе сочиненіе писано остроумно, краснорѣчиво, смѣло, и такъ что видно, сколь много онъ книгъ читалъ. Оно наставляетъ и довольствуетъ. И тамъ, гдѣ мы на мнѣнія писателя согласиться не можемъ, однако нравиться онъ способомъ, какимъ оный говорилъ, которой не рѣдко есть способъ первоначальнаго писателя. Онъ кажется лишно хвалилъ *Монтенскіе*, напротивъ того знаетъ онъ *Руссо* своимъ *Емиломъ* щастливо укротить. Словомъ, оно суть остроумныя разсужденія о достоин-

ствѣ заслуги разумнаго человѣка и гражданина. Ябъ желалъ, чтобъ онъ о сей заслугѣ болѣе и чаще въ свѣтѣ откровенія разсуждалъ. И съ сей стороны показалъ и примѣры достойнаго славы изъ писанія и церковной исторіи привелъ и свое сочиненіе, которое учить должно, въ не столько остроумномъ и сокращенномъ штилѣ написалъ. Онъ часто въ своемъ штилѣ замѣшивается сравненіями, не со всѣмъ прямыми Метафорами, и употребляетъ новоизобрѣтенныя слова и совокупленіе оныхъ, чрезъ что различныя мѣста бываютъ темны и гадательны. Послѣдняя часть сего сочиненія есть удобопонятнѣе, нежели перва.

Крамера *нравственныя толкованія*, кои онъ выдалъ подъ титуломъ: *смѣшенныя сочиненія*. Я своимъ слушателямъ не имѣю нужду выхвалять сочиненія такого мужа, которой какъ стихотворецъ, какъ ветія, какъ историкъ, которой вездѣ истинну, добродѣтель и вѣру своею природною остротою и вкусомъ прославляетъ!

Такія содержатъ *Бременскія собранія въ удовольствіе разума остроты* и *смѣшенныя сочиненія писателей собранія*, многія превосходныя въ прозѣ и стихахъ листочки, для пользы нравовъ и сердца, такъ, что я бы въ томъ себѣ не простилъ, ежели бы объ оныхъ не упомянулъ.

Къ сему еще причислю нѣкоторыя еженедѣльные листочки, *зрителя*, *надзирателя*, или *попечителя*, *молодаго человѣка*, *иностраннаго*, *Сѣвернаго надзирателя*, *пріятеля*, *врача*, *зритель*. Сіе сочиненіе есть сколь полезно для

der Zuschauer.

вкусу

вкусу и для критики: столь полезно оно на многихъ мѣстахъ для нравовъ. Для меня оно есть одно изъ тѣхъ; кои я по превосходству люблю, и кои въ моей моледости помогали мой вкусъ, и самое сердце наставлять. Когда я слышу, что молодой человѣкъ съ охотою читаетъ *зрителя*: то я на него уже взираю съ упованіемъ. *Штеле Тикель* иногда *Попе*, но по превосходству *Аддисонъ* были сочинители сихъ листовъ, *Аддисонъ* одинъ изъ наученѣйшихъ своего народа, искусной въ правленіи Государства, знатокъ человѣческаго сердца, другъ добродѣтели и вкуса. Сей еженедѣльной листокъ, которой для обоего пола, для читателей всякаго званія, есть пріятная книга, но жалко, что много несчастныхъ подражаній произвелъ.

Надзиратель такъ же превосходное еженедѣльное сочиненіе, *Штели* моложе, нежели зритель, и не болѣе какъ двѣ книги. der Aufseher.

Иностранной; еженедѣльное сочиненіе, *которое* покойный Проф: Шлегель прежде нежели былъ посольства Секретаремъ въ Копенгагенѣ, писалъ: другъ, съ которымъ я въ бытность мою въ Академіи обходился, и котораго заслугу во всю мою жизнь почитать буду, онъ въ своемъ родѣ великая природная острота, и ежели бы онъ долѣе жилъ, *былъ бы другой Корнелъ*. der Fremde.

Молодой человѣкъ. Сей еженедѣльной листъ, которой столь многимъ вкусомъ писанъ и уже 1746. здѣсь въ Лейпцигѣ вышелъ, заслужилъ, чтобъ молодымъ читателямъ болѣе извѣстенъ былъ, нежели какъ онъ есть. Я не очень занятъ der Jüngling.

такимъ предразсужденіемъ, чтобъ въ бытность мою въ Академіи уже сдѣлаться Авкторомъ. Но когда такимъ столь многимъ счастіемъ, и толь строгою критикою пріятелей дѣлается, какъ прежде сего два славнѣйшіе сочинителя *сего молодаго человѣка*, кои потомъ сдѣлались славными духовными Ораторами, то сіе терпитъ похвальное исключеніе.

der Nordische Aufseher. Сѣверной надзиратель принадлежитъ наипаче къ нашей запискѣ, потому, что въ немъ по большей части суть предметы нравоученія (живностію и свѣтлою краскою) добродѣтелей касающихся до общества. Крамеръ въ Копенгагенѣ есть издатель и главной сочинитель, и его листочки живностію и свѣтлою краскою почти такъ отмѣнны, какъ листочки Аддисона въ зрителѣ; драгоцѣнной еженедѣльной листъ.

der Freund. *Пріятель*, я бы о семъ еженедѣльномъ сочиненіи, которое за нѣсколько предъ симъ лѣтъ въ Аншпахѣ вышло, теперь такъ же какъ о многихъ другихъ не упомянулъ, ежели бы меня не побудило мое сердце о сочинителѣ онаго говорить, котораго я чрезвычайно любилъ, и въ которомъ свѣтъ многаго лишился. Онъ имѣлъ природную остроту и благородное сердце. Онъ читалъ и писалъ почти всѣ живые языки, и наилучшихъ сочинителей умѣлъ наизусть, ничего въ его талантахъ недоставало кромѣ зрѣлости; ибо двадцати пяти лѣтъ отъ роду умеръ. Однако сіи дражайшіе товарищи, что онъ изрядно писалъ, не есть его главная заслуга; нѣтъ, но та, что добродѣтельно жилъ, а безъ сего оное было бы его безчестіе. Никогда не долженъ я забывать

имени Кронекка, и пускай онъ будетъ много времени ободреніемъ молодаго человѣка.

Нравоучительныя стихотворенія.

Юнга, *ночныя размышленія*. Изъ нравоучительныхъ Піитическихъ сочиненій не знаю почти ни одного, гдѣ бы разумъ, острота и сердце счастливѣе и достойнѣе потрудилось для вѣры и добродѣтели. Это правда, что сіи ночныя размышленія должно болѣе, нежели одинъ разъ читать, чтобъ всю ихъ красоту и силу чувствовать; но они при прочтеніи повторенномъ трудъ богато награждаютъ. Да будетъ благословенно стихотвореніе, которое натуралиста Божественною силою возбуждаетъ ко вниманію и къ дрожанію, нерадиваго Христіанина оживляетъ, и чувствительнаго заставляетъ блаженство чувствовать! между тѣмъ предостерегайтесь, чтобъ штилемъ, которой свойственно есть природной остротѣ Юнга, не плѣняться даже до неосторожнаго подражанія, онъ имѣетъ свои пороки. И по чему его *Кентавръ* не столько заслуживаетъ похвалы.

Томзона, *премена года*, знатное доказательство искусства Аглинскаго стихотворца, котораго музу одинъ изъ его земляковъ истинно похвалилъ, что она счастливо *старалась* разумъ возбудить и сердце исправить.

Галлера и Гагедорна, *поучительныя стихотворения* принадлежатъ по превосходству къ нашей библіотекѣ; такъже

 Раси-

Расиновы стихотворенія о вѣрѣ.

Сюда еще причисляю хорошія *прозаическія творенія*, а особливо *Клариссу* и *Грандисона*. Но какъ романы съ Философской катедры похвалять? конечно ежели они суть сочиненія *Рихардсона*: то ихъ похвалить почитаю за должность. По крайней мѣрѣ ужасныя начертанія въ Клариссѣ, развѣ не могутъ погубить сéрдца молодыхъ людей? Сіе зависитъ отъ насъ, кои мы читаемъ. Собственно они учреждены съ тѣмъ, чтобы въ нихъ отвращеніе отъ пороковъ возбудить, и они имѣютъ свое отъ отравы лекарство при себѣ. Я въ разсужденіи сей книги отсылаю васъ къ критикѣ и похвалѣ господина *Галлера*, которую вы въ его не большихъ сочиненіяхъ находите, и которую можетъ быть во всей Германіи одинъ изъ великихъ ученыхъ изготовить могъ. Находятся свободные часы, въ кои мы сіи сочиненія безъ попреканія и со многою пользою читать можемъ. *Прежде сего читая* седмь частей, *Кларисса* и пятую *Грандисона*, нѣкоторымъ сладкимъ движеніемъ души, въ нѣкоторые достопамятнѣйшіе для моего сéрдца часы прослезился; за то я тебѣ Рихардсонъ *еще теперь одолженъ*.

Въ нашей малой библіотекѣ знатное заслуживаютъ мѣсто, такъ же проповѣди *Тиллотсона дею Лани*, *Саприна*, *Мосгейма*, *Іерусалема*, *Крузія*, *Крамера*, *Шлегела*, *Гисекка*, *Спалдинга* и другихъ остроумныхъ мужей; *рѣчи*, на которыя хотя одинъ мы часъ дня удѣлить можемъ, которой особенно упражденіямъ въ вѣрѣ посвященъ быть долженъ.

Для

Для нискаго состоянія людей, кои хотятъ обучиться своимъ должностямъ кратко, однакожъ дѣйствительно и чувственно, изъ правоучительныхъ книгъ едва есть наилучшая, какъ *нравоученіе Сираха*.

Цѣлая должность человѣка. Сіе сочиненіе неизвѣстнаго Агличанина, которое отъ его народа съ невѣроятною похвалою принято и на многіе Европейскіе языки переведено, особенно писано для наставленія *простыхъ*; и таковые находятся какъ въ высокомъ состояніи, такъ въ низкомъ, и какъ въ глубокой старости, такъ въ младости. Сочинитель описываетъ должности вѣры въ разсужденіи Бога, въ разсужденіи самихъ себя и ближнихъ съ средствами, кои ихъ исправленіе облегчаютъ, и его сочиненіе есть дѣйствительно превосходная книжка, которою хозяева и хозяйки своихъ подчиненныхъ снабдить должны были бы.

Наконецъ, дражайшіе товарищи, дозвольте сверьхъ всѣхъ другихъ книгъ, сокровище всея истинны и познанія, которое насъ только мудрыми, добродѣтельными и счастливыми сдѣлать можетъ, Источникъ истиннаго успокоенія и высочайшаго утѣшенія въ жизни и смерти, *сокровище священныхъ книгъ*, *писаніе* себѣ одобрить. Обучайтесь истиннамъ онаго со всякимъ вниманіемъ разума, со всею охотою и кротостію сердца, со тщательнымъ употребленіемъ средствъ, кои наше проницательство во откровеніе облегчить могутъ, съ молитвою къ Богу во просвѣщеніи и послушаніи къ познанной истиннѣ. Научайтеся откровенію, яко наивеличайшему благодѣянію, которое Богъ

 чело-

человѣческому роду отъ сотворенія свѣта явилъ, съ глубочайшимъ подобострастіемъ и поклоненіемъ наиблагодарнѣйше признавать. Что естественный свѣтъ солнца глазу тѣлесному, (и сколько бы бѣдно было вмѣстилище земли безъ солнца) въ какой бы языческой тьмѣ заблужденія и суевѣрія мы при всѣхъ стараніяхъ разума безъ свѣта с. писанія остались? я употребилъ стараніе читать наиполезнѣйшее, чему самые разумные изъ древнихъ учили о Богѣ, вѣрѣ и добродѣтели, о средствахъ къ покою и удовольствію, и о высочайшемъ добрѣ человѣка, и свидѣтельствую вамъ по своей совѣсти, что вся ихъ мудрость, въ разсужденіи откровенія есть тѣнь и неизвѣстность, по крайней мѣрѣ темное сіяніе, а часто тьма, глупость, суевѣріе и несмысленность. Что очищенная Философія въ наши дни, въ сихъ ученія частяхъ справедливаго и благопристойнаго предлагаетъ, за сіе во всемъ она одолжена ученію с писанія. Но кто были древніе, кои столь безплодно и несчастливо цѣлые вѣки въ изысканіи истинны и премудрости для добродѣтели трудились? развѣ они не были глубокомысленнѣйшіе и ученѣйшіе мужи изъ двухъ языческихъ народовъ, у коихъ въ наукахъ по большей части упражнялись и ихъ почитали? и кто были сочинители книгъ с. писанія? не былиль они такіе люди, кои въ человѣческихъ наукахъ совсѣмъ не упражнялись; но по большей части при низкомъ родѣ жизни между ученымъ и презрѣннымъ народомъ, при посохѣ и *режѣ* воспитаны были? но ихъ писанія научаютъ познанію единаго Бога, премудрости и добродѣтели, безконечно чище и совершеннѣе, нежели оныя сочиненія Философовъ, и потому книги с. писанія не

должны

должны ли имѣть Божественное начало, и оныя за ничто почитать, не должно ли быть бесчестнѣйшею неблагодарностію и величайшимъ прегрѣшеніемъ? Дозвольте мнѣ употребить чистосердечное признаніе, дражайшіе пріятели. *Я пятьдесятъ лѣтъ жилъ*, и различными веселостями жизни наслаждался. Не было для меня должайщихъ непорочнѣйщихъ и блаженнѣйщихъ, какъ коихъ мое сердце, онъ такихъ оковъ вѣры ограничное, по совѣту оной искало, и коими наслаждалось, сіе свидѣтельствую по *своей совѣсти*. *Я пятьдесятъ лѣтъ жилъ*, и многоразличныя бѣдствія жизни терпѣлъ, и нигдѣ болѣе свѣта во тьмѣ, болѣе силы утѣшенія и бодрости въ страданіи не нашелъ, какъ при источникѣ вѣры; *сіе свидѣтельствую своею совѣстію*. *Я пятьдесятъ лѣтъ жилъ*, и былъ не однократно въ воротахъ смерти; и испыталъ, что ничто безъ выключенія не помогаетъ побѣждать ужасъ смерти, какъ Божественная сила вѣры; что ничто печалующійся духъ приопредѣляющемъ нашей судьбинѣ шагѣ въ вѣчность укрѣпить, и совѣсть, которая насъ обвиняетъ, успокоить не можетъ; *сіе я свидѣтельствую такъ, какъ предъ Богомъ*. Ежели почтеніе друга и учителя у васъ въ великой важности находится: то мое пускай въ тоже время у васъ находится въ важности, когда у васъ гордой *умнякъ* ученіе С. писанія маловажнымъ сдѣлать и хитрой *натуралистъ* у васъ онаго священную вѣру исхитить хочетъ. И такъ, дай Боже, чтобъ между тобою народъ Христіанскихъ юношей, никогда не былъ презиратель, или ругатель наилучшей изъ всѣхъ книгъ.

Всегда почитай Свящ. писаніе: оно есть твое счастіе на земли и будетъ ей ей твое счастіе на небѣ. Христіанскимъ великодушіемъ презирай ругательство врага Библіи; ученіе которое онъ поноситъ, однако остается словомъ Божіимъ.

ТРЕТІЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

О главнѣйшихъ должностяхъ человѣка.

ОДИННАТЦАТОЕ УЧЕНІЕ.

О попеченіи тѣлеснаго здоровья.

О главнѣйшихъ должностяхъ человѣка.

Все человѣческое блаженство состоитъ изъ многихъ особенныхъ благъ, кои *относятся* то до потребностей нашего тѣла, то до нашего общаго благосостоянія, то до счастія души. Внутреннее наставленіе совѣсти и разума, сіи благія сохранять и съ концомъ, для котораго ихъ намъ Богъ даровалъ, согласно употреблять, есть вообще *должность человѣка* и прямое исправленіе сихъ должностей изъ справедливаго намѣренія, есть *добродѣтель*. И потому всеобщее званіе человѣческое состоитъ въ томъ, чтобъ сіи должности, какъ по ихъ концу, такъ по ихъ средствамъ искренно изслѣдывать, оныя яко божескую волю почитать, и ихъ всегда, и во всѣхъ случаяхъ, въ своей душѣ чрезъ согласіе и намѣ-

намѣреніе, такъ же и къ внѣшнихъ поступкахъ чрезъ дѣйствіе исправлять. Я въ веде́ніи въ сіи должности могу не долго пробыть; ибо я уже́ о главнѣйшемъ въ первыхъ ученіяхъ упомянулъ.

Наше *тѣло* имѣетъ свои благія. Мы любимъ здоровье и продолжительность онаго, и ищемъ средства къ сохраненію и содержанію нашего тѣла. Болѣзнь и слабость суть не только раззорители нашего тѣла; но и мучители нашея души. Они насъ дѣлаютъ не способными къ позволеннымъ веселостямъ жизни, къ услугамъ свѣта, къ обхожденію, и къ самому снисканію нашихъ потребностей, и здоровое крѣпкое тѣло, сколь великую радость и прибыль намъ и свѣту производятъ. Слѣдовательно старапіе о благихъ тѣла есть должность, сколь долго оно насъ не отвлекаетъ отъ величайшаго блага.

Мы такъ же посредствомъ нашего естественнаго желанія къ блаженству любимъ и почитаемъ тѣ предметы, кои на наше *внѣшнее*, или *общее благосостояніе*, втеченіе имѣютъ; мы желаемъ хорошаго имени, власти, имѣнія, безопасности, свободности. Они суть средствомъ, то къ необходимымъ потребностямъ, то къ покою и выгодамъ житейскимъ, и стараніе о сихъ благихъ есть должность, поелику мы ихъ яко средство какъ къ симъ, такъ къ другимъ высокимъ концамъ изъ послушанія къ Божеской волѣ, ищемъ и употребляемъ.

Нашъ *духъ* имѣетъ свои благія, силы разума, воображенія, памяти и вкуса. Они пріобрѣтаютъ

таютъ намъ важныя выгоды. Они подаютъ многимъ художествамъ, наукамъ и дѣламъ, кои то пользуютъ, то довольствуютъ, бытіе и жизнь. На ихъ правильномъ употребленіи видимо основывается благосостояніе человѣка. Они суть болѣе нежели благія счастія, болѣе нежели благія тѣла. Стараніе о сихъ благихъ есть должность; но притомъ должность *величайшая*.

Наше *сердце* имѣетъ свои благія, кои отъ разума купно зависятъ, я думаю господство надъ своими страстями, или умѣреніе оныхъ; еще склонность благоволенія къ другимъ, благороднѣйшая склонность подобострастія и любви къ начальнику нашего существа. Попеченіе о сихъ благихъ есть должность, она есть *высочайшая* должность.

Послѣ сего спознаннаго чиноположенія и раздѣленія благихъ человѣка, намѣренъ я ученіе о главнѣйшихъ должностяхъ человѣка такъ предложить, какъ я думаю, что оно вамъ можетъ быть весьма полезно и пріятно.

О должностяхъ въ разсужденіи тѣла. И такъ я приступаю безъ дальнѣйшаго введенія къ благимъ тѣла. Кто *здоровье*, *крѣпость* и *продолжительность тѣла* въ работахъ и трудностяхъ жизни не почитаетъ за счастіе? Кто не любитъ *чистоты* и *благопристойности*? по чему попеченіе о сихъ благихъ для насъ будетъ должность по всѣмъ тѣмъ причинамъ, по которымъ они суть добро. Ихъ *важность* всегда опредѣляетъ *великость* должности, и ихъ *естество* научаетъ

сред-

средствамъ, кои намъ сію должность облегчать помогаютъ.

Вопервыхъ буду говорить о *здоровьѣ*, о *ведикости* сего добра; потомъ о *средствахъ* оное сохранять, и наконецъ представлю его употребленіе въ нѣкоторыхъ *начертаніяхъ*.

Ежели здоровье есть *наипріятнѣйшій* даръ провидѣнія: то и беречь и сохранять есть благодарность; и кто можетъ думать, что онъ далъ себѣ здоровье, когда онъ не даровалъ самому себѣ жизни? еще ежели оно есть даръ, которой намъ для *полезныхъ концовъ* низпосланъ: то будетъ значить Божескія намѣренія удерживать, или уничтожать, ежели свое здоровье дерзко, или чрезъ нерадѣніе разрушаютъ, или ослабляютъ.

Дозвольте намъ ближе приступить, и здоровье съ стороны *удовольствія* и *пользы* разсмотрѣть. Его втеченіе распростирается по нашему тѣлу и нашей душѣ, по нашимъ дѣламъ и по свѣту. Прямое обтеченіе крови и жизненныхъ духовъ, чувственная крѣпость *жилъ*, и легкость, наши члены по волѣ нашихъ нуждъ двигать, голодъ понуждающей насъ къ *наслажденію*, и самой простой пищи, и укрѣпляющей сонъ суть великія выгоды, и веселости человѣка, сіи радости пресѣкаютъ болѣзни.

Недостатокъ здоровья, душу печалію и скукою помрачаетъ, который намъ въ невиннѣйшихъ удовольствіяхъ мало, или совсѣмъ никакого вкуса находить не дозволяетъ, хотя они въ нашей состо-

ятъ

ять силѣ. Тогда обхожденіе, дружество и любовь, честь, имѣніе и выгодность, часто никакой прелести для насъ не имѣютъ, и то, что здоровыхъ довольствуетъ, не рѣдко больному не нравится. Какъ онъ здоровѣйшихъ кушаній отвращается, потому, что ими наслаждаться не можетъ: то по той же причинѣ онъ часто гнушается невиннѣйшихъ наилутшихъ веселостей духа. Впрочемъ столь пріятное впечатлѣніе, которое дѣйствія изрядныхъ художествъ производятъ въ здоровыхъ, больные не чувствуютъ. Онъ не довольный собою мало находитъ въ нихъ удовольствія. Его духъ окрѣплой, и трудно ему бываетъ прекрасное чувствовать; ибо его сердце съ такимъ неудовольствіемъ въ согласіи. И празныя часы больнаго, кои онъ наполнить не умѣетъ, что суть иное, какъ темные часы для него? Еще плачевнѣе есть его состояніе, когда онъ своего здоровья чрезъ свою собственную вину лишился. Тайная жалоба: ты своимъ здоровьемъ похитилъ у себя свою веселость! Гонитъ его тогда днемъ и мучитъ его ночью, многоразличныя и часто неизлечимыя болѣзни тѣло, и мучительныя врачеванія, кои не рѣдко хуже, нежели болѣзнь и смерть, не довольно ли научаютъ, что здоровье есть драгоцѣнное добро, а больное состояніе тѣла есть родъ медлительной смерти.

Ежели здоровье насъ способными дѣлаетъ къ должностямъ жизни: то нерадѣніе объ ономъ есть обида, которую мы себѣ и свѣту причиняемъ; и свое здоровье вѣдая погубить, есть предъ разумомъ и совѣстію родъ добровольной *отравы*. Свое здоровье не почитать, значитъ свободному

и правильному употребленію своего разума теперь, или по крайней мѣрѣ впредь препятствовать и его подавлять. Мы рассуждаемъ упружденно и безсильно въ тѣлѣ приведенномъ въ слабость; сколь многія погрѣшительныя и отъ воображенія происходящія мнѣнія, имѣютъ свое мѣсто въ черной и испорченной крови? извѣстны суть задумчивые и сумозбродные, кои такими болѣе не были, когда они помощію лекаря выздоровѣли. Отъ недостатка здоровья размышленіе бываетъ намъ трудно; душа въ своихъ трудахъ медлительна, когда тѣло намъ нужное притеченіе жизненныхъ духовъ отказываетъ, или когда сіи свою живность вскорѣ теряютъ. И какой человѣкъ, пока онъ живетъ, о исправленіи и употребленіи разума, яко о своемъ величайшемъ благополучіи, пещися не долженъ? развѣ мы разумомъ не понинаемъ Бога и свѣтъ, должности и добродѣтели? не есть ли онъ свѣтъ на пути благосостоянія? и что мы, когда сего свѣта половина погаснетъ, будемъ видѣть, какъ темные предметы? Не будетъ ли намъ истинна неизвѣстна, когда намъ память и сила воображенія, ся знаки и свойства не будутъ болѣе описывать, какъ то обыкновенно случается въ болѣзняхъ и глубокой старости? Съ потерею здоровья погибаетъ наше *сердце*, подобно нашему разуму, а съ обоими свѣтъ: его тайное неудовольствіе самимъ собою непремѣннымъ образомъ вливается въ склонности къ другимъ, и въ чувствованія къ Богу. у кого не достаетъ здоровья, по крайнѣй мѣрѣ, У кого не достаетъ отъ самаго себя, тотъ по большей части есль ропщущій, и когда онъ такимъ быть не хочетъ, и чрезъ свой поступокъ огорчаетъ удовольствіе друга, супруга, сына, товарища.

рища. Его сердце не беретъ довольно участія въ веселостяхъ другихъ; ибо оно въ своихъ недостатокъ весьма чувствуетъ; и для чувствованія своего собственнаго бѣдствія оно рѣдко, или съ трудомъ открывается впечатлѣнію сострадательства. Естественная живность чувствованія чрезъ болѣзни приходитъ въ слабость. И тогда хотимъ весьма мало благороднаго и добраго, когда мы оное весьма мало чувствовать можемъ. Кто вѣритъ и чувствуетъ, что онъ есть столько счастливъ, сколько онъ быть можетъ, то естественнымъ образомъ бываетъ бодръ и способенъ, и другихъ благополучными знать, видѣть и хотѣть. Сердце больнаго чувствуетъ неспокойствіе, которое ему мѣшаетъ въ благородныхъ намѣреніяхъ и склонностяхъ. Человѣколюбіе уменьшается подъ игомъ безпокойнаго самолюбія, и недостатокъ такихъ человѣколюбивыхъ чувствованій, есть недостатокъ величайшаго благополучія нашего се́рдца. Наша бодрость погибаетъ въ малодушіи и невѣріи. Умаленіе силъ насъ дѣлаетъ пужливыми, и чувствіе полученной чрезъ нашу вину болѣзни, препятствуетъ веселости вѣры, благодарности къ провидѣнію, и сколь много теряетъ сердце, которое не можетъ съ радостію помышлять о своемъ Создателѣ.

Какое состояніе, какое упражненіе и *дѣло* жизни не требуетъ здоровья и силъ, когда оныя совершены быть счастливо должны? и для того потеряніе здоровья, ежели оно наше дѣло, есть хищеніе, котораго мы въ свѣтѣ желаемъ. Мы *лишаемъ его тѣхъ услугъ*, коихъ однакожъ отъ него требуемъ, или платимъ ему только половину

 услугъ,

услугъ, коихъ онъ всѣхъ требовать право имѣетъ. Различное удовольствіе, которое намъ полезно оказанныя услуги промыслили, удаляется отъ насъ въ сихъ обстоятельствахъ. И душа, когда благородно размышляетъ преимущественно по крайней мѣрѣ за то стоитъ.

Не довольно того, что мы безполезны, или перестанемъ быть полезными; не довольно, что мы начертанія славно защищать не можемъ, которое въ свѣтѣ защищать должны были; но мы еще обществу и сродственникамъ бываемъ досадны, такъ какъ мы таковые сами себѣ дѣлаемся. Мы бываемъ бременемъ нашимъ друзьямъ. Не рѣдко живемъ на ихъ содержаніи, и лишаемъ ихъ того, что мы сами должны были пріобрѣсть къ своему содержанію: мы возмущаемъ ихъ покой чрезъ свое безпокойство; мы причиняемъ имъ печаль, и дѣлаемъ себя имъ противными, вмѣсто того, чтобъ намъ быть ихъ увеселеніемъ и ихъ желаніемъ. Тысяча должностей, которыя больной отецъ, больной учитель, больной супругъ и пріятель исправить болѣе не можетъ! желаютъ нашей смерти, потому что наша жизнь свѣту бываетъ бременемъ.

Напротивъ съ наслажденіемъ здоровья *пелихія выгоды* соединены. Чувствованіе здоровыхъ силъ подаетъ бодрость предпріятіямъ, облехчаетъ тяжесть трудовъ, дѣлаетъ, что мы опасностей не страшимся и подъ препятствіями нашихъ намѣреній не скоро устаемъ. Веселой духъ, радостное и обходительное сердце, суть великіе пріятели здоровья. Здоровой своему благосостоянію

и счастію свѣта болѣе можетъ пользы принесть. Многія безпокойствія, подъ которыми больной погибаетъ, кратко сносить, недостатокъ чрезъ прилѣжаніе легко отдалить, себѣ скорѣе искусство своего званія доставить, и оное возвышать, и ежели онъ только нужныя дарованія и добрую волю имѣетъ во всѣхъ явленіяхъ дѣлъ и жизни полезнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ дѣлать. Цвѣтъ здоровья есть прекраснѣйшей для лица обоего пола, пріятенъ глазу и возбуждаетъ упованіе, что мы невольники опустошающихъ страстей. Вся благопристойность тѣла, которой учитъ искусство, чрезъ здоровье возвышается; поелику недостатокъ онаго, себя въ слабомъ и умирающемъ видѣ, въ дрожащихъ рукахъ, въ заботныхъ движеніяхъ тѣла, въ слабыхъ шагахъ глазу дѣлаетъ непріятнымъ для здороваго, поелику его сердце спокойно: все естество съ сугубою прелестію каждое утро, въ которое онъ съ бодрыми силами пробуждается, показываетъ ему новое солнце. Онъ можетъ наслаждаться безчисленными веселостями жизни, предъ которыми заключенной больной дрожитъ. Хотябы здоровой самой бѣдной и низкаго состоянія былъ человѣкъ; однако вездѣ ожидаетъ его прохлаждающее питье, укрѣпляющей хлѣбъ, свободной воздухъ, пріятное поле, удовольствіе дружества, или любви, разговоръ, силы воображенія, искусства и многотруднѣйшее его прилѣжаніе по прошествіи дня услаждаетъ кроткой сонъ, которой новыя силы въ его жилы вливаетъ. Что суть честь, власть, богатства, обхожденіе при недостаткѣ здоровья? Самыя лучшія дарованія духа въ больномъ тѣлѣ, какія безплодныя сокровища во многихъ случаяхъ? и мы ли

бы еще могли сомнѣваться, должны ли о сохраненіи здоровья пещися, когда намъ его цѣну и его впеченіе въ наше и другихъ благополучіе возвозвѣщаетъ?

Средства, сохранить свое здоровье и его, когда оно колеблется, укрѣпить, можно удобно открыть чрезъ опыты и примѣчанія на себѣ и другихъ. *Чадо*, учитъ Сирахъ, *въ животѣ твоемъ искуси душу твою и виждь, что ей зло есть и не даждь ей* (*). Не столько ученой лекарь, сколько примѣчательной разумъ наставляетъ насъ ужè, что *умѣренность въ пищѣ, питіи и удовольствіяхъ, трудолюбіе и тѣлодвиженія, господство надъ волнующимися страстями, веселое и безпечное сердце, и размѣренное отдохновеніе* отъ нашихъ дѣлъ, суть безопаснѣйшая пища здоровья.

Ежели мы сихъ средствъ совсѣмъ не употребляемъ, или только рѣдко и съ нерадѣніемъ: то наша склонность къ здоровью остается слаба. Ежели сіи средства употребляемъ тщательнѣе, нежели ихъ конецъ требуетъ: то наше любленіе здоровья велико, опытъ излишества сея склонности есть, когда она у другихъ склонностей, кои такъ же принадлежатъ къ составленію нашего благосостоянія, силу, или совсѣмъ жизнь отнимаетъ. Изъ любви къ здоровью свое хорошее имя смѣшнымъ дѣлать, о своихъ дѣлахъ не радѣть, свое время въ надлежащемъ чтеніи врачебныхъ книгъ, или весьма излишномъ употребланіи минеральныхъ

(*) Сирах. 37. 30.

ральныхъ водъ и баней препровождать, есть чрезмѣрное и несправедливое попеченіе. Какъ скоро мы здоровье только ради его самаго ищемъ: то оно теряетъ свою цѣну и все свое достоинство, какъ всѣ благія сея жизни. Оно конечно есть необходимое средство къ благополучію человѣка, но нецѣлое его благополучіе, не самая важная часть онаго. Еще средства для здоровья хотя тщательно употреблять; но не изъ намѣренія для здоровья и для его течепія въ жизнь, т. е. о здоровьѣ неразумно пещися, не есть добродѣтель. Можно быть умѣреннымъ, чтобъ сохранить свою красоту, себя предостеречь отъ жестокихъ страстей, потому что безъ того въ веселыхъ бесѣдахъ не будутъ смотрѣть на васъ; можно имѣть движеніе, чтобъ болѣе охоты за столомъ находить и себя въ трудахъ не изнурять, потому что праздность любятъ. Хотя сей поступокъ можетъ случайно помогать здоровью, однако непристойно было бы для того себѣ присвоять славу, что имѣлъ попеченіе о здоровьѣ.

Когда извѣстно, что мы живемъ не за тѣмъ, чтобъ ѣсть, и ѣдимъ не за тѣмъ, чтобъ нашъ вкусу и нѣжности ласкать; но тотъ будетъ умѣренъ, кто себѣ не болѣе пищи позволяетъ, какъ сколько укрѣпленіе его тѣла требуетъ, и свободное употребленіе его вкуса дозволяетъ. Сей умѣренности научаетъ насъ опытъ, или наше собственное чувствованіе, и всегда будетъ безопаснѣе наслаждаться менѣе, нежели больше. Кто за столомъ слѣдуетъ своей *охотѣ* и совѣту вкуса, тотъ, хотя бы онъ отъ того боленъ не былъ, однако напрасно бы ласкалъ себѣ, что ѣлъ умѣ-

ренно. Умѣренность всегда требуетъ себѣ ограничиванія. О томъ не помышлять, много ли ѣшь, или пьешь, отъ того не беречся, чтобы не впасть въ излишество, ни отъ чего не отрекаться, въ мнѣніи свои силы чрезъ то лучше укрѣпить, не есть умѣренность болѣзней отъ своихъ обѣдовъ, не чувствовать никакого непосредственнаго урона своего здоровья, чрезъ то не претерпѣвать, не суть надежные знаки умѣренности. Вредъ излишества можетъ на другой день медлительно, часто въ старости только приходить. Ежели наше тѣло дѣлается неспособнымъ къ работѣ, наша душа лѣнивѣе и неохотнѣе къ своимъ должностямъ чрезъ нашу пи́щу: то готова великая догадка, что мы неумѣренно ѣли, или не здоровую пи́щу приняли, или безъ голода ѣли, тѣ суть хорошіе обѣды, кои еще на другой день потомъ пріятны; какъ тѣ суть наилучшія *попара*, коихъ Леонидъ Гофмейтеръ Александровъ ему похвалилъ. „Для хорошаго обѣда „утреннѣе прогуливаніе, для хорошаго ужина, „умѣренной обѣдъ. Какъ нѣкоторыя кушанья менѣе вредны, нежели другія; то такъ же и здоровая сама по себѣ пи́ща можетъ особенному качеству нашихъ тѣлъ и рода жизни быть безполезна. Вкусную пи́щу предпочитать здоровой для насъ, или совсѣмъ не хотѣть имѣть выбора, не согласно съ законами здоровья. Пріобучать себя къ теплымъ и горячимъ напиткамъ, потому что они насъ на нѣкоторое время къ работѣ ободряютъ и оживляютъ есть тайный *подрыпъ* здоровья, потому что мы жилы чрезъ то часто возбуждаемъ, а наконецъ утомленными дѣлаемъ.

Почему

Почему къ умѣренности надлежитъ и стараніе все знать учиться, что здоровье легко вредить можемъ, а не ожидать, пока *удержаніе* себя отъ того необходимостію, или безплоднымъ средствомъ сдѣлается. Сіе попеченіе относится и до сна и всѣхъ удовольствій, кои наши чувства трогаютъ, наипаче до цѣломудрія, яко добродѣтели, которою мы должны тѣлу.

Правила здоровья. Всеобщимъ правиламъ, здоровье сохранять его, когда оно колеблется, подкрѣплять, или по крайней мѣрѣ его отъ величайшаго урона соблюдать научаетъ насъ, какъ я ужè упомянулъ опытъ и примѣчаніе. Много тому лѣтъ, какъ я принужденъ былъ сіи правила примѣчать, и потому я тѣмъ большее имѣю право вамъ главнѣйшія предложить, при которыхъ я *за подлинно* и не такъ сухо сказать, Аглинскаго врача Армстронга очень изрядное стихотвореніе о сей матеріи намѣренъ употребить. Вся діета заключается въ нашемъ *содержаніи*, въ рассужденіи *воздуха*, *пищи*, *питія*, *сна*, *тѣлодвиженія*, *страстей*.

Воздухъ.) *Воздухъ*, необходимое дыханіе нашей жизни, есть источникъ, какъ здоровья, такъ многоразличныхъ болѣзней.

Нѣтъ ничего здоровью вреднѣе, какъ спершійся, гнилой воздухъ, которой ужè во многихъ легкихъ сталъ быть зараженъ; крайняя сырость и сухость воздуха, портятъ наше легкое. И такъ пускай въ себя, сколь много зависитъ отъ тебя, свѣжій свободный воздухъ, не воздухъ многолюд-

ныхъ пары испущающихъ городовъ, неболотистыхъ странъ, но воздухъ свободной деревни, горъ, не воздухъ, которой иловатые ручьи оскверняютъ.

Открывай свой покой наипаче въ теплое время чистому утреннему воздуху, прохлажденію вечернему, и дѣлай, чтобы твоя пространная спальня чрезъ свободной воздухъ была садомъ, а не походила на Меланхолической алковѣ, не была весьма мрачною гнилою темницею, не была содержаніемъ паровъ. Чрезъ воду и уксусъ, ежели воздухъ проходить довольно не можетъ, простуживай ея лѣтомъ. Нашъ сонъ, источникъ новыхъ силъ, требуетъ, чтобъ чрезмѣрная теплота и чрезмѣрная стужа воздуха была отдалена. Не прячся въ жаркихъ постеляхъ. Жеской плащь и тугая подушка, должны тебя усыплять. Твоя легко покрытая голова, и теплыя ноги твоему сну споспѣшатъ, тебѣ свободно, весело и безъ жару встать дадутъ.

Чтобъ лучшимъ наслаждаться воздухомъ, въ весеннѣе и лѣтнѣе утро, не долженъ ложиться на постелю. Сіи часы не только дороги для дѣлъ, но и для здоровья.

Жаркія покои зимою умѣряй и не пужайся при маломъ отверстіи окна. Холодъ, которой проницаетъ тебя, не умершвляетъ; но жаръ твоихъ покоевъ, которой тебѣ столько пріятенъ, обезсиливаетъ тебя, и лучшія твои соки вынимаетъ. Покрывайся лучше платьемъ и хорошо будучи одѣтъ не бѣгай стужи; и она есть балсамъ.

Неча-

Нечаянно изъ холода въ жаръ, изъ жару въ холодъ, почитай за вредное, и свое тѣло совсѣмъ не пріобучай ни къ сему, ни къ оному.

Легкое платье лѣтомъ не отгоняетъ жаръ. Оно его умножаетъ и потомъ промоченная шелковая одежда, въ холодной вечеръ отверстія паровъ затворяетъ и причиняетъ тебѣ лихорадку.

Будь чистъ! добродѣтель, которую тебѣ благопристойность и бесѣда похваляетъ; но такъ же и здоровье. Отдаляй отъ тѣла пыль его покрывающую, и подобной клею потъ, посредствомъ бань и чистаго холоднаго бѣлья, и уклоняйся всего того, что его внѣшнимъ частямъ причиняетъ гнилость и ѣдкость; сія входитъ въ соки. Читай писаніе Нѣмецкаго *Иппократа* врача, которой прежде сего божескимъ отвѣтомъ больнымъ, радостію здоровымъ и честію нашей Академіи былъ, писаніе *Платіера о болѣзняхъ отъ нечистоты*.

Діета въ пищи и питіи. Изъ недостатка привычки часто повреждаетъ и наилучшая пища. И потому пріобучай себя, когда ты здоровъ ко всему и продолжай по степенямъ, и храни умѣренность высочайшее правило. Простая пища, кою тебѣ земля, воздухъ и вода приносятъ весьма мало вредитъ, молодое и неоткормленное, но на своемъ вольномъ лугѣ тучность получающее животное питаетъ весьма полезно; и дикая коза не заразитъ тебя менхолическою кровію.

Никогда не утомляй себя долгими обѣдами, не пресыщайся нѣжными кушаньями и искусствомъ

убійцъ

убійцъ поваровъ. Пища, которая одна будучи принята, есть весьма здорова, бываетъ чрезъ различное смѣшеніе съ другою ядъ, и между жаромъ странныхъ ароматъ закисаетъ въ острое кипящее вино соковъ. „Какое множество вещей, кои чрезъ „горло должны проходить, смѣшиваетъ роскошь „опустошительница земли и моря? О Боже мой! „сколько хлѣбниковъ и поваровъ единое чрево за„нимаетъ„. Такимъ образомъ разсуждай съ Сенекою и стыдись быть лакомкою, когда ты голодъ имѣешь, и не дожидайся, пока голодъ сдѣлается тиранномъ. Примѣчай твое тѣло, твою привычку и воспитаніе, твой родъ жизни, времена года при избраніи и множествѣ твоей пищи.

Ежели твой желудокъ слабъ, то уклоняйся всего, что слабое протяганіе еще слабѣе дѣлаетъ; жирнаго кушанья и въ желчь скоровходящаго масла. Полезная пища неравно хороша для всѣхъ. Крѣпкое ѣство, копченое мясо, соленая говядина, сушеная рыба, не отяготятъ крѣпкой желудокъ деревенскаго жителя; но дай ему нѣжную пищу искусное пріуготовленіе поваровъ, и онъ въ нѣсколько недѣль не будетъ имѣть больше силъ къ своей работѣ. Такимъ образомъ дай слабому желудку твердую пищу и наполненныя блюды, и ты его болѣе еще приведешь въ слабость.

Скоропоспѣшное удовольствованіе великаго голода, есть мать многихъ лихорадокъ; когда естественной охоты къ пищѣ нѣтъ, то воздерживайся, и это послужитъ тебѣ въ здоровье, чтобъ лучше ѣсть, то прохаживайся какъ Сократъ.

Весна,

Весна, лѣто, осень приносятъ тебѣ свои балсамовыя растѣнія и огородные плоды къ ободренію крѣпости. Сколь много полезныхъ травъ отвращается нашъ привычкою испорченной вкусъ! каждой мѣсяцъ лѣтомъ плодъ созрѣваетъ, которой тебѣ весьма полезнѣе всего, наслаждайся имъ умѣренно; онъ есть лекарство.

Молоко, балсамовая пища. Деревня подаетъ тебѣ его какъ сладость, или какъ полезной уксусъ, наипаче ободряющее питіе чистаго холоднаго источника, неимѣющаго другихъ частей да укрѣпляетъ твое здоровье и утверждаетъ твои жилы.

Вино никогда не должно быть обыкновеннымъ напиткомъ нѣжнаго еще и молодаго человѣка. Оно чтобъ наслаждаться временемъ, пускай укрѣпляетъ мужа, оживляетъ старика, ободряетъ слабаго, и даумножаетъ въ жестокую зиму естественную теплоту, яко лекарство. Благотворительное питье, да не претворяетъ тебя неумѣренность въ ядъ!

Удаляйся многихъ теплыхъ напитокъ нашего вѣка; ежедневнаго напитка иностранныхъ травъ, кои мы за дорогую цѣну чрезъ далекія моря вывозимъ, чтобъ нашъ ослабить желудокъ. Наши праотцы не знали сихъ напитковъ, и съ ними также многихъ болѣзней.

Движеніе) Трудись и будешь крѣпокъ! Начинай съ лехкимъ движеніемъ, и восходи по степенямъ; ежели вдругъ послѣ покоя приведешь тѣло въ

жестокое

жестокое движеніе; то повредишь ты здоровье. Въ движеніи слѣдуй своему вкусу. Трудъ, которой мы не навидимъ, скоро насъ утомляетъ. Движеніе въ чистомъ свободномъ воздухѣ есть полезнее, нежели въ запертыхъ покояхъ. Въ теплыя времена года по прохладнымъ утрамъ и вечерамъ прохаживайся по полямъ, и довольствуй твой глазъ, и твою силу воображенія наполняй предметами естества. Движеніе, которое твое сердце увеселяетъ, есть сугубое лекарство. Восходи на го́ры, и обоняй здоровыя тра́вы, и укрѣпляйся чистымъ воздухомъ. Садись на коня, но съ осторожностію, чтобъ не потѣрять тебѣ своего здоровья, а можетъ быть жизни, а не съ молодецкою бодростію; *гоняй дикихъ звѣрей*, разводи сады. Не забудь также пра́вила Сенеки ,, упражненія тѣла ,, должны быть лехки и недолги: они должны, ,, вскорѣ тѣлу пода́ть отдыхъ, и не много зани- ,, мать времени, о драгости котораго наипаче ,, разсуждать должно. Жаркой не спѣши на стужу, ,, и холодной въ жаръ ,,. Какъ твое тѣло, истощевающее зимою крѣпчайшей пи́щи и питія требуетъ; такъ требуетъ наисильнѣйшаго движенія. пріобучай послушное тѣло къ небесному поясу, въ которомъ ты живешь, и учись искусству, то сносить, чего избѣжать не можешь, убѣгай лекарства, когда ты здоровъ, все, что кровь сверьхъ своей натуральной скорости понуждаетъ, излишное упражненіе и движеніе тѣла, частое питье, весьма соленая пища, сіе и жизнь погубляетъ.

Страсти.) И наконецъ, ежели ты любишь свое здоровье, свою жизнь: то убѣгай возмущенія стра-

стѣй.

стѣй. Гнѣвъ, любовь, страхъ, сильная радость, огонь честолюбія, мщенія, зависти, многихъ ввергнуло въ болѣзни и во гробъ, кои должны были долго жизнею наслаждаться, не думай, что то, что тебѣ послѣдственно не вредитъ, чего ты при силахъ младости не чувствуешь, никогда тебѣ вредить не будетъ, и ты того чувствовать не станешь. Есть медлительное и скорое наказаніе; и мужь часто воздыхаетъ поздо о безпечности молодаго человѣка.

И такъ уклоняйся не умѣренности стола, напитка, ужаснаго врага добродѣтели и жизни; бѣгай юношескаго легкомыслія и дерзости; бѣгай ласкательствующаго, но умерщляющаго врага сластолюбія; бѣгай его молодой человѣкъ, и будь крѣпокъ и здоровъ и бывай старъ хорошею совѣстію предъ Богомъ и людьми.

ДВЕНАТЦАТОЕ УЧЕНІЕ.

О порокахъ, кои разумному попеченію о здоровьѣ противны, такъ же о попеченіи, чтобъ получить тѣло крѣпкое долговѣчное.

Малое о здоровьѣ попеченіе. Слушатели мои! въ расcужденіи должности здоровья, о которой мы въ последнѣмъ ученіи сказали легко можно погрѣшить, или въ недостаткѣ, или въ излишествѣ Дозвольте мнѣ сей сугубой порокъ въ двоякомъ изображеніи

браженіи разсмотрѣть къ нашему собственному наставленію.

Сеіусъ ученой, котораго прелесть наукъ плѣняетъ, зарывается въ свои книги и не можетъ чувствовать, что онъ свои силы чрезъ напряженное размышленіе и недостатокъ отдыха скоро истощеваетъ, онъ ѣстъ мало, и думаетъ, что онъ чрезъ сію умѣренность довольно печется о своемъ здоровьѣ; но онъ къ своимъ обѣдамъ не приноситъ свободнаго духа. Они не суть ободреніе для него; онъ думаетъ, когда онъ за столомъ сидитъ, о ученыхъ мнѣніяхъ, о которыхъ онъ въ своемъ домѣ размышлялъ. Развѣ *Сеіусъ* не знаетъ, что напряженіе жизненныхъ жилъ препятствуетъ здоровому сваренію; или не могъ либы отъ сего легко знать? для чего онъ за столомъ не отлагаетъ всего въ иное время похвальнаго любопытства? *Сеіусъ* печется о своемъ здоровьѣ чрезъ движеніе, онъ трясетъ свое тѣло въ первомъ часу послѣ обѣда; ибо въ сей часъ весьма мало можетъ онъ работать. Онъ думаетъ, что ето хорошо и въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ здоровье мало; ибо онъ не хочетъ ему вѣрить, что движеніе спустя 4, или 5 часовъ послѣ обѣда здоровью весьма полезно, а напротивъ того вскорѣ послѣ обѣда вредно. Онъ отъ своей *пилы*, или отъ своего билліарнаго стола вспотѣвши бѣжитъ къ своимъ книгамъ и упражняется. Онъ бываетъ веселъ, когда онъ горячей иностранной напитокъ принимаетъ, употребляетъ его два, или три часа, *то и дѣло* для укрѣпленія себя, онъ точно наблюдаетъ свою обыкновенную мѣру, и ласкается, что онъ діету притомъ наблюдаетъ, и въ

то время имѣетъ попеченіе о своемъ здоровьѣ, когда онъ о своей бодрости печется. Онъ сей родъ жизни много лѣтъ продолжаетъ, и понеже онъ не такъ скоро бываетъ отъ того боленъ, тѣмъ болѣе думаетъ, что онъ щадитъ свое здоровье. И его самаго столь развращеннаго попеченіе о здоровьѣ, какой конецъ? за тѣмъ ли объ немъ печется, что оно есть даръ Божественной? ни какъ. Но за тѣмъ, что оно есть средство, его ученую охоту тѣмъ лучше удовольствоватъ. Ежели бы *Сеюсъ* при больномъ тѣлѣ еще глубокомысленнѣе сочиненія свѣту въ удивленіе предложить могъ: то бы онъ здоровье почиталъ за ничто. Онъ спитъ шесть и семь часовъ, послѣ какъ онъ даже до полуночи свой духъ въ чтеніи истощаетъ, и думаетъ, что онъ свой сонъ согласно съ здоровьемъ учредилъ, потому, что онъ можетъ опять итти къ своей работѣ, но для чего онъ не думаетъ, что сонъ предъ полуночью есть полезнѣе? для чего онъ не хочетъ привычку преодолѣть чрезъ принужденіе, когда она безъ принужденія прогната быть не можетъ? да онъ не чувствуетъ никакихъ тягостей; онъ можетъ опять поутру размышлять, между тѣмъ блѣдность его лицà, впадшіе виски, помраченной глазъ, дрожащая рука, возвѣщаетъ ему тайное умаленіе силъ; для чего онъ не слышитъ сихъ угрозъ? не могъ ли бы онъ своей жадности къ ученію умѣрить, или нѣтъ прямой діеты? Лѣкарь стращаетъ его болѣзнями. *Сеюсъ* напротивъ того отвѣтствуетъ ему, что долженъ трудиться для своего чина; но собственно онъ трудится для своего честолюбія. Между тѣмъ *Сеюсъ*, въ единственныхъ случаяхъ причиняетъ себѣ нѣкоторое безсиліе, и думаетъ,

что онъ больше теперь о своемъ старается здоровьѣ. Онъ нѣкогда однимъ часомъ менѣе въ день, и хочетъ за рюмкою вина возвратить силы. Онъ льетъ и споритъ съ собою и своимъ пріятелемъ. Онъ слышитъ музыку, и вмѣсто того чтобъ дѣлать проницающею его чувствованія, разсуждаетъ Метафисическимъ образомъ о естествѣ музыки, или о ея качествѣ у древнихъ. Онъ идетъ, или ѣдетъ прогуливаться, не наслаждается ни удовольствіемъ бесѣды, ни веселостію страны; онъ съ своимъ духомъ находится при своемъ *минускриптѣ*, и наполняетъ недостатки; дѣлаетъ поправленіе, или располагаетъ новой планъ: и такъ всегда Сеюсъ отъ своихъ увеселеній отходитъ съ такимъ же расположеніемъ духа, которое имѣлъ за своими книгами. Можетъ ли онъ себѣ воображать, что онъ для своего здоровья сдѣлалъ себѣ движеніе? Его чрезмѣрная склонность къ наукѣ правитъ имъ вездѣ, и его здоровье при всемъ внѣшнемъ видѣ его попеченія объ немъ не бываетъ крѣпче и продолжительнѣе. Принужденіе, которое онъ себѣ дѣлаетъ, есть переодѣтое желаніе къ наукѣ, и лекарства, кои онъ принимаетъ, даетъ своему тѣлу, чтобы подкрѣпить свое честолюбіе; а не съ тѣмъ, чтобъ ему способнымъ его сдѣлать, дабы лучше и долѣе служить свѣту по Божескому приказанію.

Сеюсъ, чрезъ свою страсть ученаго честолюбія, тайно раззоряетъ свое здоровье. Онъ дрожитъ при каждомъ и неосновательномъ порицаніи. Не *полученная* похвала входитъ въ кровь, и мѣшаетъ голоду за столомъ. Упрекали его въ погрѣшностяхъ въ дневныхъ запискахъ, и порицали съ горестію,

такъ же съ обидою: ужѐ онъ первую ночь проводитъ безъ сна, и его пульсъ бьетъ подобно пулсу лихорадки, чтобъ свою защитить невинность, садится на третій день и трудится о своемъ защищеніи съ такимъ жаромъ, что онъ отъ того впадаетъ въ лихорадку. Онъ думаетъ, что свое здоровье не самъ собою повредилъ. И онъ по крайней мѣрѣ могъ то знать, что онъ его повредитъ. Онъ думаетъ, что хорошее имя есть болѣе, нежели здоровье; и еще не рѣшено, повреждена ли его слава у разумныхъ чрезъ сіе порицаніе и его оправданіе, увѣритъ ли неправедныхъ, или не гораздо ли болѣе возбудитъ ему новыхъ враговъ? И потому потерянное здоровье было ли справедливою жертвою? или возвращеніе онаго менѣе ли не извѣстно, нежели возвращеніе своей воображаемой чѐсти? Ежели смерть слѣдуетъ за болѣзнями, то онъ жизнь, величайшее добро подвергнулъ опасности за свою честь. Развѣ сіе разумнѣе, нежели свое хорошее имя чрезъ поединокъ спасти хотѣть.

Сеюсъ чрезъ свое неутомимое и вредное прилѣжаніе подавляетъ бодрое и веселое сердце, и слѣдовательно затворяетъ источникъ здоровья. Онъ есть своенравенъ и каждой день находитъ случай къ гнѣву и соболѣзнуетъ о своихъ скорыхъ воскипѣніяхъ и ищетъ своего здоровья, какъ онъ думаетъ чрезъ утоляющій жаръ порошокъ поставить въ безопасности: онъ свой покой, гдѣ онъ учится и спитъ, рѣдко приказываетъ чистить, чтобы не произошло непорядка, и лучше терпитъ пыль удушающую, худой и гнилой воздухъ запертаго покоя. Онъ спитъ не много и однако жъ спитъ въ тепломъ покоѣ и на согрѣвающей посте-

лѣ; ибо онъ нѣженъ. Онъ ѣстъ весьма крѣпкую
пищу, и думаетъ, что онъ довольно дѣлаетъ для
своего здоровья, что не ѣстъ неумѣренно. *Сеюсь*
любитъ здоровье свое мало, только въ одномъ на-
мѣреніи, онъ любитъ для своей главной склонно-
сти, и однакожъ погубляетъ оное чрезъ сіе.

Излишнее попеченїе о здоровьѣ. *Ирида* въ противной впадаетъ порокъ:
она боится болѣзни и смерти такъ, что
каждой день посылаетъ въ аптеку, она ни очемъ
не помышляетъ и не говоритъ, какъ только о діетѣ
и страхъ себя повредить, въ новыя ея ввергаетъ
злоключенія. Чтобъ себя не простудить, бѣгаетъ
здороваго воздуха; и для произведенія ненужнаго по-
та, обезсиливаетъ себя предъ полуднемъ въ жар-
кихъ покояхъ, и ослабляетъ жилы чрезъ теплой
напитокъ: она похищаетъ у себя аппетитъ чрезъ
многія средства его у себя возбудить, и чрезъ без-
временныя лекарства сама себя дѣлаетъ больною,
когда она болѣзни предупредить хочетъ. Движе-
ніе почитаетъ она за нужное, но легко можно,
такъ разсуждаетъ она, лишнее учинить движеніе,
и мое тѣло есть нѣжно и кровь скоро воскипаетъ;
и такъ она каждое движеніе предпринимаетъ съ
страхомъ, никогда не бываетъ свободна въ духѣ
и чувствуетъ, что она себѣ чрезъ движеніе при-
влекаетъ тяжести и ей собственно вредитъ толь-
ко излишней ея страхъ; у ней всегда чего нибудь
не достаетъ, потому; что она думаетъ, что ей
нѣчто вредить можетъ, она отрекается невин-
нѣйшихъ удовольствій, потому что она боится,
чтобъ они ея здоровью не сдѣлали ущербу, чтобъ
не быть больной, отдаляетъ отъ себя разны

здоровыя кушанья и избираетъ такія, кои наипаче причиняютъ острыя и гнилые соки, всякія болѣзнь ея сосѣдки ввергаетъ ея въ новое безпокойствіе, и каждое мертвое тѣло въ страхъ смерти: такимъ образомъ чрезъ опасеніе отъ злоключеній претерпѣваетъ почти тоже, чтобы она отъ самыхъ злоключеній претерпѣвала, отъ коихъ она съ такою заботою предостеречь себя старается. Сколь бѣдна *Ирида*? Сколь презрительна въ разсужденіи Гражданской жизни? Будетъ ли она разумная супруга, попечительная мать, нѣжная и подающая помощь пріятельница? Сколь много должностей изъ страху умереть она оставитъ? И слѣдовательно хочетъ ли она жить, только чтобъ жить? Какой недостойной конецъ? и сколь несчаслива она будетъ чрезъ сіе? Она опускаетъ величайшія должности сердца, кои изъ дѣйствительности и исполненія общественныхъ должностей проистекаютъ: она похищаетъ у себя почтеніе, любовь, упованіе, она похищаетъ у себя два драгоцѣнныхъ добра жизни, спокойство души и притомъ здоровье тѣла, чрезъ неумѣренное попеченіе о здравіи. Жалостная *Ирида*!

Впрочемъ хотя должность и велика, разумно стараться о своемъ содержаніи: однако мы не должны забывать, что здоровье, при всей нашей предосторожности, такъ какъ прочія благія, не совсѣмъ состоитъ въ нашей волѣ.

Крѣпость тѣла. Такъ же можно быть здорову, не имѣя для того крѣпкаго и продолжительнаго тѣла; но сія крѣпость онаго, есть самая подпора

здоровья, и часто необходимое свойство къ житейскимъ дѣламъ, и потому попеченіе, чтобъ оную получить и хранить, есть такъ же должность. Никто подлинно не знаетъ, къ чему онъ на свѣтѣ призванъ, не принудитъ ли его состояніе, жестокіе утомляющіе труды предпринимать себя жестокости погоды, теплоты и стужи подвергать, трудныя путешествія имѣть, и ихъ безпокойствія сносить, въ походахъ служить, и часто съ голодомъ и жаждою, съ сномъ, и ненастьемъ погоды купно бороться, потому что сего никто вѣрно не знаетъ, что о многихъ упражненіяхъ безъ крѣпкаго тѣла совсѣмъ не можно, о многихъ довольно удачливо стараться не можно, что никто не можетъ освободиться отъ трудностей жизни: то крѣпкое пріобученное къ трудамъ тѣло за счастіе и нѣжность онаго, напротивъ того за несчастіе почитать имѣемъ, и потому мы обязаны наипаче въ молодыхъ лѣтахъ убѣгать сей нѣжности. Сіе бываетъ, ежели мы себѣ удовольствія и спокойствія тѣла ненужными дѣлаемъ, себя заботливо къ особливымъ ествамъ и напиткамъ не приобучаемъ, по степенямъ свой голодъ всѣми и крѣпкими кушаньями утоляемъ, и нашу жажду всего больше водою утушаемъ, тѣло ни весьма тепло, ни весьма легко не одѣваемъ, жестокости воздуха трепеща не бѣгаемъ, и такъ же въ жаркомъ лѣтѣ учимся напрягать свои силы. Всѣ упражненія тѣла укрѣпляютъ его и дѣлаютъ нашимъ. Сіе знали древніе, и ихъ дѣти получали столь же долговѣчное тѣла качество, какъ они сами имѣли, ни къ какому часу рабски себя не привязывать и иногда отъ порядка счасливо уклоняться, сонъ пресѣкать, хотя бы онъ былъ сладокъ, заблаговременно

но и на жеской постелѣ учиться сладко спать, часто своимъ собственнымъ быть слугою и тогда, когда десять оныхъ около себя имѣемъ, не сколько итти пѣшкомъ и тогда, когда мы ѣхать могли, себя заблаговременно пріобучить къ холоднымъ банямъ. На все сіе съ осторожностію и съ малыхъ лѣтъ отважиться, споспѣшествуетъ крѣпости и долговѣчности тѣла. для чего превосходитъ насъ крестьянинъ въ сихъ счастливыхъ свойствахъ, какъ не за тѣмъ, что онъ безъ него въ движеніи и на свободномъ воздухѣ при простой и такой, которую скоро сыскать можно, пищи, безъ теплаго и горячаго напитка воспитанъ и какъ ребенокъ уже долговѣченъ и трудолюбивъ сдѣлался? Кто крѣпость своего тѣла чувствуетъ, тотъ лучше будетъ сопротивляться опасностямъ и опасности насъ часто окружаютъ; кто крѣпкимъ быть привыкъ, тотъ будетъ равнодушнѣе сносить безпокойства недостатка и бѣдности, и никто не знаетъ своей будущей судьбины. Онъ будетъ менѣе подверженъ болѣзнямъ, когда онъ перемѣну воздуха, пищи и питія, землѝ и воды̀, мало въ своемъ тѣлѣ чувствуетъ; и ежели правда, что чрезъ движеніе и жестокой трудъ безъ отдыханія наше тѣло подобно желѣзу очищается: то и это правда, что праздность напротивъ того крѣпость нашего тѣла снѣдаетъ, какъ ржа желѣзо. Къ жестокой жизни, пріобыкшей человѣкъ въ упражненіяхъ тѣлесныхъ, не уставая скоро, будетъ долго пребывать и сколь многія дѣла̀ духа находятся, кои для того же не удаются, или намъ вскорѣ бываютъ бременемъ, потому что наше тѣло не можетъ долго выдерживать стоянія, или сидѣнія, или движенія: слѣдовательно здоровое, но нѣжное

тѣло нашему счастію въ свѣтѣ, нашему званію и состоянію, нашему покою въ несчастіяхъ часто бываетъ противно; и потому мы обязаны не изнѣживать наше тѣло, сколь многія должности любви дружества внѣшняго званія могутъ намъ быть бременемъ, только за тѣмъ, что имѣемъ нѣжное тѣло, духовной будетъ дрожать въ тепломъ покоѣ больнаго и волнованіе его крови, которое онъ весьма чувствуетъ, въ ревности его должности будетъ препятствовать, или его принудитъ скорѣе оставить больнаго, нежели какъ онъ долженъ былъ. Другъ, которой малѣйшее спокойство сдѣлалъ себѣ необходимъ, будетъ самъ въ себѣ то почитать за похищеніе, когда онъ его съ своимъ пріятелемъ долженъ раздѣлить; и понеже на трехъ постеляхъ, а неиначе спать привыкъ, ему одну отдать долженъ. Изнѣженная хозяйка, которая воззрѣніе на больнаго едва можетъ сносить, какъ ей, какъ бы сердце ни было благонравно, должности, помощи и старанія о больномъ супругѣ, о страждущемъ робенкѣ, о умирающей пріятельницѣ, которая ея утѣшенія теперь желаетъ, можно будетъ наблюдать: она не можетъ безъ головной болѣзни на два часа лишить себя своего обыкновеннаго сна, и она какъ во всю долгую ночь чрезъ бдѣніе облегчила бѣдствіе своихъ? Она хочетъ то сдѣлать, и она сама впадаетъ въ болѣзнь; ибо хотя она здорова, однако она въ томъ порядкѣ, къ которому она себя съ младыхъ лѣтъ заботно и нѣжно привязала. *Клеонъ* находится не очень здоровъ, какъ скоро онъ заблаговременно обыкновеннаго пота на постелѣ дождаться не можетъ, и хотя онъ ни сна, ни мяхкой постели не любитъ: однако онъ это чрезъ долговременную привычку сдѣлалъ себѣ не-

неизбѣжнымъ. Сколь часто должность принуждаетъ его сію своенравную діету пренебрегать, то онъ въ день лѣнивъ и скученъ, и какъ бы охотно онъ ни трудился, въ иное время къ труду есть неспособенъ: онъ долженъ теперь сообщать совѣтъ, и его голова отягчена парами: онъ теперь ничего не видитъ, хотя онъ проницателенъ; ибо его разумъ страждетъ отъ его тѣла, однако жъ совѣтъ долженъ скоро сообщаемъ быть и соединенъ съ великими слѣдствіями. Для чего *Клеонъ* сдѣлалъ себя рабомъ такой діеты? *Дорантъ* служитъ охотно, но онъ не здоровъ, когда онъ днемъ ни на́ два уставленные часы движенія себѣ не дѣлаетъ; онъ въ сіи часа̀ долженъ съ учтивостію принять иностранца, но онъ зѣваетъ и не умѣетъ изображать словъ; ибо его тѣло, которое теперь должно было бы движеніе имѣть, сковываетъ его. Иностранной много объ учтивости Доранта слышалъ, и видитъ теперь принужденнаго человѣка предъ собою: онъ пришелъ, чтобъ предложить ему счастіе, но онъ ему не нравится, и *Дорантъ* теряетъ знатныя выгоды не чрезъ вину своего начертанія, но потому что это тотъ часъ, къ которому онъ привязалъ себя рабски. Молодой *Аристъ* владѣетъ всѣми способностями составить его счастіе: онъ разумѣетъ языки, исторію и права̀, и вступаетъ какъ Секретарь въ должность великаго Министра, которой своими дарованіями и добронравіемъ съ нача́ла весьма доволенъ, но *Аристъ* отъ своего отца весьма нѣжно воспитанъ, хотя онъ весьма умѣренъ. *Аристъ* здоровъ, пока онъ въ своемъ уставленномъ расположеніи пребываетъ: теперь его благодѣтель посылаетъ его для отправленія тайныхъ дѣлъ на нѣсколько недѣль.

Онъ имѣетъ на дорогѣ все спокойное; но онъ долженъ сорокъ миль и день и ночь ѣхать, въ другую ночь имѣетъ ужè насморкъ и пришелъ въ слабость. Его вино издержалось. Въ самомъ дѣлѣ много лѣтъ тому, какъ онъ только въ день не болѣе какъ двѣ рюмки выпиваетъ. Онъ въ одинъ день не находитъ винà; и ужè теряетъ онъ аппетитъ, и страждетъ желудкомъ: на третій день подымается мокрая и ненастливая погода и *Аристъ* не можетъ сносить жестокости погоды. Онъ приходитъ съ лихорадкою въ иностранной дворъ; но чрезъ покой опять возвращаетъ силы и учреждаетъ свои дѣлà превосходно. Спустя нѣсколько недѣль назадъ отправляется, и приходитъ безсиленъ и съ новою лихорадкою предъ своего Министра. Его языки, его проницательной разумъ, просвѣщенная жизнь, его пріятной видъ и добропорядочная благопристойность. опредѣляютъ его къ дѣламъ въ знатномъ мѣстѣ, его вѣрность и попечительность равняются съ его способностями. Министръ еще хочетъ его отправить и стараться о его благополучіи; но *Аристъ* дрожитъ, его тѣло не можетъ терпѣть трудности, непогоды и недостатка спокойствій, къ коимъ привыкъ. Онъ вспоминаетъ о своихъ лихорадкахъ, проситъ о увольненіи и дѣлается Секретаремъ въ ближайшемъ городкѣ. Онъ, которой по всей вѣрности родился быть совѣтникомъ посольства, которой бы своему отечеству и благосостоянію своей фамиліи, чрезвычайныя показалъ услуги и тысячу разъ полезнѣе могъ путешествовать, нежели другіе, ежели бы только его тѣло не было изнѣжено; ибо было бы здорово и долговѣчно, ежели бы *Аристъ* заблаговременно осмѣлился

ся

ся оное изъ лѣниваго спокойства извлечь и ему трудности съ разумомъ предложить.

Симъ образомъ легко можно усмотрѣть, что долговѣчность, поелику она чрезъ движеніе, искушеніе и по степенямъ отдаленіе отъ обыкновеннаго рода жизни получается, есть великая должность, и что ея чрезъ конецъ такъ же можно сдѣлать добродѣтелію, какъ попеченіе о самомъ здоровьѣ. Ибо безъ надлежащаго высочайшаго конца никогда не должно сіе намъ забывать, Слушатели, безъ надлежащаго высочайшаго конца наилучшее дѣиствіе, которое для себя столь хорошо и полезно, для насъ не есть добродѣтель и ни исполненіе величайшихъ, ни малѣйшихъ должностей, не дѣлаетъ насъ добродѣтельными, ежели мы ихъ не изъ покоренія волѣ Божіей, не изъ познанной обязанности къ Нему, яко нашему Господу и законодателю, и слѣдовательно не для Него исполнять желаемъ. Хотя бы должности были въ разсужденіи насъ, или другихъ, но ежели мы объ нихъ только разсуждаемъ по обыкновенію, по вкусу въ нашемъ удовольствіи, благосостояніи и важности, по собственной корысти и только по самолюбію: то ничего не дѣлаемъ, какъ что мы самихъ себя почитаемъ и себя притомъ, что мы дѣлаемъ и оставляемъ, самихъ дѣлаемъ высочайшимъ концомъ и въ ономъ себя богомъ.

Я ученіе о должностяхъ, въ разсужденіи нашего здоровья и нашей жизни, не могу заключить безъ того, чтобъ изъ любви къ вамъ, дражайшія юноши, не присовокупить увѣщанія. Нѣтъ времени, въ которое бы болѣе имѣли причины пещися

щися о сохраненіи и укрѣпленіи своего здоровья, какъ возрастъ юношества и можетъ быть, нѣтъ времени, въ которое менѣе о томъ пекутся. Въ семъ живомъ возрастѣ чувствуемъ мы приращеніе нашихъ силъ столько, что умаленія оныхъ почти опасаться не можемъ. Въ семъ добромъ возрастѣ суть однакожъ враги нашего здоровья и нашей жизни. Наисильнѣйшіе мы не рѣдко бываемъ, ибо наша кровь кипитъ, смѣлы и неразсудительны въ нашихъ предпріятіяхъ. Наши страсти суть жестоки и будто силою заставляютъ нашъ помѣмнѣнной разумъ почитать себя, яко непорочными, или не обходимыми. Мы искушеніямъ не умѣренности, сластолюбія, ложнаго честолюбія, симъ опаснѣйшимъ врагамъ здоровья, по большой части подвержены конечно, сколь многіе похищаютъ у себя сіе сокровище въ своихъ первыхъ годахъ чрезъ легкомысліе, пустоту, своенравіе, чувственность и покупаютъ себѣ ужè на своемъ тритцатомъ году слабости и болѣзни старости и мучительный попрекъ въ томъ, что они начальники оныхъ были. Ежели бы они весну своей жизни препровождали въ не винности и умѣренности, то бы наслаждались здоровою и спокойною старостію, чахоткою рано не изнурялись, чрезъ неисцѣльную боль ужасно не истреблялись и чрезъ мученіе паралича не были осуждаемы на долговременную смерть! Сколь бы многіе при наблюдаемой прилѣжно умѣренности ужè ни съ густою и испорченною кровію, ни съ скорченными жилами, ни съ обморокомъ, ни съ смертною слабостію жизненныхъ духовъ брани не имѣли! Сколь бы многіе съ любящею супругою, благословены будучи благоустроенными и здоровыми дѣтьми среди восклицанія непорочныхъ,

ныхъ, своею жизнiю съ радостiю наслаждались и свое званiе счастливо отправляли, кои теперь будучи нелюбимы, наказаны злонравными, или больными дѣтьми, между тайными попреками свѣта и своего се́рдца, свою жизнь съ тоскою провождаютъ и будучи не способны служить свѣту, бываютъ ему тягостiю.

Сколь тлѣнно наше тѣло, сколь раззоренiю подвержено наше здоровье и наша жизнь! Капля кро́ви, которая изъ своего опредѣленнаго мѣста выгоняется, поврежденная жила, ниточка въ соплетенiи мозга порванная, пище по взапренiи, нечаянная перемѣна воздуха, пресѣченной потъ, излишно удовольствованной голодъ, сильной гнѣвъ, требуется ли болѣе, нежели какъ сiе, чтобъ насъ ввергнуть въ болѣзни, да и въ гробъ положить? и мы ли бы не хотѣли, въ разсужденiи здоровья, осторожно себя вести, по причинѣ нашей тлѣнности ежедневно о своемъ концѣ помышлять, мудро жить, чтобы можно было умереть спокойно?

Бѣгайте и ненавидьте, какъ вы похвально поступаете, юношескаго легкомыслiя, разпустности и дикости нравовъ, которые прежде сего называли Академическою вольностiю, ужаснаго желанiя героемъ быть при питьѣ, разстечающей охоты къ игрѣ, которая у многихъ юношей счастiе и здоровье похитила, ядовитой веселости ласкательствующаго сластолюбiя, которое столь многихъ цвѣтущихъ юношей высохшими *костями* сдѣлало. Уважьте мою прозьбу, любезные юноши! Я прошу, когда прошу о вашемъ воздержанiи и умѣренности, прошу собственно для вашего здоровья,

ровья, для благополучія вашей будущей жизни, для спокойствія и добродѣтели вашихъ душъ, для пользы свѣта, для радости неба: я прошу какъ вашъ пріятель, какъ вамъ чистосердечной учитель, какъ отецъ своихъ сыновъ проситъ и я знаю, что вы слышите прошенія любви.

Здоровье и крѣпость тѣла остается даромъ провидѣнія, которой мы съ благодарностію хранить и коимъ пользоваться, а потерю котораго такъ же съ покоемъ сносить должны, когда премудрому правителю нашей судьбины нравится, оную на насъ попустить. Безъ сей преданности мы при всемъ своемъ попеченіи не только никогда не можемъ быть спокойны и безопасны, но и сами отъ великой тоски будемъ впадать во многочисленные пороки, кои повреждаютъ наше здоровье, въ ребяческіе пороки весьма великой осторожности въ здоровые дни, или приводящей въ уныніе тоски въ немощные дни. И такъ высочайшая должность по естественному повелѣнію, хранить свое здоровье, есть сія, чтобы мы при разумномъ попеченіи и при славномъ употребленіи нашего здоровья, оное съ радостію поручали рукамъ осторожности, какъ нашу самую жизнь. Ежели отходитъ отъ насъ сіе драгоцѣнное добро, то для утѣшенія довольно того, чтобъ мы его сами у себя не похищали, или чтобъ онымъ жертвовали нашей высочайшей должности, хотя потеря нашего здоровья есть несчастливой плодъ не осторожности въ *діетѣ*, безразсудности, или не знанія (отъ сихъ пороковъ никто совсѣмъ не освобожденъ); однако мы тысячу разъ себя прежде успокоить можемъ, нежели когда сія же потеря

будетъ плодомъ съ согласіемъ учиненнаго и продолжаемаго порока; отъ чего да сохранитъ насъ Богъ! Но и въ семъ случаѣ наша бѣдность можетъ еще быть добродѣтель, ежели мы наказанія глупости въ смиреніи сносимъ и употребляемъ ихъ для премудрости и исправленія, тотъ не совсѣмъ есть несчастливъ, которой отъ своего несчастія научается мудрости.

Хотя наконецъ судьбина горестна не быть здоровымъ и тогда, когда *не мы* въ томъ *виноваты*: однако она имѣетъ и свою хорошую сторону, на которую мы смотрѣть должны. Это правда, что немощное тѣло, душу не дѣлаетъ ни мудрою, ни добродѣтельною; но оно можетъ насъ принудить, болѣе примѣчать себя, премудрость и добродѣтель: оно можетъ намъ препятствовать, чтобы мы въ нѣкоторыя разсѣянія и удовольствія не вдавались, въ коихъ наше чрезмѣрно чувственное сердце погибло бы. Оно можетъ насъ сдѣлать способнѣйшими къ сострадательству и услужности, ежели мы хотимъ, и по большей части тѣ, кои много болѣзней и несчастій претерпѣли, суть полезные, доброхотные и утѣшительные пріятели людей, ежели они имѣютъ исправленное сердце, *кротость*, *терпѣніе*, *упованіе*, суть часто добродѣтели, коимъ многіе въ печальной школѣ опыта и бѣдствія только научиться могутъ. Больной напослѣдокъ человѣкъ, хотя бы онъ былъ не способенъ ко многимъ должностямъ, однако онъ собственную себѣ должность удержать можетъ, чтобъ жребій, которой ему, яко твари изъ десницы Божіей выпалъ, спокойно сносить, и за то признавать, что для истиннаго

и

и всегда пребывающаго благосостоянія, есть самой наилучшей. Онъ можетъ здоровья надѣяться, желать и искать, но всегда въ исполненномъ преданности отношеніи на начальника жизни. Онъ можетъ жаловаться, и какъ человѣкъ плакать, но не съ досадою роптать. Богъ есть господинъ нашей судьбины, при семъ великодушномъ терпѣніи человѣческаго бѣдствія оживляетъ насъ паче всего вѣра чрезъ живую надежду безконечнаго благополучія; ,, что ты малодушествуешь? Можетъ ,, бѣдной самъ къ себѣ сказать: Богъ имѣетъ еще ,, цѣлую вѣчность, тебя осчастливить, не унывай ,, и надѣйся на Него!,,

ТРЕТІЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

О попеченіи въ разсужденіи благопристойности и внѣшняго благонравія.

Чистота, о которой я теперь вамъ, Слушатели, вопервыхъ говорить хочу, есть не обходимое свойство благопристойности и споспѣшествуетъ притомъ здоровью. Съ сей двоякой стороны ея одобряетъ намъ разумъ, которой ей противное тѣмъ болѣе осуждаетъ, что оно всегда предполагаетъ лѣность, нерадѣніе и безпечность начертанія, или предразсужденія, или гордость, или излишнія дѣла, самое убожество можетъ еще быть чисто, и кто скромнѣйшую ведетъ жизнь, тотъ долженъ еще таковъ быть въ своемъ уединеніи. Тоже самое, что наше тѣло дѣлаетъ омерзительнымъ, вредитъ и его здоровью и крѣпости.

ности. Пыль и нечистота, кои насъ безобразятъ, закладываютъ купно малѣйкія скважины и отверстія, чрезъ кои наше тѣло испускаетъ пары. Отъ поту полотно противное глазу останавляетъ кровь, и причиняетъ ей гнилость; а чистое и свѣжее бѣлье, которое нашему глазу пріятно, ободряетъ и укрѣпляетъ купно тѣло. Таже холодноватая вода, которая нашу кожу очищаетъ, укрѣпляетъ и наши жилы, и возбуждаетъ наши жизненные духи. Тотъ же спершейся и гніющей воздухъ покоевъ, которой обонянію гнусенъ, оскверняетъ легкое, и въ слабость приводитъ, тоже попеченіе, которое нашъ зубъ снѣгомъ, и наше дыханіе чистымъ свѣжимъ воздухомъ дѣлаетъ, сохраняетъ уста отъ гнилости, и наше небо во рту отъ поврежденія. Это вѣрной знакъ, что мало себя любитъ, кто чистоту не любитъ; да и это есть будто возбужденіе, что бы насъ другіе презирали, когда мы сами себя не почитаемъ, и что бы они насъ чрезъ малопочитаніе наказывали, когда мы довольно безстыдны, ихъ правильную брезгливость возбудить. Собрали цѣлыя записки болѣзней, кои свою пищу, или свое начало имѣютъ отъ нечистоты тѣла. Сія побудительная причина должна по крайней мѣрѣ трогать всѣхъ тѣхъ, кои бы, чтобъ понравиться только благопристойности, не думали быть чистыми. Чистота требуетъ порядка; и можетъ быть ненавидимъ мы нечистаго и для сей причины, что думаемъ, что не господствуетъ законъ порядка въ его душѣ. Но и чистота имѣетъ свою излишность,, она, говоритъ Цицеронъ, не должна быть чрезмѣрно избранна, и чрезъ то самое другимъ ненавистна: но только отдаленна

„ отъ оной нерадивости, которая противна есте-
„ ственной благопристойности и хорошему пове-
„ денію „.

Благопристойность никогда не можетъ быть безъ чистоты; но она требуетъ въ разсужденіи движеній и положеній нашего тѣла чего нибудь еще болѣе. Внѣшняя благопристойность требуетъ правильнаго, однакожъ непринужденнаго движенія нашихъ членовъ, чрезъ которое ихъ конецъ легко и скоро послѣдовать можетъ. Въ самомъ дѣлѣ истинная благопристойность тѣла столь же мало есть плодъ правилъ основанныхъ на своенравіи, сколь мало бываетъ такимъ краснорѣчіе въ писаніи. Можетъ быть у сего, или онаго народа почитаютъ много произвольнаго за благопристойность и не рѣдко не искусно оборачиваться за красоту тѣла, и введенную природѣ противную моду за благопристойность въ платьѣ. Только не знаемъ того благоучрежденнаго народа, которой бы наклоняющуюся голову, плеча, кои до головы подымаются, руки кои свѣшены какъ окостѣнѣлыя, или какъ приставленныя къ тѣлу, надымающееся чрево и сжатая грудь, ноги, кои въ хожденіи складываются криво, или тѣло съ одной стороны на другую переваливать, почиталъ за благопристойность, потому что все положеніе противно составу онаго и концу членовъ. „ Стоя-
„ ніе, хожденіе, сидѣніе, сидѣніе за столомъ,
„ лице, глаза, движеніе рукъ должны хорошую бла-
„ гопристойность имѣть, а особливо тую, кото-
„ рой насъ научаетъ самая природа. При семъ
„ наипаче должно удаляться двухъ пороковъ: нѣ-
„ жнаго и подобнаго женщинѣ, и грубаго и кресть-
„ янска-

„янскаго; такъ познатель учености и благопри-
„стойности, мудрѣйшій Консулъ, училъ своего
„сына, которой тогда въ Аѳинахъ учился„.

Все, что помогаетъ свободное употребленіе тѣла приводить въ нашу власть, то споспѣшествуетъ нѣкоторымъ образомъ и его благопристойности, и потому всѣ упражненія тѣлесныя, кои по правиламъ предпріемлются, ежели не естественныя, то по крайней мѣрѣ удачливѣйшія къ тому средства; и это есть веселое разсужденіе, что самое полезнѣйшее для тѣла подаетъ ему и наибольшую благопристойность, хорошо научаться изъ изрядныхъ примѣровъ, какъ свое тѣло прямо держать долженъ, но примѣры не болѣе какъ только правильности научить насъ могутъ. Красота положенія, или движенія состоитъ въ собственномъ, которое наипаче прилично нашему тѣлу и его цѣлому составу, и душѣ, которая въ немъ владычествуетъ. Сіе есть свойственная благопристойность, которая одного предъ другимъ глазу дѣлаетъ пріятнымъ, искусство не можетъ намъ ея подать; нѣтъ, она сама по себѣ слѣдуетъ, и въ разсужденіи оной мы болѣе должны себя предостерегать, что бы мы оную чрезъ подражаніе не отгоняли, нежели стараться, какъ ея подвесть подъ нѣкоторыя правила, и каждое съ тоскою употреблять; ибо изъ сего происходитъ порокъ драгоцѣнности и педанства въ благопристойности. Рисованіе безспорно есть средство, нашъ глазъ къ благопристойности пріобучать, и ему законы согласія собственнымъ правиломъ дѣлать, и тотъ, которой справедливо и изрядно написанныя изображенія и наилучшія положенія

въ дѣлахъ рѣщика часто имѣетъ предъ глазомъ, сколько долженъ себѣ снискать чувствіе благопристойности, по которому его собственное тѣло изображаться будетъ, когда онъ ея не пренебрегаетъ! Хотя бы фектованіе не служило для отвращенія опасностей: однако бы можетъ быть для того полезно было, что оно наши члены по правиламъ изъ ихъ соннаго, или не гибкаго положенія извлекаетъ, ихъ складными и крѣпкими дѣлаетъ, и слѣдовательно помогаетъ облегчить благопристойность тѣла. Такимъ образомъ верьховая ѣзда, кромѣ благопристойности и безопасности сидящаго на лошади подаетъ слѣдовательно и благопристойность держать тѣло. Поелику оно насъ научаетъ держать тѣло въ равновѣсіи свободно и съ малымъ трудомъ; и добровольное никогда неможно отдѣлить отъ благопристойности. Я знаю что каждое изъ сихъ искусствъ свое собственное имѣетъ, которое только въ своемъ округѣ для тѣла красиво, а внѣ онаго можетъ намъ подать безобразіе, но сіе можно сказать о самой школѣ тѣла, то есть о танцованіи. Положенія по своему искусству въ самомъ высочайшемъ степени перевесть обыкновенное хожденіе на улицѣ, или въ движеніяхъ при бесѣдѣ, будетъ всегда непріятнымъ. Мы весьма знаемъ, что сколько бы правила хорошаго танцованія ни были естественны, свѣтъ не есть танцовальная палата, и сколько бы правила пѣнія ни были изрядны, въ рѣчи сей по мѣрѣ учрежденной голосъ бываетъ нескладенъ.

Кто не знаетъ, что благопристойность чрезвычайно много основывается на видѣ; и видъ изображать для благопристойности есть столь же нужно,

нужно, сколь изображеніе разума для добродѣтели. Но какъ мы изображаемъ видъ? я думаю двоякимъ образомъ, изъ котораго одинъ несравненно важнѣе нежели другой. Изображеніе, которое подаетъ намъ обхожденіе, зеркало, или воспоминаніе друга, или надзирателя, истребляетъ принужденное, комическое, суровое, наглое, робкое, и видъ много ужѐ выигралъ, когда онъ сихъ пороковъ не имѣетъ. Но какъ рѣчь еще некрасива потому, что въ ней погрѣшностей грамматическихъ нѣтъ, хотя она безъ правильности языка никогда совсѣмъ красива быть не можетъ: такъ и видъ не имѣетъ еще своей вящщей прелести, для того только, что главныя черты лица суть безъ порока, то, что свѣту въ видѣ наиболѣе пріятно, или досадно, есть начертаніе духа и се́рдца, говорящее чрезъ глазъ и лице. Веселое, скромное, беззаботное, благородное, кроткое великое се́дце; сердце исполненное дружелюбія, искренности и доброй совѣсти, исполненное владычества надъ своими чувствами и страстями, сіе се́рдце легко изображается въ *движеніи лица̀ и оборочиваніи тѣла*; сіе сердце по большей части раждаетъ скромной, пріятной, плѣняющей и уловляющей видъ, постоянной, благородной, высокой и величественной видъ, кротость и дружелюбіе на чертахъ лица̀, искренность и простоту въ глазѣ, постоянство на челѣ веселостію растворенное, пріятность взора съ стыдливостію сопряженную; и наилучшая краска ли́ца, или наилучшей видъ есть хорошая краска се́рдца и разума. Скажете; видъ обманываетъ. Конечно, можно его притворять; но рѣдко, что бы притворство чрезъ принужденіе не

оказалось, и истинну на лицѣ можно столь легко различить, какъ истинну между справедливыми и между блистающими только красивыми мыслями. Румяны не бываютъ самою кожею, хотя они очень хорошо намазаны: еще не обманываетъ меня и сіе, что лица съ хорошими видами часто имѣютъ злонравное сердце. Я гораздо болѣе заключаю изъ того, что сіи особы много естественнаго расположенія имѣли къ тѣмъ свойствамъ, коихъ знаки на ихъ изображеніи встрѣчаются. Наконецъ, можетъ быть это правда, что часто подъ пасмурнымъ видомъ кроткое и веселое сердце, и подъ грозящимъ свирѣпымъ глазомъ человѣколюбивое начертаніе скрывается. Сіе несогласіе можетъ происходить или отъ худо принятыхъ обыкновеній вида и худаго обхожденія, или отъ того, что начертаніе, которое оно показываетъ, отъ природы есть, или съ первыхъ годовъ было наше собственное худое дѣло чрезъ долгое время, хотя мы оное послѣ позабыли.

Что злыя и порочныя склонности изъ сердца легко выходятъ на лице, въ семъ увѣряетъ насъ необманчивый опытъ; по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ порокахъ, и что есть прекрасное изображеніе лица, въ которомъ впечатлѣны ненавистныя черты сластолюбія, гнѣва, лжи, зависти, сребролюбія, гордости и неудовольствія? Что есть вся внѣшняя благопристойность, когда неблагородное, или легкомысленное сердце, чрезъ лице показывается? Слѣдовательно, средство, чтобъ свое лице сколько можемъ, прикрасить, надежнѣйшее есть сіе, чтобъ украшать свое сердце и никакимъ злымъ страстямъ въ немъ господ-

сподствовать не допускать. Средство не имѣть пустаго и простаго вида, есть наилучшее, чтобъ учиться помышлять справедливо и изрядно благородную прелесть показывать на своемъ лицѣ, средство есть лучшее, чтобъ имѣть сердце исполненное вѣры и добродѣтели, которая высочество и спокойство въ немъ распространяетъ. Великой Юнгъ говоритъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ, что онъ не можетъ себѣ представить никакого божественнаго взора, какъ прекрасную женщину на колѣняхъ во время молитвы, которую она непремѣнно отправляла, и на которой челѣ смиреніе и невинность благочестивой душй соединились. И въ самомъ дѣлѣ нѣчто человѣколюбивое и услужливое, которое мы въ наружномъ поступкѣ, столько почитаемъ, не должно ли было бы добровольно и вездѣ за нами слѣдовать, ежели бы мы всегда были человѣколюбивые и услужливые люди, какими мы казаться столь много старанія прилагаемъ? Столь много старанія сколько бы ненадобно было, дѣйствительно быть такими. Возмите двухъ Министровъ равныхъ природныхъ дарованій и равныхъ внѣшнихъ выгодъ, одинъ пускай будетъ изображенной Христіанинъ, другой изображенной, только Свѣтскій человѣкъ, кто изъ нихъ долѣе по своему внѣшнему поступку понравится! Оной ли, котораго сердце исполнено будучи благороднаго и услужливаго человѣколюбія кипитъ, или сей котораго самолюбіе дѣлаетъ пріятнымъ?

Сколько *удареніе голоса* наружную благопристойность оживляетъ, есть такъ же извѣстно. Удареніе одного нравится и трогаетъ ужè насъ хотя бы мы его языка не разумѣли, и голосъ друга-

таго непріятенъ намъ чрезъ его жестокость, чрезъ нескладную толстоту, чрезъ крикъ, чрезъ хрипѣніе и грубость: это извѣстно что мы пріятность голоса, столь же мало сами себѣ дѣлать всегда можемъ, сколь плѣняющій видъ: однако многіе его пороки отвратить можемъ, и нѣкоторые такіе, кои въ орудіяхъ языка причину имѣютъ, ежели приложивъ трудъ и стараніе, голосъ по его главному концу, *по ясности* и *подробности* наблюдать: то рѣдко будетъ, что бы онъ не понравился. Онъ будетъ крѣпче и слабѣе, когда нужно, онъ сдѣлается медлительнѣйшимъ, или скорѣйшимъ. Онъ лишится грубости чрезъ упражненіе и непріятности, которую мы безъ хорошаго получили воспитанія, чрезъ наилучшее подражаніе учиться пѣть, не малую пользу принесетъ голосу. Только голосъ часто бываетъ доброволъным изображеніемъ нашего начертанія, и слѣдовательно онъ приметъ такъ же добропу и порочность онаго. Находится оное удареніе, кое пустоту разума выдаетъ; потеряли бы его, ежели бы учились размышлять. Имѣется сонливое и лѣностное удареніе, лишились бы его, ежели бы научались разсуждать нелѣностно и живо, и свой разумъ и остроту болѣе напрягали. Есть нѣчто скоропостижно и безразсудное въ голосѣ; умѣрили бы его скорѣе, ежели бы скорость своего духа, или жестокость своихъ желаній умѣряли. Кто не знаетъ упорства и повелительности голоса, нѣжности и жалости? Но ежели источникъ сердца исправляется, то и голосъ исправится. Многая дерзость, или многая боязливость голосъ въ обхожденіи дѣлаетъ непріятнымъ, и чѣмъ скромнѣе есть разумной человѣкъ, когда онъ уже привыкъ

вык ко позорищу свѣта, тѣмъ пріятнѣе будетъ его голосъ. Какъ скоро голосъ лишается пороковъ привычки, худой бесѣды, или сложенія, и чрезъ упражненіе изображается: то онъ будетъ таковъ, которой намъ приличенъ до какого бы рода по своему естеству онъ ни принадлежалъ. Сердце съ своими хорошими склонностями и чувствованіями всегда оживлять будетъ голосъ. Чтобъ хорошо изъясниться, должно имѣть вкусъ, и чтобъ справедливое удареніе для нашихъ словъ найти, должно сей же вкусъ, сіе изрядное чувствованіе имѣть.

Сколь бы счастливѣе мы были съ своими высочайшими дарованіями, ежели бы сіи должности благопристойности часто за столь малыя не почитали! она послѣдуетъ намъ въ нашемъ званіи и въ нашемъ домѣ, въ дружескомъ обхожденіи, и на позорищи знатнаго свѣта. Хорошая благопристойность возбуждаетъ упованіе, изображенное тѣло пріятно бываетъ, хотя бы мы о томъ не старались, хорошей видъ лица говоритъ за насъ, и наше удареніе голоса подкрѣпляетъ оной. Часто не допускаютъ насъ къ нашему благополучію, или къ стезѣ славныхъ предпріятій, когда о своемъ наружномъ поступкѣ не радѣли: напротивъ того съ охотою пріемлютъ насъ, и почитаютъ наши дарованія, тѣмъ выше, чѣмъ менѣе непріятнаго, чѣмъ болѣе справедливости въ наружномъ показываетъ. Нѣкоторому духовному удалось бы найти путь къ сердцу знатнаго, которое онъ привлечь старался, ежели бы его недостатокъ благопристойности знатному не подалъ презрительнаго мнѣнія о его особѣ, онъ бы болѣе услугъ моѣ показать добродѣтели въ великихъ бесѣдахъ, еже-

ли бы онъ при своей основательной учености, и при своемъ благочестивомъ сердцѣ не забылъ, что способъ свое держать тѣло, насъ смѣшными, или презрительными дѣлать можетъ; что брезгливой свѣтъ на насъ налагаетъ должность ему быть пріятнымъ, и отъ введенной благопристойности не удаляться. Боязливость другаго, которой съ нами имѣетъ дѣло, наполняетъ такимъ принужденіемъ, которое мы чувствуемъ, и его отъ насъ удерживаетъ. Многое чтеніе, многая премудрость, хорошое намѣреніе, но притомъ мужицкой поступокъ, педантской видъ, не искусное удареніе голоса, мало успѣха имѣютъ въ бесѣдахъ. Публичныя отправленія нашихъ должностей часто ужасно не удаются, сколько бы мы къ тому способны ни были, только для того что мы въ разсужденіи внѣшняго поступка непросвѣщены, чрезмѣрная благопристойность, драгость и принужденіе въ оной объявляетъ нашу пустоту, или не достатокъ вкуса, или знанія свѣта; и можно ли чтобъ отправленія нашихъ должностей были, удачны когда мы малое мнѣніе о себѣ у другихъ возбуждаемъ? Ученой мужъ не воспрепятствовалъ ли пользѣ своего искусства, и своего прилѣжанія, чрезъ что онъ комическія движенія и положенія тѣла принялъ на себя, кои его при ученикахъ сдѣлали смѣшнымъ? Сіе случается намъ не только въ нашихъ должностяхъ, но и въ домѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ жизни, гдѣ намъ часто для того трудно и не возможно бываетъ, важность, любовь и почтеніе сохранить, потому, что мы скучны и гнусны въ наружномъ. Принятые недостатки тѣла наградить требуется великихъ заслугъ, и никто должности въ разсужденіи тѣла не долженъ почитать

за безделицу, покуда мы имеем глаза и уши, кои отъ природы научены съ правиломъ сходное какъ красивое и неправильное, яко неблагопристойное чувствовать. Чистота тела въ домашней жизни кажется быть малымъ чемъ нибудь; однакожъ сколь часто нераденіе онаго у обоего пола делалось первымъ источникомъ скуки, и досады въ супружестве! одежда, которая покрываетъ наше тело, конечно не есть его достоинство: однакожъ то известно, что проатеческое одеяніе, въ которомъ только выступаемъ, бываетъ досадно, и своенравіе, и безпечность нашего начертанія показываетъ. Гадкой кавтанъ такого человека, которой бы получше могъ носить, есть действительно обида для беседы, и какъ бы онъ ни былъ ученъ, однако ученость не приноситъ письма защищающаго неблагопристойность. Моды въ платьяхъ суть ничто; но ежели они суть невинны: то мы должны оныя наблюдать; и довольно того, ежели мы въ нихъ ни первыя, ни последнія, себя ни весьма по новому, ни весьма по старинному, ни весьма мало, ни очень драгоценно не одеваемъ, и мужескую благопристойность не промениваемъ на нежное и женское убранство.

Попеченіе о благопристойности тела, сколь бы ни казалось быть отдалено отъ добродетели, можетъ быть, по крайней мере добродетелію, ежели мы оное имеемъ съ темъ, чтобъ быть полезнейшими, и никому не быть досадными, потому, что сіе есть законъ разума и следовательно Божеское определеніе. Наконецъ вероятно есть, что правиловъ наружной благопристойности, по которой мы съ намереніемъ поступаемъ, и объ немъ какъ должности, разсуждаемъ, сделается прави-

правиломъ въ важныхъ поступкахъ, и намъ будетъ напоминать какъ мы каждой разъ въ бесѣдѣ поступать должны, чтобъ обществу быть полезнѣйшими, какъ снизходить, пороки другихъ сносить, или ихъ человѣколюбиво исправлять должны. Я сіи разсужденія о благопристойности заключаю начертаніемъ молодаго человѣка, которой себѣ оную собственною сдѣлалъ.

Семнонъ молодой человѣкъ, одаренной великими способностями, но низкаго воспитанія и малодостаточенъ, которой посвѣтилъ себя богословскому ученію, зналъ, что въ его не худо устроенномъ тѣлѣ не доставало внѣшней благопристойности, его прилѣжаніе къ наукамъ и ученымъ языкамъ было велико и равно его природной склонности къ краснорѣчію. Можешь ли ты, начиналъ онъ безъ поврежденія своего прилѣжанія, истребить боязливость и заботу, которая тебя провожаетъ въ каждую бесѣду? Не за тѣмъ ли ты столько боязливъ, что ты свѣдущъ, что не можешь своего тѣла держать правильно, и что весьма ты рѣдкой имѣешь случай видѣть великія бесѣды? кто не ищетъ средствъ и не употребляетъ оныя съ прилѣжностію, тотъ мало почитаетъ конецъ, или мало надѣется на себя. Ты хочешь, продолжаетъ онъ, искать способнаго человѣка, которой бы тебѣ сказывалъ твои пороки, твое тѣло изображалъ. Ежели это сдѣлать наединѣ не можно, то въ публичномъ мѣстѣ. Но каждой день часъ времени? Хорошо, вставай за часъ ранѣе, такъ ты оной выиграешь, или употребляй къ тому тотъ, которой другіе просыпаютъ, или прогуливаютъ. Но иждивеніе? Ты не имѣешь много достатка? такъ дѣлай одну пару

платья,

платья, чрезъ хорошей порядокъ, или оставь одно путешествіе въ твое отечество: то ты будешь имѣть малое движеніе, которое для тебя нужно. *Семнонъ* испытываетъ сіе и ходитъ цѣлой годъ къ танцмейстеру, и отправляеть тотчасъ столь прилѣжно, какъ каждой другой часъ званія. Онъ не за тѣмъ танцуетъ, чтобъ можно было танцовать. Онъ танцуетъ за тѣмъ, чтобъ съ правилами сходныя тѣла движенія сдѣлать себѣ собственными, онъ танцуетъ неискусно; однакожъ танцуетъ, чтобъ ему сохранить благопристойность, ужѐ онъ научается не такъ принужденно ходить. Руки ему болѣе не препятствуютъ. Онъ болѣе напередъ не думаетъ о поклонѣ пристойномъ. Онъ удаляется излишняго искусства, и его поступка бываетъ постоянна, и чрезъ увѣщанія своихъ друзей всегда пріятнѣе, безъ того чтобы она была притворна, сколько онъ въ одномъ году выигралъ! онъ, которой прежде сего не зналъ, что имѣлъ ли онъ власть надъ своимъ шатающимся хожденіемъ и скорчившимися колѣнами, или нѣтъ, которой пасмурной видъ учебнаго покоя приносилъ съ собою въ каждую бесѣду, и *какъ вы находитесь?* съ такимъ же безобразнымъ ртомъ говорилъ, съ какимъ онъ на своемъ лбѣ писать обыкъ, онъ теперь проповѣдуетъ, и говорятъ ему, что его *тѣла*, положеніе и движенія гораздо приличнѣе и пристойнѣе нежели прежде. Его боязливость въ обхожденіи съ особами великаго чина, гдѣ онъ тѣло исправлялъ, стала быть ужѐ меньше, и онъ не болѣе устрашается, когда долженъ отвѣтствовать: однакожъ *Семнонъ* въ своемъ прилѣжаніи не умалился. Какъ онъ о семъ часѣ старался изъ должности; такъ спѣшитъ къ прочимъ.

Обхо-

Обхожденіе его скромности не повредило; ибо Семнонъ никогда не забываетъ, что при всякомъ обхожденіи долженъ быть осторожнымъ и добросовѣстнымъ, онъ чрезъ свое искусство нѣкоторому дому весьма просвѣщенному сталъ знакомъ, и учитъ сына сего дома въ нѣкоторые часы, ежедневно древнимъ языкамъ, потомъ взяли его за столъ здѣсь видалъ онъ часто гостей обоего пола, и учился дѣлать себѣ пріятное принужденіе, къ чему онъ обязанъ какъ ниской въ знатной бесѣдѣ, учился благородной скромности, которая весьма различна отъ нерадѣющей поступки тѣхъ, кои ищутъ покровительства. Хозяинъ его для искусства и добраго нрава, ободрилъ его, и наставилъ его молчаливо чрезъ собственной свой примѣръ. *Семнонъ* еще добросовѣстной же Богословъ, однако Богословъ просвѣщенной, онъ ужѐ научился примѣчать многіе недостатки благопристойности, и такъ же много добра непринужденно принимать. Онъ есть постояненъ однакожъ пріятенъ, съ охотою его слушаютъ говорящаго; ибо его видъ купно говоритъ, и его удареніе голоса сказываетъ, что онъ то чувствуетъ и разумѣетъ, что говоритъ. Онъ учитель языкамъ свѣта, и збираетъ изъ онаго языкъ разумнаго Богослова, которой съ свѣтомъ теперь, и впредь такъ говорить долженъ, чтобъ онъ себѣ упованіе и почтеніе къ своей особѣ пріобрѣлъ. Онъ въ краткое время познаетъ обычай стола, и учтивости научается, какъ онъ благопристойно и постоянно при такихъ случаяхъ долженъ. Хотя онъ впредь будетъ кушать у Министра, или у Князя, никогда не будетъ поступать смѣшно, но всегда прилично своему званію, благородная смѣлость въ лицѣ и языкѣ тогда съ нимъ будутъ,

когда

когда его чинъ впредь приказываетъ знатнымъ сказывать ихъ пороки, и никогда онъ не оскорбитъ почтенія къ высокимъ, когда онъ хочетъ вложить вѣру въ ихъ сердце. Онъ собираетъ себѣ живыя новыя черты человѣковъ и ихъ слабостей и добродѣтелей изъ жизни бесѣды, и онъ потому что жизнь его стала быть просвѣщенная для того же во многихъ случаяхъ будетъ краснорѣчивѣйшимъ и поучительнѣйшимъ. Онъ, понеже имѣетъ случай, учится на иностранномъ языкѣ; которой теперь знатнымъ въ употребленіи, и которой онъ уже разумѣлъ, говорить и за столомъ говорить можно ли легче достигнуть до сего искусства? можетъ быть его знатной впредь со вниманіемъ слушать будетъ, Семноновы увѣщанія на Французскомъ языкѣ, которыя бы онъ на Нѣмецкомъ языкѣ презрѣлъ и принималъ, онъ учится говорить о многихъ дѣлахъ жизни, не будетъ ли сіе въ его чинѣ полезно? Духовной всегдаль можетъ говорить въ бесѣдахъ о истиннахъ вѣры? Онъ учится разсуждать о музыкѣ, живописи и архитектурѣ, о домостроительствѣ, которое любитъ знатной хозяинъ; развѣ сіе духовному не есть украшеніе въ бесѣдахъ, когда притомъ онъ скромной человѣкъ, сколь многимъ выгодамъ съ наружною благопристойностію для своей будущей жизни *Семнонъ* научился? Какъ достойнѣйшимъ проповѣдникомъ при дворѣ сдѣлается, когда Богъ къ тому его позоветъ? И такъ же какой низкой чинъ отправится чрезъ него удачливѣе, нежели какъ бы его жизнь не была просвѣщена? Онъ не за тѣмъ просвѣщенъ чтобъ тѣмъ блистать, не изъ честолюбія; но изъ должности къ своему будущему чину. Ежели бы онъ не исправилъ своего тѣла, то бы не взира

рая на всю свою способность, никогда можетъ быть не имѣлъ доступа въ знатной домъ, или бы не долго оной имѣлъ. Теперь онъ въ немъ уже тремя лѣтами старшимъ, и для жизни гораздо мудрѣйшимъ, пріятнѣйшимъ и полезнѣйшимъ сдѣлался. А когда бы мы могли много такихъ молодыхъ *Семноновъ* въ примѣръ представлять, сколь бы многую честь теперь, или впредь духовнымъ званіямъ сдѣлали.

Слушатели, чужой и свой, высокой и низкой доселѣ нашей Академіи, пріобрѣли славу хорошихъ нравовъ, продолжимъ защищать сію честь, да и тѣнь невѣжества и звѣрства прогнать, кои никогда не должно быть спутниками наукъ и художествъ, да сохранимъ сію склонность, которая отъ толь многихъ безпорядковъ предостерегаетъ и столь великія выгоды доставляетъ, гдѣ для учащихся болѣе покоя, невиннаго удовольствія, истинной вольности, имѣніе нарушенія оной нежели здѣсь? И кому мы одолжены за сіе счастіе, Хорошимъ нравамъ скромной и тихой жизни, О добрые юноши, помогите оную сохранить, ежели вы меня и себя любите; и предостерегайтесь отъ вкуса въ своенравіи и дерзости; ибо за своенравіемъ, и дерзостію слѣдуетъ вскорѣ разпустность и безстыдство, никакъ. *Елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сію помыслите!* (*) Сіе есть истинное благонравіе, которому вѣра и просвѣщенной разумъ насъ научаютъ.

ЧЕТВЕР-

(*) Фил. 4. 8.

ЧЕТВЕРТОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

О должностяхЪ вЪ разсужденіи внѣшнихЪ благихЪ общественной жизни, и притомЪ наипаче вЪ разсужденіи хорошаго имени и чести.

Желаніе хорошаго имени, похвалы и чести человѣку есть столь же естественно, сколь желаніе совершенства, т. е. поелику похвала и честь либо какЪ плодЪ и знакЪ заслугЪ, либо какЪ полезныя средства кЪ спасительнымЪ концамЪ сЪ человѣческимЪ совершенствомЪ соединены. Слѣдовательно стремленіе кЪ чести столь долго пребываетЪ естественнымЪ хорошимЪ руководствомЪ кЪ похвальнымЪ стараніямЪ, сколь долго оному разумЪ бываетЪ надлежащимЪ образомЪ предводителемЪ кЪ его концу, сколь долго оно взираетЪ на истинныя заслуги и хорошія свойства и чрезЪ кротость и покореніе кЪ Богу оно учреждается и управляется; и оно тогда только бываетЪ источникомЪ глупостей и пороковЪ, когда свергаетЪ сЪ себя господство разума, вЪ жестокую страсть прераждается и конецЪ превращаетЪ. ЧеловѣкЪ, котораго не трогаетЪ похвала и безчестіе, есть весьма близокЪ скоту. ИзЪ честолюбивыхЪ сердецЪ сіе есть наилучшее, которое своей чести вЪ такихЪ предметахЪ ищетЪ, кои свѣту полезны и кои безЪ упражненія внѣшнихЪ силЪ получить не можно.

Хорошее, или, поелику оно предполагаетЪ непорочность сердца, которую всѣ люди имѣть должны, всегда остается должностію; мы не мо-

жемъ быть добрыми, ежели мы его не желаемъ и ревностно не ищемъ. Но стараніе о чести, поколику есть должность? Сіе чтобъ познать, то качество чести, ея въ теченіе въ насъ и въ другихъ, конецъ, для котораго мы чести ищемъ и средства и свойства, чрезъ которыя мы ея ищемъ, обстоятельнѣе разсмотримъ.

Честь вообще есть выгодное и основательное другихъ мнѣніе о нашихъ заслугахъ и способностяхъ, и о намѣреніи, оныя наилучшимъ и обществу полезнѣйшимъ образомъ, употреблять стараться, чтобъ разумнымъ и непорочнымъ понравиться, есть по себѣ похвально. Ихъ похвала довольствуетъ и укрѣпляетъ душу къ новымъ хорошимъ предпріятіямъ. Въ семъ разсужденіи *лучше имя доброе, нежели богатство много.* Паче же сребра и злата благодать благая. (*) Похвалы непорочныхъ въ такой мѣрѣ желать, въ какой мы оной по нашему собственному увѣренію не заслуживаемъ, есть несправедливое желаніе и жадность, хорошаго мнѣнія разумныхъ желать, не имѣя заслугъ, или не ища оныхъ надлежащимъ образомъ, есть болѣе, нежели пустота, есть ложъ подлаго сердца. Потому же человѣкъ мало имѣя заслугъ, столь заботно старается о своей чести, потому что онъ знаетъ, что его требованіе на оную худо основано. Почтенія у другихъ чрезъ случайныя благія, чрезъ богатство, рожденіе, чинъ и великолѣпіе, чрезъ платье и другія драгоцѣнныя вещи искать, есть чувственное честолюбіе и дань похвалы, которую мы чрезъ сіи преимущества отъ дру-

(*) Прит. Сол. 22, 1.

другихъ получаемъ, есть милостыня простаго народа, которой съ охотою блистающее смѣшиваетъ съ заслугами, потому что заслуги часто кажутся въ блистанiи. Свое честолюбiе въ произвольныхъ дарахъ тѣлесной природы, въ красотѣ и крѣпости поставлять, значитъ какъ статуѣ желать того удивленiя, которое рукѣ художника принадлежитъ; въ наружной благопристойности и въ прiятныхъ только нравахъ своей чести искать, есть честолюбiе малыхъ дѣвицъ, оную напротивъ того чрезъ дарованiя духа, чрезъ прiятныя и полезныя дѣйствiя художества и остроты надлежащимъ образомъ искать, есть похвальное честолюбiе и свою честь въ доброй совѣсти, чрезъ свободное и попечительное наблюденiе всѣхъ своихъ должностей изъ покоренiя къ Богу, и въ похвалѣ онаго искать, въ истинной низкости и смиренiи сéрдца предъ Нимъ, яко предъ Источникомъ всякаго совершенства, и Подателемъ всѣхъ хорошихъ дорованiй, въ чувствованiи всего своего недостоинства искать, есть высочайшiй степень желанiя чести, до котораго люди, какъ бы ни были различны ихъ дарованiя и понятности, ихъ чинъ, рожденiе, воспитанiе и ихъ природныя склонности, однакожъ восходить могутъ: какое похвальное примѣчанiе для достоинства человѣка, что всѣ истинную честь, чрезъ должность и смиренiе получить могутъ?

Чрезъ оную ты восходишь до Божественнаго рода, а безъ оной Цари, суть только рабы.

Но и какой усмиряющей опытъ, что многiе не въ сей высотѣ, но въ случайныхъ, или чувствен-

ныхъ предметахъ, или въ воображаемыхъ и глупыхъ, или еще хуже въ безчестныхъ предметахъ ищутъ безъ заслуги сéрдца, какъ мы бы славны ни были, какъ бы высоко ни восходили, однако наша высота есть, какъ говоритъ *Юнгъ*, висѣлица нашего имени.

Люди открываютъ свое хорошее мнѣніе отъ насъ чрезъ внѣшніе знаки, и сіи знаки ничего не значатъ, когда они не въ состояніи, о нашихъ *заслугахъ и ихъ концахъ*, прáвильно разсуждать; или когда они ихъ употребляютъ безъ увѣренія: и такъ желаніе похвалы, когда оно должно быть разумно, надлежитъ быть желаніемъ основательной и истинной похвалы разумныхъ и непорочныхъ. Разумнаго побуждаетъ только основательность похвалы.

Какъ скоро у похвалы оной не достанетъ: то отъ него не будетъ принята, но глупому каждая похвала есть пріятна, заслужилъ ли онъ ея, или нѣтъ.

Но стараться, чтобъ множеству, по невѣждѣ понравиться, есть опухоль честолюбія, и не предполагаетъ истиннаго высочества. Сію похвалу чрезъ низкіе пути, чрезъ подарки, ласкательства, вкрадывающееся снисходительство покупать, есть подлое честолюбіе. Но домогаться знаковъ чести двоякаго знаменованія, низкихъ тѣлоположеній и поклоновъ, титловъ, достоинствъ и похвалъ и притомъ не безъ того, чтобъ имѣть заслуги, есть пустое честолюбіе. Но безъ заслугъ того желать, есть честолюбивая глупость. Хотя

бы насъ другіе, кои не въ состояніи о насъ разсуждать, могли почтить: однако для насъ есть честь безъ означенія. О сколь часто мы вмѣсто чести съ великимъ трудомъ пріобрѣтаемъ только пустой звукъ! Но они суть добронравные люди, кои насъ любятъ. Положимъ такъ? за тѣмъ ли они суть судіи заслугъ? и мы чрезмѣрно ли желаемъ щастія нравиться всѣмъ, т. е. невѣджамъ. Сіе стремленіе къ чести не можетъ быть правильно, ничто иное можетъ быть, какъ надмѣрное. Конечно, сколь часто люди хотя не съ намѣреніемъ, однако не правильно о нашихъ совершенствахъ и добродѣтеляхъ разсуждаютъ, сколько бы много проницательства они ни имѣли! Они по большей части не видятъ того, что нашимъ заслугамъ и добродѣтелямъ достоинство приноситъ, или похищаетъ, не видятъ источника и конца, отъ котораго они проистекали, Они видятъ корпусъ и стрѣлку, а не нутрь заслуги. Буду ли я для того мудрѣе и благочестивѣе, когда миліоны тварей обо мнѣ разсуждаютъ, что я такой? Слѣдовательно слава не можетъ подать истиннаго достоинства мнѣ, когда она сего достоинства въ себѣ не имѣетъ и не чувствуетъ. И такъ внутренняя похвала нашей совѣсти, что мы желаемъ поступать по уставамъ разума и добродѣтели, непорочнѣйшимъ и наилучшимъ образомъ, всегда должна предходить, когда слава и хорошее имя, не должны быть звукомъ безъ означенія.

Чрезъ полезныя и хорошія старанія домогаться чести и хорошаго имени только потому, что чувствіе того есть удовольствіе, или что мы сильное и естественное побужденіе къ тому чувствуемъ,

емъ, или съ младенчества къ сему честолюбію искусно пріобучены, есть утѣха души, плодъ воспитанія и привычки, а не добродѣтель. Предметъ сихъ желаній пускай будетъ столь великъ и почтенія достоинъ, столь полезенъ для общества; однако въ разсужденіи нашего сердца и конца, есть послѣднее, только случайнымъ образомъ. Пускай наша сила, которую мы на сей предметъ расточаемъ, будетъ духъ, или тѣло; пускай она будетъ высочайшій, наилучшій разумъ; сіе не перемѣняетъ естества нашего честолюбія. Прилѣжаніе и неусыпность, глубокое размышленіе, изобрѣтеніе съ чрезмѣрнымъ трудомъ, всѣ жертвы спокойствія, здоровья, да и самой жизни, которую мы своему честолюбію приносимъ, не дѣлаютъ оное добродѣтелію; пускай будетъ великой Философъ, и удивленіе разумныхъ, пускай иждиваетъ свою жизнь, размышляя о полезныхъ изобрѣтеніяхъ; пускай будетъ великой Герой и отважитъ жизнь свою на тысячу опасностей, гдѣ другіе дрожатъ, и побѣдитъ цѣлые народы; пускай будетъ великой стихотворецъ, и напишетъ божественныя Нравоученія и сдѣлается Оракуломъ потомства; пускай будетъ искуснѣйшей художникъ и исправитъ употребленіе земли; пускай будетъ мудрѣйшей и неусыпнѣйшей правитель и ощастливитъ свой народъ на тысячу лѣтъ? Всѣмъ симъ можно быть, только чтобъ угодить своему честолюбію, ради прелести, которую мы при славѣ чувствуемъ, но невзирая на Бога и должность и на истинную пользу другихъ, сіе значитъ не изъ добродѣтели.

Честолюбіе, котораго побужденіе есть моя наружная только выгода, когда я похвалу другихъ

чрезъ

чрезъ полезныя предпріятія ищу, чтобъ ихъ милость, заступленіе, помощь, словомъ мое щастіе, или часть онаго, или то, что я почитаю за щастіе получить, есть позволенное корыстолюбіе, но еще не добродѣтель. Добро, которое дѣлаемъ, мы бы оставили, ежели бы хорошее мнѣніе другихъ не было средствомъ къ нашему главному намѣренію, и мало бы пеклися, почли ли бы насъ за достоиныхъ похвалы, или нѣтъ.

Хорошее имя и честь почитать за средство, и желать оной, яко такого, чтобъ тѣмъ болѣе основать добро, и когда оно насъ увеселяетъ; или намъ полезно, чрезъ то оживлять ревность къ нашей должности, сіе есть съ должностію сходное желаніе чести. Хорошаго имени и похвалы искать, потому что намъ бы недостатокъ оныхъ препятствовалъ въ нашемъ благополучіи и другихъ, и потому что мы сему двоякому щастію способствовать за божественной законъ разума почитаемъ, и сіе есть добродѣтельное честолюбіе. Мы, въ разсужденіи сего, не только обязаны всего уклоняться, что у насъ почтеніе разумныхъ похитить можетъ, но и вида неблагороднаго. Мы обязаны не только то дѣлать, что похвально и должность есть, но и для того, что это должность и хорошо; иначе наше желаніе чести не похвально, или мы болѣе желаемъ, нежели заслуживаемъ. Можно весьма легко, представить опытъ. Я одного изъ моихъ непріятелей, которой меня чувствительно озлобилъ, выключилъ изъ тюрьмы и заплатилъ за него долгу десять тысячь талеровъ. Дѣло, которое мнѣ великое имя дѣлаетъ, и великое имя особеннаго благодѣтеля,

хотѣлъ я такъ же получить. Сіе желаніе чести, есть ли добродѣтель? Кто сему повѣритъ? Скажемъ сіе разумному и непорочному мужу, которой сіе дѣло хвалитъ, что мы предприняли оное не для того, чтобъ пришедшаго въ нещастіе врага изъ темницы свободить, но для того, чтобъ себѣ пріобрѣсть великое имя; и онъ перестанетъ намъ удивляться, и начнетъ насъ почитать за мало. Онъ почтетъ меня за честолюбиваго волокиту, а не за похвальнаго мужа, которой изъ послушанія къ Богу своихъ враговъ, вмѣсто чтобъ имъ отмщевать, щастливыми дѣлаетъ.

Но сколько бы извѣстно ни было, что выгодное мнѣніе другихъ намъ не подаетъ истиннаго достоинства, и часто есть голой звонъ; сколько бы ни извѣстно было, что вредительное мнѣніе свѣта о насъ, не есть вѣрной знакъ недостатка нашихъ заслугъ, да часто и не есть доказательство великости нашихъ заслугъ; однако всегда остается должностію разумныхъ, стараться о похвальномъ имени, а малопочитанію и презрѣнію въ глазахъ свѣта чрезъ позволенныя и испытанныя средства препятствовать.

Ежели, т. е. это извѣстно, что я болѣе добра для себя, для моихъ пріятелей, для своего Отечества, для свѣта сдѣлать могу, когда я при силахъ и волѣ къ тому, и хорошее и мнѣніе и почтеніе отъ другихъ имѣю, то есть безуміе объ ономъ не радѣть. Ежели это правда, что я при всѣхъ дарованіяхъ и способностяхъ себѣ и свѣту не столько полезенъ быть могу, какъ скоро у другихъ не буду находиться въ хорошемъ

почте-

почтенiи; то глупо не предупреждать сей недостатокъ почтенiя и чести; или оной не отвращать, когда я разумное средство къ тому въ своей власти вижу, или бы оное чрезъ прилѣжность и вниманiе въ свою власть привесть могъ: я намѣренъ нѣкоторыя правила определить въ разсужденiи похвальнаго имени.

Первое правило. *Надежнѣйшей и преносходнѣйшей путь къ хорошему имени есть, чтобъ стараться быть непорочнымъ и полезнымъ человѣкомъ.* Похвалу разумныхъ чрезъ ничто иное не получишь и сколь мало бъ ни было, однако они послѣ внутренняго свидѣтельства совѣсти, суть единственные и подлинные судiи между людьми, сколь бы ихъ мало ни было, однако хорошее мнѣнiе непорочнаго на вѣсахъ разума болѣе тянетъ, нежели похвала цѣлыхъ милiоновъ глупыхъ. Похвала одного достойнаго человѣка для моего сердца есть не только крѣпость, утѣшенiе и награда; но и надежда на почтенiе всѣхъ, кои ему подобны. Всѣ непорочные имѣютъ одно сердце и одно чувствiе благороднаго, поелику они всѣ имѣютъ одинакое правило добра. Похвала знатока есть будто намъ крѣпкой голосъ трубы, которой далѣе отдается, нежели громкой крикъ множества глупыхъ и кто придаетъ ударенiе къ правильнымъ разсужденiямъ невѣждъ и легкомысленныхъ, да и часто порочныхъ? Не есть ли это по большей части мудрой и непорочной? Они слушаютъ (когда сами разсуждать не могутъ, или лѣнивы къ разсужденiю, или когда чувствуютъ, что они ложно разсуждать и чрезъ то предъ свѣтомъ себя остыдить легко могли бы) изреченiе, кото-

рое доброй о насЪ подаетЪ, принимаютЪ оное какЪ свое собственное изобрѣтеніе и подражаютЪ ему вЪ изреченіи, чтобЪ почитали ихЪ за судей проницательныхЪ. Кто можетЪ наконецЪ опровергнуть, что мы чрезЪ строгое наблюденіе непорочной жизни и голоса глупыхЪ и порочныхЪ, хотя не скоро, однако мало по малу на свою сторону привлекаемЪ? Глупой, хотя бы хотѣлЪ, или нехотѣлЪ; однакожЪ наконецЪ чувствуетЪ себя, когда онЪ учится познавать наши дарованія, наше прилѣжаніе и нашЪ согласной поступокЪ; принужденЪ будучи намЪ тайно подавать свое одобреніе и онЪ, когда его выгода приказываетЪ лучше понадѣяться на наше проницаніе и непорочность, нежели на хвастовство своихЪ сверстниковЪ, которыхЪ корыстолюбіе, или поступку и невѣжество изЪ своего собственнаго сердца подлинно знаетЪ, порочной сколько бы онЪ ни былЪ такой, однако рѣдко вЪ своемЪ сердцѣ будетЪ имѣть худое мнѣніе о такомЪ человѣкѣ, которой своей слѣдуетЪ должности. Хотя онЪ его славу когда ни будь повредитЪ, однако онЪ будетЪ болѣе ругаться надЪ способомЪ, какимЪ онЪ вЪ добродѣтели упражняется, болѣе надЪ его наружностію, нежели надЪ самою добродѣтелію, которая у него, хотя противна его злымЪ страстямЪ, однако остается почтенія достойною. Но ежели сей родЪ бѣднѣйшихЪ смертныхЪ гонитЪ непорочнаго сЪ презрѣніемЪ, то она у разумнаго есть честь. КакЪ осы чрезЪ свое опустошеніе возвѣщаютЪ прекрасной плодЪ: такЪ оклеветатели часто возвѣщаютЪ наивеличайшую услугу. Безчестіе предЪ свѣтомЪ, котораго мы не заслуживаемЪ, подлинно есть нещастіе, но нещастіе такое, за которое

торое насъ наша совѣсть, похвала благородныхъ и болѣе всего похвала неба, богато награждаютъ; нещастіе, которое часто подобно какъ въ трагедіи, для насъ претворяется въ славы достойное благополучіе.

Второе правило. } *Для хорошаго имени не допольно того, чтобы хотѣть быть непорочными и полезными людьми, но и должны каждой съ своей стороны стараться быть наилучшимъ образомъ полезными.*

Каждой отъ природы получилъ нѣкоторыя собственныя дарованія, или особенное смѣшеніе попонятностей, которыя его по превосходству поставляютъ въ состояніи пріобрѣтать у другихъ похвалу, надежду и любовь.

Орудія нашего счастія не равно размѣрены; каждой имѣетъ свой талантъ и никто не позабылъ.

На сіи способности не взирать, значитъ не только своему естественному званію не слѣдовать, но и другихъ хорошее мнѣніе о себѣ уменьшать. Часто у насъ не достаетъ прилѣжанія и ревности быть достойнымъ человѣкомъ. Мы дѣлаемъ болѣе, нежели другіе, однакожъ никогда не дѣлаемъ съ похвалою; потому что естественная способность у насъ недостаточна. Оной остается бѣднымъ Риторомъ, и такимъ называется въ устахъ свѣта, и праведно. Однакожъ онъ есть наиприлѣжнѣйшей человѣкъ, и его не почитаютъ. Можетъ быть бы онъ своимъ прилѣжаніемъ въ купечествѣ пріобрѣлъ себѣ почтеніе

у

у людей. Онъ крушится о томъ, что почтенія не имѣетъ, что похвала его не награждаетъ. Онъ тайно винитъ землю и небо, но онъ долженъ винить свое погрѣшительное избраніе. Стрефонъ пишетъ стихи для похвалы людей, которую онъ чрезъ свои труды получить надѣется. Онъ дѣйствительно есть добронравной человѣкъ, которой похвалу заслужить и пользу принесть хочетъ. Ежели бы онъ себя искусилъ, или бы свою природную остроту другимъ искусить далъ; то бы онъ нашелъ, что онъ способенъ былъ къ многотруднымъ дѣламъ, гдѣ бы онъ по изобрѣтенію и расположенію другихъ трудиться могъ. Можетъ быть бы онъ съ похвалою и выгодою въ судебныхъ дѣлахъ обращался, вмѣсто того, что онъ при всѣхъ своихъ стараніяхъ теперь имѣетъ несчастіе, быть хулымъ стихотворцомъ. Придворной человѣкъ, котораго никто не почитаетъ за тѣмъ что онъ къ сему роду жизни не рожденъ, былъ бы, можетъ быть, ученой и полезной господинъ въ своей вотчинѣ и оной бѣдной презираемой Юриспрудентъ былъ бы превосходнымъ художникомъ, ежели бы они о естественномъ званіи, которое они получили чрезъ врожденныя понятности и дарованія, ложно не думали.

Это можно разумѣть, что мы свои естественныя дарованія изображать должны. Многіе знаютъ свой талантъ и слѣдуютъ ему, однакожъ никогда не бываютъ полезными и достойными похвалы, потому что они мало старанія прилагаютъ оной изображать, или изъ недостатка осторожности и мудрости свое стараніе напрасно расточаютъ. Они хотя имѣть славу, или награ-

ду

ду прежде, нежели время есть, и часто за тѣмъ теряютъ похвалу, которую бы они получить могли, или въ слѣдствіи опускаютъ то, что къ полученію похвалы нужно было. Ежели бы молодой сочинитель себя своею природною остротою и своимъ желаніемъ сдѣлать пріятнымъ не прежде отважился, какъ когда бы хорошо обучился свободнымъ наукамъ и перенявъ изреченія знатока: то бы онъ появился съ похвалою; и сія бы похвала укрѣпила его къ новому прилѣжанію: ибо его теперь порицаніе либо въ уныніе приводитъ, или столь грубымъ дѣлаетъ, что онъ продолжаетъ писать, не слушая разсужденія общества. Неранъ дѣиствительно могъ бы съ похвалою сдѣлаться Ораторомъ: онъ великія имѣетъ дарованія, и много ученъ; но для него стало быть мало упражняться въ языкѣ. Онъ не имѣетъ его въ своей власти, онъ не знаетъ его недостатковъ и красотъ, онъ употребляетъ слова, какъ худой живописецъ краски безъ выбору и мудрости. Онъ бы сдѣлался не сравненно полезнѣйшимъ и его похвала гораздо большею, ежели бы необходимое средство краснорѣчія не почиталъ за обходимое, или весьма легкое.

Третіе правило. *Упражняйся наипаче въ томъ, къ чему насъ природа и обстоятельства способными дѣлаютъ, и упражняться въ немъ безпрерывно; но не пренебрегай и тѣхъ путей, кои насъ на нашу главную дорогу выводятъ.*

Купецъ долженъ всему тому учиться и въ томъ упражняться, что не посредственно принадлежитъ къ его торгу. Сіе есть нужно, и есть

его

его дѣло. Онъ имѣетъ предъ собою естественную склонность и выгодныя обстоятельства къ сей естественной склонности. Онъ долженъ быть чесной человѣкъ; и такими мы всѣ должны быть въ каждомъ состояніи. Но ежели бы онъ не хотѣлъ учиться языкамъ, просвѣщенію, пріобрѣсть познаніе иностранныхъ земель и ихъ торговъ, могъ ли бы онъ свой торгъ учинить столь многою похвалою? Полезное, кое имѣетъ втеченіе въ наше главное намѣреніе, имѣетъ и въ наше хорошее имя. Воинъ, которой тому только учиться хочетъ, что не обходимо требуется для воина, для сего же будетъ въ ономъ упражняться съ меньшею похвалою. Чтеніе хорошихъ книгъ, знаніе нѣкоторыхъ наукъ и языковъ, обхожденіе съ людьми знающими вкусъ его воинской наукѣ бываетъ то помощію, то украшеніемъ; въ опасностяхъ, или скорыхъ предпріятіяхъ оное будетъ его храбрости Оракуломъ и во время мира его жизни честію.

Оргонъ, которой со многими способностями вступилъ въ чинъ, доволенъ сими способностями. Онъ употребляетъ ихъ такъ, какъ онъ ихъ имѣетъ, и думаетъ, что того довольно для своего имени. Онъ дѣлаетъ весьма мало. Свои способности не подкрѣплять, есть опущеніе надлежащей должности. Онъ есть духовной, онъ знаетъ нѣчто изъ церковной Исторіи; но для чего онъ не обогащаетъ себя оною еще болѣе? она бы ему полезна была часто въ его преподаваніи. Онъ со тщаніемъ пишетъ свои проповѣди. Но долженъ ли онъ только свои мнѣнія писать? для чего онъ не читаетъ лучшихъ Ораторовъ? да ему и время есть.

есть. Онъ не знаетъ свѣтской Исторіи. Развѣ сіе Богослову безполезно? Не наполняетъ ли она памяти полезными вещами и начертаніями, записками дѣйствій ихъ хорошими и худыми источниками? Не научаетъ ли его наипаче познавать древнюю Исторію, наилучшаго человѣка безъ христіанскаго закона, яко весьма несовершеннаго человѣка? Нашъ духовной разумѣетъ Аглицкой языкъ, но онъ его позабываетъ, а могъ бы столь много хорошихъ книгъ читать, кои бы его разумъ укрѣпляли и потому бы его всегда способнѣйшимъ къ его чину, всегда полезнѣйшимъ и слѣдовательно похвалы свѣта всегда достойнѣйшимъ дѣлали? Онъ долженъ быть въ своемъ чинѣ прилѣженъ и кромѣ времени онаго дѣлать то, что втекаетъ въ пользу его чина, т. е. онъ долженъ свои дарованія лучшими дѣлать и не переставать о томъ трудиться.

Симъ образомъ художники и ученыя да и самыя рукомесленники обязаны то, что ихъ художество, или рукомесло можетъ возвысить, сколь часто и сколь долго они могутъ, не нарушая своей главной должности, подъ свою власть приводить.

Четвертое правило. *Хотя наша истинная честь состоитъ въ томъ, чтобы свое должное званіе, свое состояніе, свое полезное дѣло верно и ревностно наблюдали, а кромѣ сего пути нѣтъ дороги къ похвалѣ; но мы можемъ сію ревность имѣть, однакожъ часто не получать похвалы, т. е. мудрость, скромность и благопристойность забываемъ.*

Нѣтъ

Нѣтъ состоянія, нѣтъ рода жизни полезнаго безъ чести. Честь крестьянина въ томъ состоитъ, чтобъ старался должности своего состоянія наилучшимъ и полезнѣйшимъ образомъ исполнять. Сіе есть честь рукомесленника и художника, ученаго и наемника, Царя и подданнаго, отца и сына, хозяйки и служанки. Кто въ своемъ званіи, въ которомъ его природа и обстоятельства, въ которомъ его Богъ чрезъ учрежденіе естества поставилъ, ревностенъ и вѣренъ и притомъ изъ должности, тотъ имѣетъ истинную честь въ сердцѣ, которой не постыдится Ангелъ и въ семъ же имѣетъ онъ и средство, увѣрить себя о наружной похвалѣ. Но сколь многіе люди ослабляютъ; или препятствуютъ сей послѣдней похвалѣ чрезъ тотъ способъ, которымъ они свою хотя полезную должность отправляютъ! Что есть ревность въ его званіи безъ мудрости? сколь часто она бываетъ досадна! что суть заслуги безъ скромности? сколь часто возбуждаютъ они намъ презрителей и ненавистниковъ! что есть вѣрность и непорочность безъ сохраненія благопристойности? мудрость, скромность, человѣколюбіе и пристойные нравы, суть для добродѣтельнаго употребленія нашихъ способностей въ пользу насъ и другихъ то, что живописцамъ свѣтъ и тѣнь, или землѣ зеленая краска. Для того же благопристойность есть столь важная должность, что другихъ дѣлаетъ благосклонными, наши дарованія познавать, отъ нихъ и пользу получать и намъ обратно служить, для того же скромность при нашихъ должностяхъ и преимуществахъ есть столь важная добродѣтель. Ибо она тѣмъ, коимъ мы въ нашемъ званіи служимъ, нашу должность дѣ-

лаютъ

лаетъ пріятнѣе когда насъ дѣлаетъ пріятными, и потому что наши заслуги будто какъ ослѣпляющія въ глазахъ другаго умѣряетъ, и другаго менѣе заставляетъ чувствовать собственное его малѣйшее достоинство. Недостатокъ мудрости въ различныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ жизни, у различныхъ особъ сего великаго позорища кои то высоки, то низки, то сего расположенія духа и рода жизни, то другаго, нашу способность необходимо будетъ дѣлать часто безполезною и безплодною, часто совсѣмъ вредною. Недостатокъ мудрости часто бываетъ виною, что другихъ прямо чрезъ ревностнѣйшее исполненіе своихъ должностей озлобляютъ, а сами къ себѣ многія враждебныя разсужденія привлекаютъ. Недостатокъ пріятныхъ и человѣколюбивыхъ нравовъ скорѣе попадается въ глазъ, нежели достоинство заслуги и учитель, предводитель, совѣтникъ, другъ, сочинитель, отецъ, художникъ которой позабываетъ сіи свойства на своемъ кругу, или то опускаетъ, чрезъ чтобы онъ могъ ихъ достигнуть, часто вредитъ, чѣмъ болѣе хочетъ пользы принесть, настоящей и будущей пользѣ, и другихъ похищаетъ съ хорошимъ мнѣніемъ надежду, и съ почтеніемъ ихъ любовь. Ропщущей хотя вѣрной учитель, неопрятной хотя прилѣжной и способной юноша, вспыльчивой хотя ученой писатель, искреннѣйшей другъ безъ надлежащей мудрости, безъ порядка жизни и скромности, остроумнѣйшая голова съ Педанскими нравами тѣмъ менѣе бываютъ полезны, чѣмъ меньше нравятся, и ихъ хорошее имя никогда не страждетъ безъ того, чтобъ и ихъ собственное счастіе и благополучіе другихъ чрезъ то не страдало. Можно еще

 спросить,

спросить, обязаны ли наилучшимЪ образомЪ стараться о своемЪ хорошемЪ имени?

ПритомЪ и наблюденіе произвольныхЪ, но невинныхЪ употребленій есть законЪ, которой доброе имя налагаетЪ. Хотя добраго сердца, но своенравный человѣкЪ не имѣетЪ извиненія болѣе для себя, какЪ скоро онЪ видитЪ, что уклоненіе отЪ введеннаго употребленія его выставляетЪ свѣту на поруганіе и презрѣніе. ОнЪ не для себя живетЪ, и одѣвается не для себя только, но для другихЪ, и не зависитЪ отЪ него, наблюдать ли поведеніе своего дѣла, или одѣвать себя безЪ роскоши, по нынѣшнему употребленію. ОнЪ по крайней мѣрѣ долженЪ знать попасть на счастливое средство, и благопристойность отЪ пустоты и глупости различитЪ.

НаконецЪ и избѣжаніе вида всего того, что недостатокЪ способности, или непозволенныя намѣренія и худое употребленіе своихЪ дарованій обыкновенно объявляетЪ все, что другихЪ увѣрить можетЪ, будто бы мы отЪ своихЪ хорошихЪ основаній и прямой стези нашихЪ должностей начинали уклонятся, избѣжаніе всего того, что видЪ порока, или глупости, или злонравнаго поступка имѣетЪ, все сіе, говорю я, есть должность добраго имени. И сколь часто грѣшатЪ весьма хорошія сердца противЪ сей должности?

ПроповѣдникЪ можетЪ сЪ своими суетными средниками обходиться, можетЪ ходить вЪ гости, и быть честнымЪ духовнымЪ. Но какЪ скоро онЪ видитЪ, что онЪ впадетЪ вЪ подозрѣніе, будто

онъ чувственной суетной человѣкъ, или ханжа: то онъ обязанъ со всею строгостію и вида уклоняться. Его чинъ страдаетъ съ его честію. Учитель можетъ въ своемъ преподаваніи веселость употребить. Но какъ скоро онъ чрезъ остроумную шутку придетъ въ подозрѣніе легкомысленнаго человѣка, или ругателя: то его искуство есть не позволенно, и противъ его должности и его хорошаго имени. Учитель въ сочиненіяхъ болѣе долженъ смотрѣть на вещи, нежели на слова. Но чрезъ нерадивой и безпечной родъ писанія можетъ онъ часто видъ принимать на себя, какъ будто бы не былъ онъ столь основательной, подробной и остроумной писатель, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто бы не былъ его конецъ столько дѣлаться поучительнымъ, сколько онъ быть могъ. Для того же онъ долженъ стараться о хорошемъ и понятномъ родѣ писанія; и для того, что одна его воля ни мало не помогаетъ, долженъ употребить средства оной получить, сколько бы ему то ни было трудно.

Да и самые тѣ мужи, кои особенными дарованіями и силами, что бы естеству повелѣвать, отъ Бога были огражденны, оставили намъ примѣръ; какъ должно въ честь своего званія и добраго имени еще всегда ревность въ своихъ должностяхъ сопрягать съ мудростію, скромностію и угожденіемъ: Кто больше ревности дѣлать добро чувствовалъ, какъ Павелъ? какая мудрость однакожъ спутешествуетъ за его наставленіемъ; когда онъ любопытнымъ Аѳинянамъ возвѣщаетъ ученіе Іисусово! сколь часто, и сколь много старается всѣмъ вся быть; и по мнѣнію другихъ, сколь

долго они невредны, себя учреждать! Онъ можетъ *брать жалованье*, но онъ хочетъ лучше сколь долго можетъ себя содержать, *Евангеліе безъ мзды проповѣдовать* и свое хорошее имя чрезъ то хранить (*) какая скромность, когда онъ свой божественной чинъ прославляетъ! сколь тщательно уклоняется вида корыстолюбія, когда онъ богатыя милостыни въ Іерусалимъ посылаетъ, и кто однакожъ менѣе причины имѣлъ, опасаться вида непозволеннаго, какъ божественной посланникъ? но говоритъ онъ, *да нѣкто насъ поречетъ въ обиліи семъ служимѣмъ нами.* (**) Онъ имѣлъ дѣло Божіе защищать какъ онъ говорилъ предъ Царемъ Агриппою; однакожъ, съ какою пристойною осторожностію, съ какою подражанія достойною мудростію соединяетъ онъ свою отважность. *Молилъ быхъ Бога*, говоритъ онъ *и въ малѣ и во мнозѣ не токмо тебѣ, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь быти имъ таковымъ, якоже и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (***).

Можно почти изобразить всѣ правила мудрости и благопристойности въ своемъ званіи изъ примѣровъ всѣхъ святыхъ мужей, ежели выключить то, что касается до особеннаго званія отъ Бога просвѣщенныхъ и чрезвычайными силами снабдѣнныхъ особъ.

И такъ надежнѣйшая стезя къ чести, есть путь продолжаемой должности, попечительное испра-

(*) 2. Кор. 2. 7. 8. 1. Кор. 9. 7. 12. 18.
(**) 2. Кор. 8. 20.
(***) Дѣян. 26. 27.

исправленіе и употребленіе своихъ дарованій для нашего счастія и другихъ добра, во всѣхъ различныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, при провожаніи мудрости, скромности и благопристойности.

Слушатели, позволенное естественное стараніе о чести легко можетъ превратиться въ злыя страсти честолюбія и гордости. Но мы честолюбивы тогда, когда славу и знатность только для себя какъ конца, а не какъ средства къ высочайшимъ хорошимъ концамъ ищемъ, и слѣдовательно себя дѣлаемъ своимъ Богомъ. Мы горды тогда, когда заслуги себѣ приписываемъ, коихъ мы совсѣмъ не имѣемъ, или по крайней мѣрѣ не имѣемъ ихъ въ сей мѣрѣ, какъ мы себѣ ласкаемъ, возвышаемся чрезъ то надъ другими, или не хотимъ знать, что всѣ наши дарованія и преимущества суть незаслуженные дары безконечнаго. И такъ желаніе чести, когда оно хорошимъ оставаться должно, надлежитъ чрезъ добродѣтель смиренія предъ богомъ и людьми, о которомъ я въ своемъ мѣстѣ говорить намѣренъ, умѣряемо и въ благородство производимо быть. Мы никогда не должны забывать, что наша высочайшая слава есть сія, все дѣлать для чести того, отъ котораго мы.

И дабы намъ въ себѣ не питать гордости, то должны представлять себѣ часто свои недостатки, слабости и глупости, кои отъ тѣхъ скрыты, кои насъ почитаютъ. Мы не должны ли во первыхъ дѣлаться тритцатилѣтними, чтобъ вникнуть, что мы можемъ быть глупы; и сороке-

лѣтними, чтобъ вникнуть, что мы подлинно таковы? Скажемъ сами къ себѣ, чтобы свѣтъ о тебѣ разсуждалъ, ежели бы онъ тебя довольно зналъ, и какой бы че́сти требовалъ ты отъ него, ежели бы онъ зналъ о всѣхъ твоихъ глупостяхъ и достойныхъ наказанія свойствахъ? развѣ не довольно счастія для тебя, что онъ тебя не презираетъ; и ты требуешь дани почтенія отъ него, которое тебѣ не принадлежитъ?

Должны часто представлять себѣ качество человѣческой че́сти. Сколь неосновательна, сколь нечиста, сколь премѣнна и скоро преходяща, сколь мала въ своемъ пространствѣ; однакожъ сколь прелестна и пагуба для нашего се́рдца, когда мы себя во власть ей отдаемъ! и на конецъ сколь много помогаетъ намъ слава и честь?

Имѣй похвалу цѣлаго свѣта, славолюбивой! успокоитъ ли тебя она во время бѣдствія? хорошее свидѣтельство людей уменьшитъ ли твою немощь, и утишитъ ли безпокойствія твоей совѣсти? Царь, когда онъ тебя на твоемъ смертномъ одрѣ еще своимъ присудствіемъ какъ величайшею похвалою, почитаетъ, отдалитъ ли отъ тебя ужасъ смерти, и можетъ ли нѣкоторые изъ твоихъ грѣховъ, кои тебя мучатъ, тебѣ отпуститъ? похвалы всѣхъ людей въ твоемъ послѣднемъ часѣ дадутъ ли тебѣ право, или хоть малѣйшее увѣреніе о милости у Бога и о блаженной вѣчности? и когда ты напротивъ того, не имѣя славы человѣкъ, отъ нихъ едва примѣчаемъ, или совсѣмъ мало почитаемъ, имѣешь свидѣтельство хорошей совѣсти и че́сти у Бога, сколь тогда блаженъ о

человѣкъ, въ счастіи, въ бѣдствіи и на концѣ твоея жизни? высочайшая слава есть честь истиннаго христіанина, которая ему подаетъ вѣру, когда онъ съ святымъ упованіемъ о себѣ подумать и сказать можетъ.

Я стяжаніе сына Божія, чрезъ него наслѣдникъ вѣчной жизни я, и то есть моя слава, въ которой я живу и умираю.

Сіе да будетъ и наша высочайшая и вѣчная слава?

ПЯТОЕНАДЕСЯТЬ УЧЕНІЕ.

Продолженіе о должностяхъ въ разсужденіи общественныхъ стяжаній, а именно въ разсужденіи имѣнія, гражданской важности и власти.

Имѣніе, важность и власть въ гражданскомъ учреждeніи суть средства, частію довольствовать наши необходимыя нужды, частію пріобрѣтать намъ невинныя спокойствія жизни, частію другихъ пользовать и способствовать ихъ благополучію. Оныя въ разсужденіи сего желать чрезъ позволенныя средства, чрезъ способность, прилѣжаніе и заслуги искать, чрезъ вѣрность и попеченіе хранить, и умножать есть, должность. Хотя не можно точно опредѣлить чрезъ общія правила сколь далеко простирается сія должность, какая есть, на пр. мѣра богатства, о снисканіи котораго каждому стараться можно; однако извѣстно что попеченіе о нашемъ имѣніи должно быть

по мѣрѣ нашихъ нуждъ, оно должно быть управляемо желаніемъ, чтобъ чрезъ то дѣлать добро. Оно никакой другой естественной или нравственной склонности вредно, или словомъ никакой другой должности противно быть не должно. Имѣнія и важности на пути званія и заслугъ искать и получить чтобъ свою и другихъ безопасность сохранить, или оной споспѣшествовать, чтобъ своему дому, своимъ друзьямъ и обществу тѣмъ лучшія показывать услуги: кто скажетъ, что сіе не есть законъ разума и слѣдовательно должность? и потому, сколь часто мы изъ природной неразбирчивости, изъ самонравія, спокойствія, легкомыслія, лѣности и чувственности, или изъ предразсужденія презираемъ попеченіе о имѣніи: то удерживаніе себя отъ сего столько же непохвально, какъ и причина онаго; она есть порокъ. Ежели мы имѣемъ достатокъ великой, или малой, и не употребляемъ для истинной пользы себя и другихъ, но удерживаемъ оной съ жадностію, то мы скупы. И такъ бѣдной можетъ быть столько же скупъ, сколько богатой; онъ можетъ свой малой достатокъ сохранить, или умножить не за тѣмъ, что оной есть средство для его необходимыхъ потребностей, но за тѣмъ, что онъ его любитъ какъ послѣдней свой конецъ, поелику онъ съ своими малыми грошами, кои его суть богатство, когда онъ ихъ безпечно и роскошно издерживаетъ, такой же быть можетъ расточитель какъ богатой съ своими сокровищами.

Кто изъ лѣности малѣйшимъ достаткомъ доволенъ, за тѣмъ что онъ болѣе не требуетъ,

одна-

однакожъ бы чрезъ попечительнѣйшее и вѣрнѣйшее наблюденіе своего званія больше пріобрѣсть могъ, тотъ грѣшитъ; ибо большимъ могъ бы болѣе добра сдѣлать кто напротивъ того съ опасностію своего здоровья и своего добраго имени гоняется за стяжаніями, тотъ очень любитъ имѣніе. Кто похвальнѣйшіе и полезнѣйшіе труды предпріемлетъ, въ силы своего разума весьма исправляетъ и напрягаетъ, превосходнѣйшія дѣйствія науки и искусства свѣту сообщаетъ: но только изъ желанія къ богатству, тотъ предъ судомъ разума при своемъ прилѣжаніи ничѣмъ не благороднѣе скупаго купца, которой со многими трудностями въ обѣ ѣздитъ Индіи, только чтобъ богатымъ возвратиться. О пріобрѣтеніи, или сохраненіи своего имѣнія такъ стараться, чтобъ не оставалось намъ времени, для исполненія должностей, друга, отца, супруга, есть явно непозволенное домостроительство о нуждахъ тѣла столь много пещися, что дѣлаться неспособнымъ исправлять свой разумъ и сердце, или къ тому не имѣть времени есть презрѣніе души и *значитъ* скупость. Трудиться до немощи чтобъ имѣть достатокъ, чтобъ другимъ дѣлать добро, есть подъ видомъ должности нарушеніе оныя имѣть богатство и для того думать что не надобно трудиться, значитъ думать чтобъ другихъ пользовать за тѣмъ только, чтобъ самому не быть въ скудости.

Наше богатство, хотя бы мы его чрезъ счастіе, или прилѣжаніе получили, есть подобно нашимъ прочимъ стяжаніемъ, даръ провидѣнія и должность его хорошо употреблять, есть важнѣй-

шая и труднѣйшая. Оно, какъ мы ужѐ сказали, по своему естеству есть средство къ превосходнымъ концамъ; и какъ скоро мы его для сего не употребляемъ, то повреждаемъ себя и свѣтъ, хотя бы его скупо запирали, или мотовски расточали.

Способъ, какъ мы его употребляемъ, имѣетъ великое втеченіе во весь нашъ поступокъ и наше нравственное начертаніе. Кто свое имѣніе на зло употребляетъ, тотъ на зло употребляетъ притомъ и свое время, свой разумъ, и силы своего тѣ́ла. И ежели пустота, гордость, самонравіе и нѣжность сутъ способы при употребленіи нашего имѣнія: то сіи же склонности вскорѣ распространяютъ господство и надъ нашими прочими дѣйствіями, злое употребленіе нашего имѣнія погубляетъ необходимо наше сердце. Ежели мы его очень любимъ, то наше сердце бываетъ подло, идолопоклонствуетъ богатству, дѣлается жестокимъ къ сострадательству и къ человѣколюбію; и какъ мы можемъ оное худо расточать частію не довольствуя чрезъ то непорядочныя склонности, частію новыя отверженныя желанія въ себѣ порождая, и своимъ страстямъ ласкательствуя? Свое имѣніе опредѣлять на богатой столъ, на великолѣпіе въ платьѣ и палатахъ, на драгія спокойствія и увеселенія. Есть пища для нѣжности, гордости, чувственности и лѣности, и имѣніе симъ образомъ расточенное не только пропадаетъ, но стяжателя чрезъ то дѣлаетъ хуждшимъ, потому, что оно глупости и слабости либо питаетъ, либо производитъ.

Еще богатство не только касается до нашихъ нуждъ, но и до нуждъ другихъ. Скупость есть жесто-

жестокость противъ неимущихъ, и расточеніе не менѣе есть и потому, ежели есть разумъ и должность своимъ имѣніемъ столь много добра дѣлать, сколько можно, то и сіе разумъ быть долженъ, какъ всю великую любовь къ деньгамъ подавлять, такъ и всего ненужнаго иждивенія удаляться; а того труда не бѣгать, которой хорошаго употребленія имѣнія требуетъ. Это должность, быть милостивымъ помогателемъ и благотворительнымъ; и имѣніе, безъ котораго мы быть можемъ, употреблять на ненужныя драгоцѣнности и украшенія и на другія удовольствія, вмѣсто того, чтобъ мы помогали чрезъ то недостатку другихъ, бѣдныхъ утѣшали и нагихъ одѣвали, есть предъ разумомъ похищеніе у бѣдныхъ. Тотъ еще не есть разумной содержатель своего имѣнія, кто оное когда нибуть сего дня, или завтра хорошо располагаетъ; поелику онъ еще не чистосердечной человѣкъ, которой одинъ или нѣсколько разъ, правду сказываетъ. И потому полезное употребленіе нашего имѣнія, или излишества должно распространяться чрезъ всю нашу жизнь и быть способностію какъ всѣ другія должности; и какъ имѣніе навсегда остается даромъ провидѣнія, то и мы должны стараться во всякое время употреблять его по нашей совѣсти наилучше и наипохвальнѣе.

Послѣ *трудолюбія бережливость* есть славное средство наше имѣніе умножать и убожеству воспрепятствовать. Чрезъ нея богатой свое сокровище предохраняетъ отъ безпечнаго расточенія, и чрезъ нея убогой богатъ во многихъ вещахъ. Бережливость, хотя бы и Римской Консулъ не ска-

сказалъ, есть не только величайшей доходъ, кои почти всегда защитница противъ скупости, потому, что она насъ научаетъ искусству, малымъ быть довольными, и необходимо нужное отъ ненужнаго разумно различать. Безъ бережливости Король не весьма богатъ; и чрезъ нея убогой бываетъ самъ себѣ благотворитель: она споспѣшествуетъ довольству и умѣренности, изъ коихъ она, ежели есть добродѣтель, вопервыхъ проистекаетъ. Она умѣряетъ и учреждаетъ не только иждивеніе, коего наше содержаніе, одежда, наши жилища и удовольствія требуютъ; но и научаетъ насъ, чрезъ осторожное употребленіе, хранить продолжительность и красоту внѣшнихъ нуждъ. Многіе люди, кои жалуются, что они весьма мало въ своемъ состояніи имѣютъ, довольно бы имѣли, ежели бы, ненужной росходъ отставляли, котораго общее обыкновеніе, великолѣпіе, спокойствіе и нужной вкусъ требуетъ; и у многихъ, кои ни для кого, какъ только для себя имѣютъ довольно; ежели бы сіе дѣлали, еще бы оставалось для благотворительства и похвальнаго щедроданія. Младшій Плиній, которой столь охотной и столь хорошей былъ щедроподатель, научаетъ насъ источнику своего благотворительства. ,, Чего не получалъ и чрезъ свои доходы: то награждаю своею ,, бережливостію и умѣренностію; она есть источникъ, изъ котораго моя щедрость проистекаетъ. ,, Сей примѣръ великаго мужа и Министра показываетъ, что въ высочайшемъ состояніи столь мало должно стыдиться бережливости, что она напротивъ того есть украшеніе великаго. Мы можемъ многихъ вещей не имѣть благополучно, ежели хотимъ, и сердце пріобрѣтаетъ себѣ богатства, когда оно малаго желаетъ.

Сеюсь

Сеюсъ жалуется, что нѣтъ у него благихъ щастія. Онъ трудится не умѣренно, чтобъ себя и свой домъ содержать, однакожъ при всемъ своемъ трудѣ претерпѣваетъ недостатокъ. Онъ никогда не имѣетъ столь много, сколько требуетъ; однакожъ получаетъ много чрезъ свое прилѣжаніе. Кто можетъ быть виноватъ въ семъ недостаткѣ, можетъ быть самъ *Сеюсъ*. Пускай онъ посмотритъ на свои и своей супруги росходы. Пускай онъ росходъ общаго обыкновенія отдалитъ отъ того, чего требуетъ благопристойность и необходимость. Его состояніе не требуетъ бархатнаго платья, отъ него слѣдовательно онъ бы могъ сто талеровъ сберечь, и съ симъ стомъ десяти талеровъ еще иждивеніе сберечь, коихъ у него богатой кафтанъ при публичныхъ случаяхъ *требуетъ*. Онъ имѣетъ истинныя заслуги, для чего онъ хочетъ глаза къ себѣ привлекать чрезъ платье? Мудрой почитаетъ его не болѣе, но менѣе, потому что онъ знаетъ, что болѣе росходу держитъ, нежели разумной домостроитель держать долженъ. Его гостопріемства стоютъ ему каждой годъ ста талеровъ. Пускай онъ научится пятнатцатью отправить и пускай будетъ довольно великодушенъ, чтобъ имѣть только тѣхъ пріятелей, кои однимъ кушаньемъ и имъ довольны: то онъ много побережетъ. Онъ безъ свѣденія о томъ самомъ расточаетъ только на бездѣлицы, кои онъ столь охотно покупаетъ за пятнатцать талеровъ, хотя онъ въ нихъ нужды не имѣетъ. Пускай онъ сдѣлается домостроителемъ и научитъ себя и свою жену той истиннѣ, что великая бережливость есть не всякія покупать вещи. Пускай онъ научится не

доро-

дорогимъ жилищемъ быть доволенъ и побережетъ только тогда, когда ему честь есть беречь; то онъ будетъ довольно имѣть и можетъ быть оставаться у него будетъ. Не нужды только, но часто наши ненасытныя желанія жизнь дѣлаютъ недостаточною и бѣдною.

Важности и *власти* искать, чтобъ оная другихъ трогала, есть властолюбіе и тиранство. Важности и власти искать, или требовать, чтобъ ея имѣть и себя прельщать своимъ преимуществомъ, есть гордость. Власти и важности надлежащимъ образомъ и не иначе, какъ чрезъ заслуги искать, или когда они чрезъ рожденіе и званіе правильно достаются. Хранить, чтобъ безопасность и разумную сохранить вольность и другимъ сдѣлать себя полезнымъ, есть мудрая должность.

И такъ желаніе средствъ, кои наше внѣшнее благо остояніе поправляютъ, къ нашимъ потребностямъ нужны и къ позволенному спокойствію способствуютъ, есть сама по себѣ невинно и основывается на естественномъ побужденіи къ блаженству. Ежели притомъ мой конецъ есть благополучіе другихъ, то не только невинное, но и похвальное есть желаніе да и когда притомъ берутъ въ разсужденіе законъ разума и взираютъ на Бога, то заслуживаетъ названо быть и добродѣтельнымъ желаніемъ. Напротивъ того какъ скоро желаніе богатствъ и власти не заключаемъ въ границахъ, отъ разума ему предписанныхъ: то оно бываетъ неумѣренная и безчестная страсть имѣнія и власти желать, любить и хранить;

чтобъ оныя имѣть и средство, противъ его естества, въ послѣдней конецъ превращать, есть подлѣйшая степень сребролюбія и гордости, имѣнія и важности желать, искать и имѣть для того только что они суть средства, нашу чувственность и суетность и сновидѣнія воображенія довольствовать; хотя не есть столь высокая степень глупости однако всегда противно разуму. Тогда мѣра имѣній, коихъ ищутъ, совсѣмъ будетъ располагаема по мѣрѣ желаній и воображенія; и какъ сіи границъ не знаютъ, то и они ихъ имѣть не могутъ.

Безопаснѣйшей путь къ достиженію богатства и гражданской власти всегда остается путемъ способности и прилѣжанія, чистосердечія и мудрости, тщанія, бережливости и угожденія въ обхожденіи: онъ есть путь ко храму добраго имени и похвальному богатству. Хотя бы сей путь обманывалъ, однако онъ есть правильной и по немъ итти и безъ удачливаго успѣха, всегда есть награда. Всѣ другія мѣры, чтобъ сдѣлаться богатымъ, суть либо вкрадывающіяся, или порочныя.

Сколь многотрудно есть сокровища снискать. Долженъ ли я ихъ глупо чрезъ приданое и коварно чрезъ наслѣдство получить? долженъ ли чрезъ рабство предъ большими покупать и подлымъ быть, чтобъ видѣть себя вскорѣ богатымъ? долженъ ли я какъ серпилъ, чрезъ клятвопреступленіе ихъ пріобрѣтать. Государство, сиротъ, олтарь и Бога тѣмъ обманывать.

Мудрость, которая намъ приказываетъ при нашемъ прилѣжаніи и употребленіи нашей полезной способности на обстоятельства времени, мѣста,

ста, земли, въ которой мы живемъ, на удобные случаи смотрѣть, кои появляются, чтобъ другихъ недостатокъ чрезъ нашу щаливость награждить, и изъ того столь же законную, сколь рѣдкую выгоду получать. Сія мудрость безъ помощи, хитрости и корыстолюбія сдѣлаетъ насъ остроумными въ изобрѣтеніяхъ и предпріятіяхъ и научитъ насъ бодрости и проворству, съ которымъ оныя въ дѣйство производимы быть должны, хотя мы наконецъ по сему правилу, которое предписали, не дѣлаемся богатыми; однако становимся и остаемся полезными и непорочными мужами, кои столь много пользы пріобрѣтутъ, сколько содержаніе жизни требуетъ и которыя другимъ многоразличнымъ образомъ благодѣянія показать могутъ, хотя не чрезъ свое изобиліе.

Но ежели мы, не взирая на прилѣжаніе въ нашемъ званіи, остаемся бѣдны, или не взирая на нашу способность, долго, или всегда безъ опредѣленнаго званія, которой послѣдней случай есть весьма рѣдокъ, то оное должны мы почитать какъ судьбу, которую намъ десница провидѣнія нести на свѣтѣ наложила и оную спокойно нести, есть добродѣтель. Сколь много можемъ себѣ по крайней мѣрѣ отъ милости людей и еще болѣе отъ милости провидѣнія обѣщать, что мы при прилѣжаніи и трудѣ, пищу и платье и въ случаяхъ немощи и дороговизны любезныя подкрѣпленія найдемъ: не забывайте только того, что *не изцѣляяй себе въ своихъ дѣлахъ братъ есть погубляющему себе самаго.* (*) И недостатокъ, которой

(*) Притч. Сол. 18. 9.

которой претерпѣваютъ отъ себя, не смѣшивайте съ похвальнымъ убожествомъ, и тщетное желаніе богатствѣ съ позволеннымъ желаніемъ нужнаго пропитанія.

Сирахъ справедливость, или непорочность и добродѣтель дѣлаетъ источникомъ чести и благополучія. (* Мѣсто есть превосходно такъ, что я вамъ его не могу не представить. „ Боящися Господа сотворитъ сіе, держайся закона постигнетъ ю. И срящетъ его яко мати и яко жена „дѣвства пріиметъ и ухлѣбитъ его хлѣбомъ разума, и водою премудрости напоитъ, и утвердится на ней и не преклонится, до нея пристанетъ „и не постыдится, и вознесетъ его паче искренних его и посредѣ церкве отверзетъ уста его: „веселіе и вѣнецъ радости и имя вѣчно наслѣдитъ, не постигнутъ ея человѣцы не разумивы, и мужіе грѣшніи не узрятъ ея: далече „есть отъ гордыни и мужіе лживіи не имутъ помянути ея. „

Слушатели, хотя честь и богатство кажутся достойными желанія; однако для нашего истиннаго покоя не нужно намъ великое имя и великія богатства. Сколь утѣшительно сіе примѣчаніе! Наилучшая слава, есть слава должности, свидѣтельство хорошей совѣсти предъ Богомъ, и любовь непорочнаго друга и мужа: сія слава состоитъ въ нашей власти. Вся другая честь, честь великихъ талантовъ и чрезвычайныхъ дѣлъ, безъ чести сердца для насъ собственно ничего не стоитъ. Она дѣлаетъ насъ славными и знатными, но не дѣлаетъ мудрыми и лучшими.

(*) Гл. 15. ст. 1. 8.

шими. И такъ ежели природа не наградила насъ великими дарованіями, что желаемъ славы великихъ дарованій? Развѣ хотимъ самихъ себя и свѣтъ обмануть и на себя наложить ужасное бремя, стяжаніе сохранить, которое легко и у законнаго владѣтеля отнято быть можетъ, и слѣдовательно еще гораздо болѣе тому, которой къ нему подкрался, ни на одинъ часъ не надежно? При одномъ талантѣ, которой ты получилъ, будь доволенъ славою, что ты симъ однимъ талантомъ пользовался и оной тщательно употребилъ. Сіе есть честь предъ людьми, предъ Ангелами и предъ Богомъ. Ежели мы получили великіе и особенные таланты, хорошо! Они не для великолѣпія нашего имени, но для пользы свѣта и для наблюденія нашихъ должностей даны. Употребляйте сіи дарованія на сей конецъ, не смотря, всегда ли слѣдуетъ за вами внѣшняя слава; довольно, что вы внутреннюю имѣете, похвала непорочныхъ никогда не отдаляется отъ услугъ. Сіе есть довольная честь, однакожъ великія заслуги часто въ пыли оставаться должны; они часто вмѣсто гласа общественныхъ восклицаній должны слушать гласъ клеветы и зависти. Тогда наша великость состоитъ въ томъ, чтобъ не смотрѣть на низкость и презрѣніе, такими остаться, каковыми въ самомъ дѣлѣ, хотя бы весь свѣтъ насъ не зналъ. Не пекитеся о томъ, каковыя чести и достоинства впредь васъ ожидаютъ, дражайшіе юноши, и смѣло продолжайте путь должности и заслуги, наукъ и благонравія, какъ вы поступаете. Планъ нашей судьбины отъ вѣка учрежденъ, и хорошъ, однако не тотъ, которой мы себѣ начертили. Я почитаю и

познаю

познаю особенныя путеводства провидѣнія по своей собственной судьбинѣ. Никогда я не желалъ того пути, на которомъ я теперь себя нахожу; и все должно было совокупиться, чтобъ меня не примѣтно по оному вести. Когда я теперь озираюсь и себя съ понятностями и силами беру въ разсужденіе: то есть такое состояніе, въ которомъ я, да буди благодареніе благости Божіей, нахожусь и котораго я не желалъ, такое, въ которомъ по своей природной остротѣ и по качеству моего тѣла, болѣе полезнаго могу дѣлать, нежели въ другомъ, хотя то мало, что я дѣлаю. Наша судьбина въ то самое время, когда мы желаемъ, часто не открывается; но *терпи!* часъ придетъ. Она часто для насъ скучна; но терпи! будетъ милостивѣе. Многіе изъ низкости извлечены, прежде нежели о томъ думали, и изъ недостатка, въ которомъ они воздыхали, приведены въ изобиліе, чрезъ тѣ дороги, коихъ они не знали прежде. Человѣкъ, обыкновенно говорятъ, есть творецъ своего счастія; очень ложное положеніе, ежели оно не ограничивается. Господь неба и земли есть Творецъ онаго; а наша должность есть по Его расположенію, для нашего благополучія съ преданностію, кротостію и упованіемъ трудиться. Его попеченіе не оскорблять желаніемъ пропитанія благихъ и достоинствъ. Онъ знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду, и Онъ намъ болѣе добра желаетъ, нежели мы сами. *Ищите прежде царствія Божія и правды его и сія вся приложатся вамъ.* (*)

(*) Матѳ. 6. 33.

Я знаю похвалу, дражайшіе пріятели, и знаю ея *наготу*. Она не успокоевает сердца. Желаніе оной есть жажда, многимъ трудомъ утоляется и еще бываетъ сильнѣе. Ежели мы ея получаемъ, то есть бремя, и незнатная жизнь гораздо сходнѣе съ природою.

Блаженъ тотъ, котораго хорошая судьбина предохраняетъ отъ великой славы и счастія, которой тому, что свѣтъ высокопочитаетъ, смѣется, которой свободенъ будучи отъ дѣлъ, силы тѣлесныя и душевныя дѣлаетъ орудіемъ тихой добродѣтели.

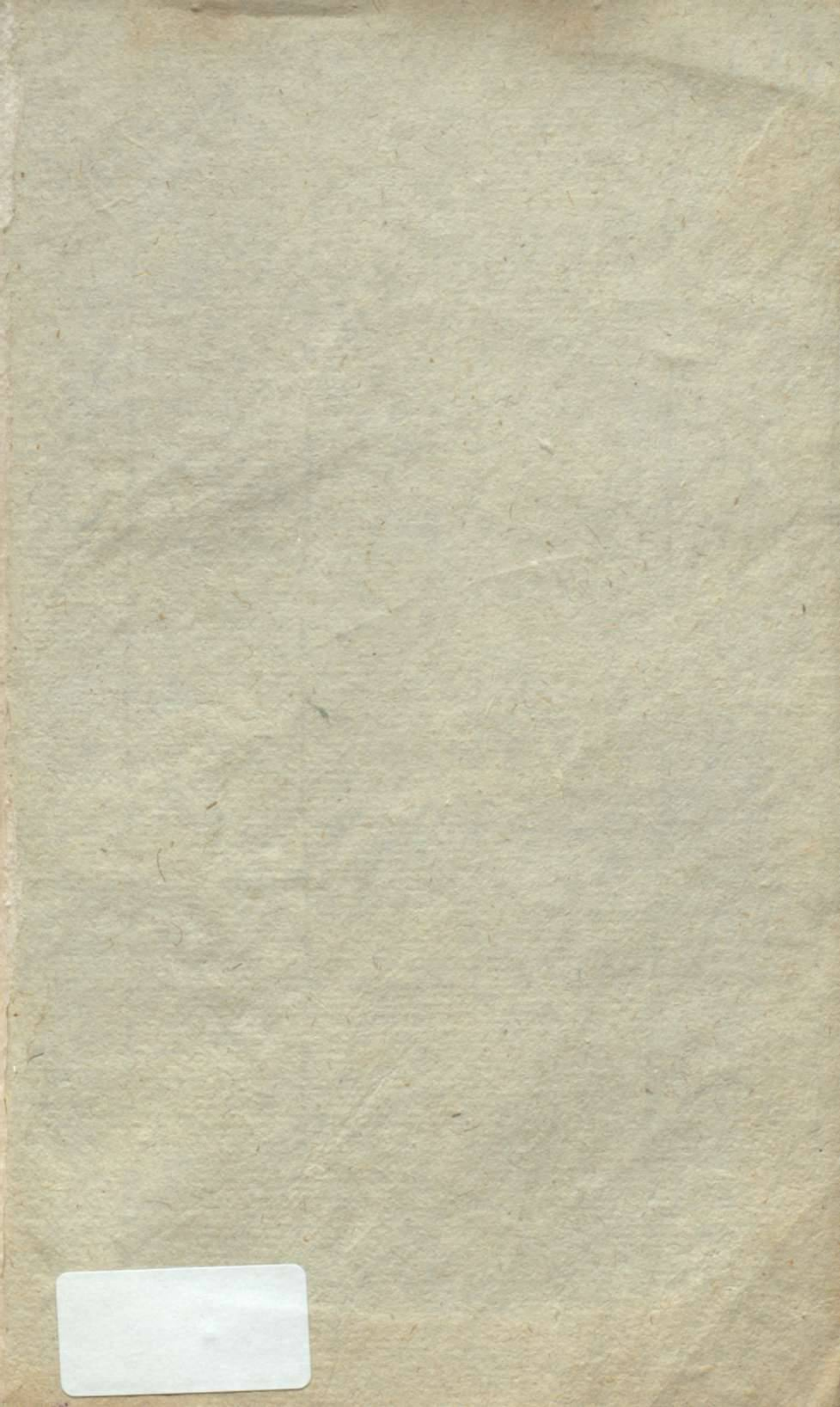
Я знаю богатства не чрезъ стяжаніе; но я знаю ихъ въ рукахъ другихъ. Они рѣдко счастіемъ, а наказаніемъ часто бываютъ и труднѣе сносить богатство, нежели убожество.

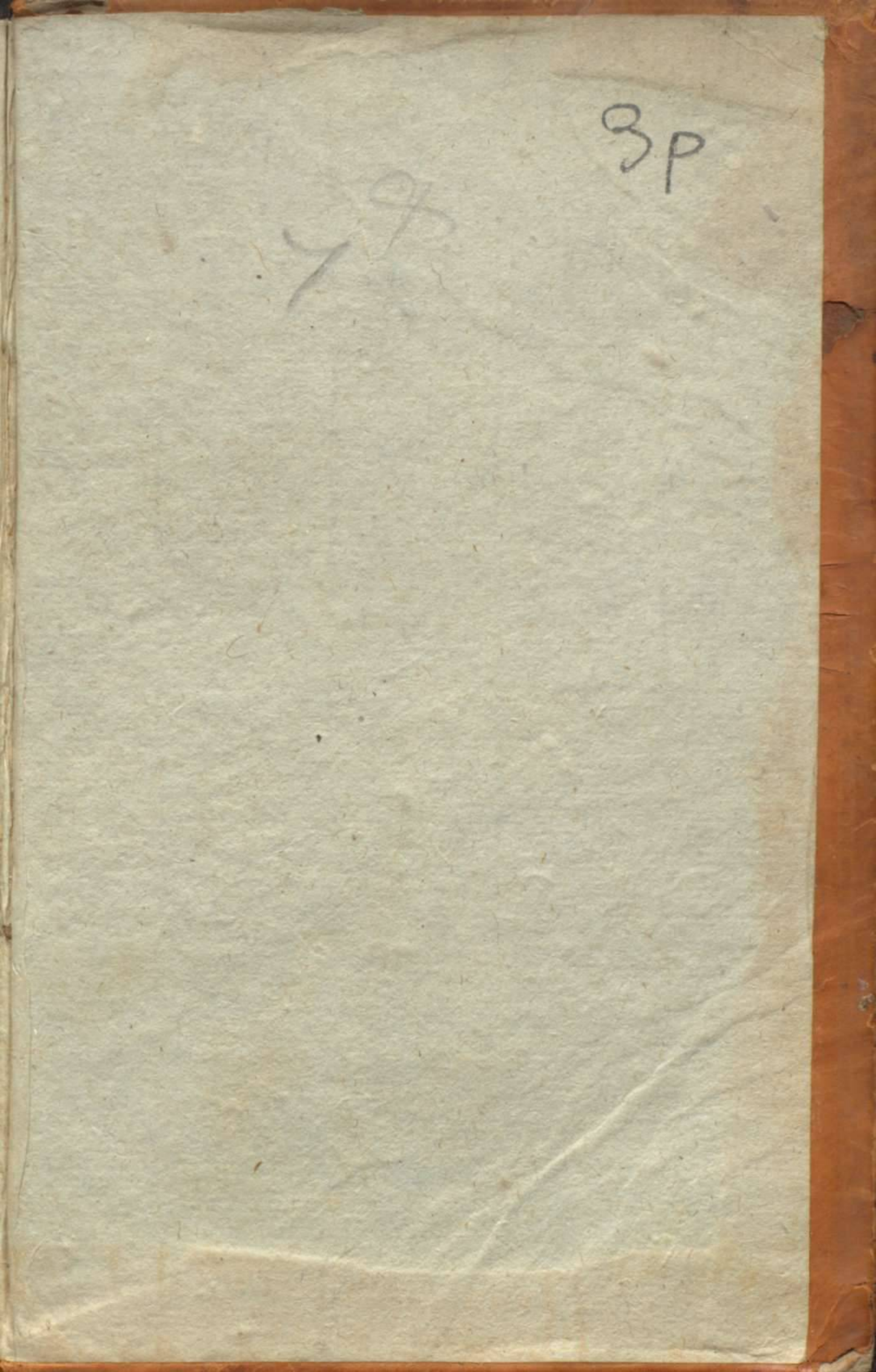
Я еще повторяю, что и самое малое въ судьбинахъ человѣческихъ зависитъ отъ Божескаго правленія, расположенія и позволенія, и планъ, которой оно располагаетъ, хотя съ нашимъ желаніемъ не согласенъ; однако для насъ и свѣта остается наилучшимъ. И потому, юноша, пекися только о истинной заслугѣ со всякою ревностію, въ кротости и смиреніи, *и буди уповая всѣмъ сердцемъ на Бога; о твоей же премудрости не возносися, во всѣхъ путехъ твоихъ познавай ю, да исправляетъ пути твоя;* (*) утѣшайся.

Ты видишь въ десницѣ того, которой былъ прежде нежели ты думалъ, планъ, для твоего счастія отъ вѣка сдѣланной, планъ для счастія червя; которой предъ твоимъ глазомъ исчезаетъ; и которой пищу и свой домъ въ малѣйшей песчинкѣ обрѣтаетъ.

(*) Притч. Сол. 3. 5. 6.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.




3p